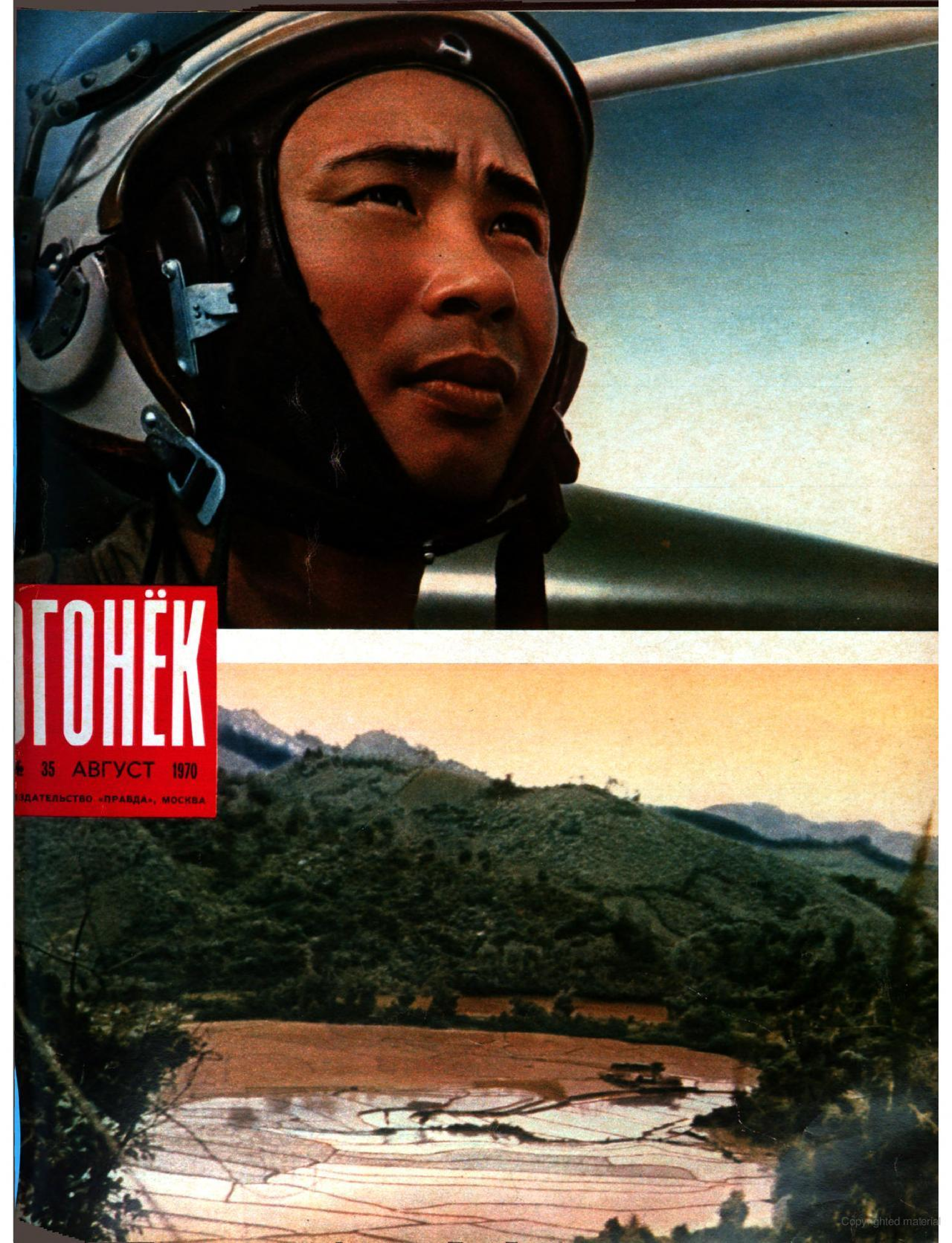

ОГОНЁК
№ 35 АВГУСТ 1970
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
Copyrighted material

Заседание Политического консультативного комитета государств — участников

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 35 (2252)

29 АВГУСТА 1970

ЗАСЕДАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНСУЛЬ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВ— УЧАСТНИКОВ ВАРШАВСКОГО

Делегация Советского Союза на заседании Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора.

Варшавского Договора.

ТАТИВНОГО

ДОГОВОРА

Фото В. Егорова и А. Стужина. (ТАСС).

20 августа 1970 года в Москве состоялось заседание Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора.

В заседании приняли участие:

Первый секретарь ЦК БКП, Председатель Совета Министров НРБ Т. Живков, член Политбюро, секретарь ЦК БКП Б. Велчев, член ЦК БКП, министр иностранных дел НРБ И. Башев;

Первый секретарь ЦК ВСРП Я. Кадар, член Политбюро ЦК ВСРП, Председатель Венгерского революционного рабоче-крестьянского правительства Е. Фок, член ЦК ВСРП, министр иностранных дел ВНР Я. Петер;

Первый секретарь ЦК СЕПГ, Председатель Государственного совета ГДР В. Ульбрихт, член Политбюро ЦК СЕПГ, Председатель Совета Министров ГДР В. Штоф, член Политбюро, секретарь ЦК СЕПГ Э. Хонеккер, член Политбюро, секретарь ЦК СЕПГ К. Хагер, член Политбюро, секретарь ЦК СЕПГ Г. Миттаг, кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК СЕПГ Г. Аксен, член ЦК СЕПГ, министр иностранных дел ГДР О. Винцер;

Первый секретарь ЦК ПОРП В. Гомулка, член Политбюро ЦК ПОРП, Председатель Совета Министров ПНР Ю. Циранкевич, член Политбюро, секретарь ЦК ПОРП З. Клишко, член Политбюро ЦК ПОРП, министр иностранных дел ПНР С. Ендриховский, заместитель министра иностранных дел ПНР Ю. Виневич;

Генеральный секретарь РКП, Председатель Государственного совета СРР Н. Чаушеску, член Исполкома и Постоянного Президиума ЦК РКП, Председатель Совета Министров СРР И. Г. Маурер, член Исполкома и Постоянного Президиума, секретарь ЦК РКП П. Никулеску-Мизил, член ЦК РКП, министр иностранных дел СРР К. Мэнеску;

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, член Политбюро, секретарь ЦК КПСС А. П. Кириленко, секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев, член ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член Центральной ревизионной комиссии КПСС, заведующий отделом ЦК КПСС К. В. Русаков;

Первый секретарь ЦК КПЧ Г. Гусак, член Президиума ЦК КПЧ, Председатель правительства ЧССР Л. Штроугал, член ЦК КПЧ, министр иностранных дел ЧССР Я. Марко.

Целью заседания явилось обсуждение актуальных международных проблем в соответствии с установившейся практикой отношений между социалистическими странами — участницами Варшавского Договора.

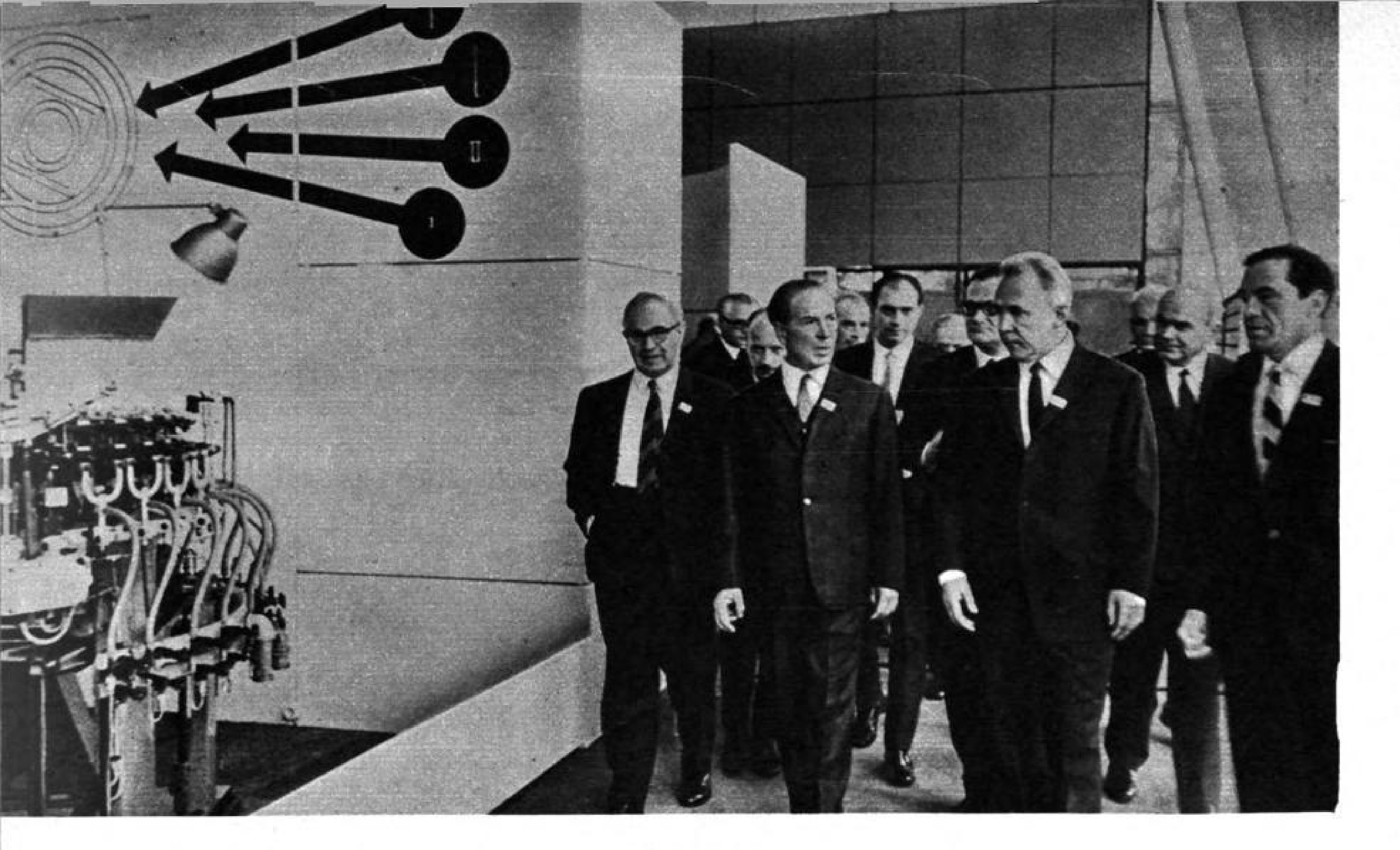
Основное внимание было уделено современному положению в Европе, которое, по общему мнению, имеет важное влияние на мировую обстановку в целом.

Участники отметили, что переговоры и подписание договора между СССР и ФРГ 12 августа 1970 года являются важным шагом на пути разрядки напряженности и нормализации обстановки в Европе, отвечают интересам всех народов и послужат делу развития активных межгосударственных отношений между всеми европейскими странами на основе принципов мирного сосуществования. Они выразили твердое намерение предпринимать зависящие от них дальнейшие шаги, направленные на укрепление европейской безопасности, в частности, вместе с другими заинтересованными странами, принимать активные меры для реализации в ближайшем будущем находящего все более широкую поддержку предложения о созыве общеевропейского совещания.

Состоялся также обмен мнениями по некоторым другим актуальным международным проблемам.

Было вновь выражено убеждение в том, что укрепление братских связей и всестороннего сотрудничества между социалистическими странами является залогом обеспечения мира и европейской безопасности.

Заседание проходило в духе полного согласия, дружбы и сотрудничества.

День интересных знакомств

День, отведенный знакомству с открытой в Москве юбилейной выставкой «25 лет свободной Венгрии», оказался наполненным до предела и очень интересным. Едва входишь в раздел станкостроения, становится ясно: только этому великолепному, насыщенному новинками разделу надо бы посвятить несколько часов. 170 предприятий показывают свою продукцию. «Ерш-200», токарный автомат с программным управлением, считается самым совершенным. Не только в Венгрии — в мире. Фрезерному «ММ 320-01» в Лейпциге присудили золотую медаль...

На стендах объединения «Видеотон» стоят и работают отличные магнитофоны, телевизоры, радиоприемники. Они передают эстафету разделу химии. Здесь и ткани, и парфюмерия, и бытовая химия, и косметика, и лекарственные препараты, которыми так славится Венгрия.

А выставка торопит, обещая еще много интересных знакомств. На втором этаже — одежда. Мини, миди и макси. Спорящее триединство моды — разберись, попробуй отдать предпочтение какому-либо стилю. Свой вклад в спор между миди, мини и макси внесло и шоу — динамичное, элегантное представление, которым венгерские модельеры подчеркивают преимущества той или иной модели. Платья, костюмы, плащи и обувь. И тут же плакат, сообщающий, что Венгрия поставила перед собой задачу вдвое увеличить в течение предстоящей пятилетки продажу швейных изделий в СССР. Пока мамы изучают моды, ребята осваивают богатства «игрограда» с кукольным театром, с остроумными и милыми играми и игрушками.

Огромный павильон не вместил всего разнообразия экспонатов, привезенных в Москву с берегов Дуная. Вокруг — десятки автомобилей и автобусов. В их числе «Икарус-250» — конференц-зал на колесах, автобус с поворачивающимися креслами и кондиционированием воздуха, с диктофонами и электропишущими машинками.

Словом, выставка разнообразна и хороша. И это подчеркивает все растущий поток посетителей.

К. БАРЫКИН

ВЕНГЕРСКАЯ ЮБИЛЕЙНАЯ

О славных трудовых победах братского народа, одержанных в тесном содружестве с народами Советского Союза и других социалистических стран, наглядно рассказывает открывшаяся 20 августа на территории ВДНХ СССР юбилейная выставка «25 лет свободной Венгрии».

На торжественном открытии выставки присутствовали Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, Председатель Венгерского революционного рабоче-крестьянского правительства Е. Фок, представители советских партийных, государственных и общественных организаций.

Приветствуя от имени ЦК КПСС и Советского правительства венгерских друзей, товарищ А. Н. Косыгин сказал: «Достижения венгерского народа в развитии национальной экономики, культуры, в повышении жизненного уровня являются в то же время важным вкладом в укрепление всего социалистического содружества, его экономической и оборонной мощи, его высокого авторитета и влияния в мире».

21 августа выставку посетили товарищи Г. И. Воронов, А. П. Кириленко, А. Я. Пельше, Ю. В. Андропов, П. Н. Демичев, Ф. Д. Кулаков.

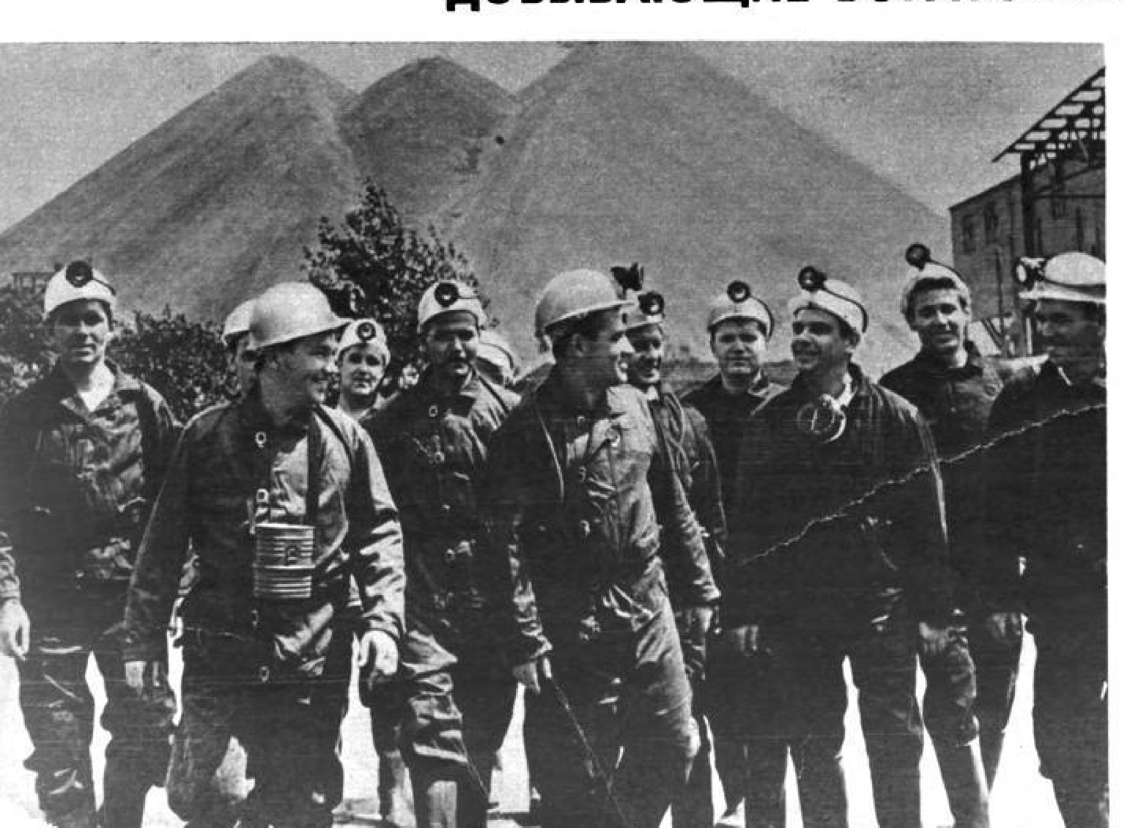
На выставке были Первый секретарь ЦК ВСРП Я. Кадар, член Политбюро ЦК ВСРП, Председатель Венгерского революционного рабоче-крестьянского правительства Е. Фок, член ЦК ВСРП, министр иностранных дел ВНР Я. Петер, принимавшие участие в заседании Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора, а также член Политбюро ЦК ВСРП, заместитель Председателя Венгерского революционного рабоче-крестьянского правительства А. Апро, члены правительственной делегации Венгрии, посол ВНР в СССР Д. Рапаи.

На снимке: Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, Председатель Венгерского революционного рабоче-крестьянского правительства Е. Фок и другие официальные лица осматривают юбилейную выставку «25 лет свободной Венгрии».

Фото Б. Трепетова и В. Созинова (ТАСС).

30 августа — День шахтера

ДОБЫВАЮЩИЕ БОГАТСТВА ЗЕМЛИ

День шахтера — праздник не только одних угольщиков, его отмечают также горняки, добывающие железную руду, марганец, апатиты, горючие сланцы и многие другие богатства земли. Тысячи угольных комбайнов, проходческих машин, транспортеров и другой техники имеют теперь на своем вооружении советские шахтеры. По-прежнему один из ведущих районов добычи угля — Донецкая область. Отлично встречает свой праздник коллектив шахтоуправления «Родинское» треста «Красноармейскуголь». С начала года здесь добыто сверх плана более 50 тысяч тонн угля.

Немалую лепту в этот поток топлива внесла и бригада, возглавляемая В. М. Приходченко, которую вы видите на снимке.

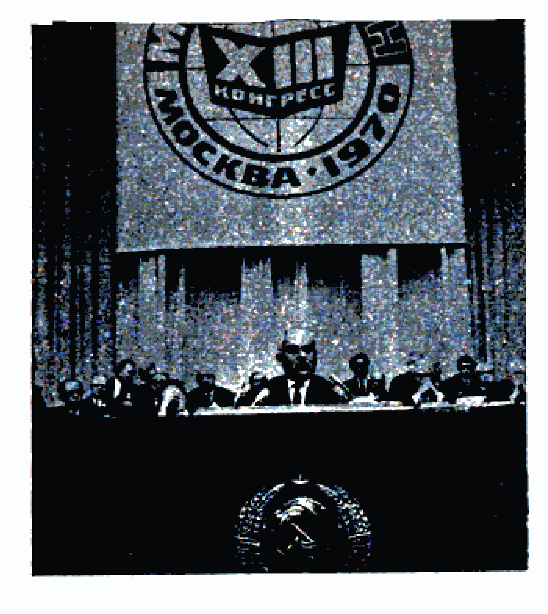
Фото С. Гендельмана (ТАСС).

КАЖДАЯ ЧЕТ

Миллионы книг — от букваря до учебников по высшей математике — выпускают к первому сентября издательства страны. Сегодня, в горячие дни предучебной страды, каждая четвертая изданная в Российской Федерации книга — учебник. Издательство «Просвещение», крупнейший издатель учебной литературы, выпустило к первому сентября учебники 271 названия. Тираж их более 202 миллионов экземпляров.

— Их печатают лучшие типографии страны,— сообщили корреспонденту «Огонька» в издательстве «Просвещение». — Только 1-я образцовая дает к началу школьного года восемь миллионов экземпляров таких книг.

Особенность нынешнего года — учебники для учителей: методические пособия, призванные раскрыть новый материал, познакомить с новыми нау-

XIII МЕЖДУНАРОДНЫЙ

Восемь дней проходил в Москве XIII Международный конгресс исторических наук. Около четырех тысяч ученых из 60 стран приняли участие в его работе. «Нас радует, что в Москву прибыли ученые со всех континентов мира, кроме Антарктиды, да и то только потому, что пока еще там нет университета»,— сказал избранный вновь президент Международного комитета исторических наук, крупный советский ученый академик А. А. Губер.

«История призвана изучать сложный и многообразный путь, пройденный человечеством, богатейший опыт поколений в борьбе за социальный прогресс, за наиболее совершенную организацию общества. Обширные знания, накопленные ею, являются ценнейшим достоянием мировой культуры»,— говорится в приветствии участникам конгресса Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина.

Темы, обсуждаемые учеными, были чрезвычайно широки и разнообразны: от античной истории — до наших дней, от вопросов методологии — до истории континентов и новейших событий. Оживленный обмен мнениями вызвали такие темы и работы, как «Машинные методы обработки информации на службе исторической науки», «Машина и история» и т. д.

С особенным интересом ученые мира выслушали доклад академика Е. М. Жукова «Ленин и история». В центре работы конгресса был специальный симпозиум на тему «Ленин и историческая наука». На этом симпозиуме было сделано свыше 30 интересных сообщений.

На торжественной церемонии закрытия известный бельгийский ученый Поль Арсен отметил большой успех московского конгресса и поблагодарил советских коллег за теплый прием.

В. ВАСИЛЬЕВА

На снимке: академик Е. М. Жуков выступает с докладом «Ленин и история».

Фото В. Кошевого (ТАСС).

ВЕРТАЯ КНИГА—УЧЕБНИК

ками, помочь педагогам лучше разобраться в новой программе. Десять с половиной миллионов таких учебников 134 названий выходят с маркой издательства «Просвещение». Впервые издаются книги для факультативных занятий — и по математике и языковые, по химии и физике... Почти во все города учебники уже посланы. Они пришли в школы, откуда скоро перекочуют в портфели и ранцы. Ленинградское отделение издательства ведет подготовку к выпуску учебников на чукотском, звенкийском, ненецком языках.

К. КОСТИН

На снимке: в московском магазине «Педагогическая книга».

Фото К. Каспиева.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

РОЖДЕННАЯ НАДЕЖДА

Виктор **КУДРЯВЦЕВ**

Прекращение огня наступило 8 августа в час ночи по каирскому времени. Непривычным было это жаркое августовское утро для жителей северо-восточного Египта: не гремели дальнобойные орудия, установленные за железобетонными прикрытиями, в чистом небе не появлялись самолеты американского производства с израильскими опознавательными знаками, чтобы обрушить смерть и огонь на города и села. Люди разбирали развалины на улицах Порт-Саида и Исмаилии...

Это был еще не мир. Даже не перемирие.

Но это была уже реальная надежда на урегулирование, рожденная в сердцах людей после долгих месяцев страданий и горя, мужества и стойкости.

Прекращение огня и возобновление консультаций специального представителя генерального секретаря ООН, посла Ярринга, означает, что убран первый завал на пути мирного разрешения конфликта. Конечно, таких завалов еще много. Да, кроме того, тель-авивские ястребы и их покровители в западных странах продолжают нагромождать новые. Но первый, очень важный шаг сделан. Арабская общественность, все, кто добивается, чтобы на Ближнем Востоке были восстановлены мир и справедливость, с удовлетворением восприняли этот шаг.

Популярность мирного урегулирования на Ближнем Востоке побуждает кое-кого попытаться поднять свои политические дивиденды в арабском мире за этот счет. Сейчас Вашингтон, снабжавший и снабжающий Израиль оружием, неизменно поддерживавший агрессивный курс Тель-Авива, пытается встать в позу «миротворца», чуть ли не «благодетеля» арабских народов. Сдвиги в деле мирного урегулирования приписываются «успехам» американской дипломатии. Их изображают в виде «подарка» арабским народам от новоявленных друзей с берегов Потомака. Быть миротворцем стало настолько выгодным, что в госдепартаменте даже возник спор: кто является истинным автором «мирной инициативы» — лавры оспаривают друг у друга государственный секретарь Роджерс, его помощник по делам Ближнего Востока Сиско и советник президента Киссинджер.

Оценку деятельности этих «миротворцев» весьма определенно дал министр национального руководства ОАР М. Хейкал. Он подчеркнул, что плоды дипломатической активности, связанные с последующим прекращением огня, не являются ни в коей мере «подарком» со стороны США. «Это результат,— сказал он,— увеличения помощи Советского Союза ОАР, вследствие чего Соединенные Штаты поняли, что арабско-израильский конфликт имеет не локальный, а международный характер...»

Благодаря помощи Советского Союза ОАР и другие арабские страны выстояли в ходе упорной борьбы с израильскими агрессорами, которые пытались навязать им длительную войну на истребление. Одновременно Советский Союз и другие социалистические страны ни на один день не прекращали своих усилий, направленных на мирное урегулирование на Ближнем Востоке. Этого никогда не забудут арабские народы. На всех языках, в том числе и арабском, существует пословица о том, что друзья познаются в беде. Советско-арабская дружба прошла надежное испытание в горниле исторических потрясений на Ближнем Востоке.

Так же как раньше Вашингтон пытался поставить на одну доску агрессора и жертву агрессии, утверждая, будто бы обе стороны «одинаково» виноваты в конфликте, так и теперь он стремится изобразить дело так, будто бы они проявляют равное упрямство, когда дело касается мирного урегулирования.

Однако ОАР и другие арабские страны ясно и определенно заявили, что они будут выполнять временное трехмесячное прекращение огня и окажут все необходимое содействие миссии посла Ярринга. Египетская сторона уже назначила необходимых представителей для участия в консультациях с ним.

После долгих проволочек наконец и Тель-Авив был вынужден назначить своих представителей на консультации с Яррингом. Но вместе с тем Израиль не прекращает раздувать пропагандистскую кампанию, пытаясь обвинить ОАР «в нарушении» временного прекращения огня. (Эти обвинения не поддержал даже Вашингтон — настолько они были нелепы.) Как сообщил представитель У Тана по вопросам печати, начиная с 7 августа секретариат ООН уже получил от Израиля четыре таких «протеста».

Одновременно израильские лидеры дают понять, что они не намерены отказываться от своих захватнических планов. Об этом недавно без всяких дипломатических увертон заявил генерал Даян, обнародовавший список захваченных территорий, которые, по его мнению, Израиль должен во что бы то ни стало сохранить за собой: Голанские высоты, сектор Газы, Восточный Иерусалим и Шарм-аш-Шейх. Председатель сенатской комиссии США по иностранным делам У. Фулбрайт в этой связи совершенно законно указывает, что справедливое урегулирование «потребует ухода Израиля со всех территорий, оккупированных во время войны 1967 года».

...Кровавая борозда в жизни народов Ближнего Востока должна быть запахана. Земли, незаконно захваченные у арабов, возвращены. Всем государствам этого района должны быть обеспечены справедливые и надежные границы, исключающие аннексию чужих территорий,— в этом направлении необходимо сделать следующий шаг, которого ожидают народы этого многострадального района земного шара.

КОРРЕСПОНДЕНТЫ «ОГОНЬКА» РАССКАЗЫВАЮТ О ПРЕДСЪЕЗДОВСКОЙ ВАХТЕ МОСКВИЧЕЙ.

Москвичи четко сформулировали программу предсъездовского соревнования:

Пусть каждый рабочий выполнит свой личный годовой план к 1 декабря;

основные направления экономического наступления:

— ускоренное освоение новой техники и внедрение прогрессивной технологии;

— повышение темпов реконструкции предприятий;

— увеличение надежности и долговечности выпускаемых изделий.

Тысячи и тысячи весомых подарков преподнесут москвичи XXIV съезду партии. Наши корреспонденты комментируют лишь несколько строк из предсъездовских обязательств москвичей.

ДВЕ АВТОМАТИЧЕСКИЕ ЛИНИИ СВЕРХ ПЛАНА ОБЯЗУЕТСЯ ПОСТАВИТЬ ЗАВОД «СТАНКОЛИНИЯ».

Вопрос главному инженеру завода В. П. Бондареву: «Что нового принесут ваши автоматические линии предприятиям, для которых они предназначены? Кто именно получит эти предсъездовские подарки?»

— Кто именно получит, пока сказать трудно. Во всяком случае, одно из предприятий автотракторной промышленности. Что принесут нового? Об этом могу сказать точно: на каком бы заводе ни прописались наши линии, они позволят вдвое повысить производительность труда по сравнению с существующим технологическим процессом. Линия, которую вы сфотографировали, обладает теми же качествами и дает такой же экономический эффект.

ПРОЛОЖИТЬ ДОПОЛНИТЕЛЬНО 230 ПОГОННЫХ МЕТРОВ СТАНЦИОННЫХ И 450 ПОГОННЫХ МЕТРОВ ПЕРЕГОННЫХ ТОННЕЛЕЙ — ТАКОЙ ПОДАРОК ГОТОВЯТ XXIV СЪЕЗДУ ПАРТИИ МОСКОВСКИЕ МЕТРОСТРОЕВЦЫ.

Метростроевца, передового проходчика, партгрупорга Ивана Алексеевича Бубиенкова (вы видите его на нашем снимке) мы спросили:

— Под какой улицей столицы вы рассчитываете работать в день открытия съезда?

— Сначала скажу, где я не буду работать. Это тоже интересно читателям «Огонька», особенно москвичам. Мы закончим сооружение комплекса двух станций на площади Ногина. А в марте я рассчитываю работать поблизости от Дворца съездов. Москвичи много тратят времени на пересадки со станций «Проспект Маркса», «Площадь Революции» и «Площадь Свердлова», мы будем там сооружать дополнительный комплекс переходов.

ЧТО

ОДИН ДЕНЬ В НЫНЕШНЕМ ГОДУ РАБОТАТЬ НА СЭКОНОМЛЕННОМ СЫРЬЕ — ТАК РЕШИЛИ РАБОТНИЦЫ ШВЕЙНОЙ ФАБРИКИ «САЛЮТ».

На фабрике «Салют» готовили к отправке в магазины свои изделия — пальто. Тут мы и сделали снимок. И задали вопрос главному инженеру Н. Е. Покорской: «Сколько таких пальто сошьют работницы фабрики за тот

ЗА СТРОКОЙ

день, когда будут работать на сэкономленном сырье?»

— Примерно три тысячи. День этот наступит скоро, мы будем работать тогда уже сверх пятилетнего плана.

ЗАКОНЧИТЬ СТРОИТЕЛЬСТВО И ВВЕСТИ В ЭКСПЛУАТАЦИЮ К ОТКРЫТИЮ СЪЕЗДА УСТАНОВКУ НЕПРЕРЫВНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПОЛИПРОПИЛЕНА — ТАК РЕШИЛ КОЛЛЕКТИВ МОСКОВСКОГО НЕФТЕПЕРЕРАБАТЫВАЮЩЕГО ЗАВОДА.

— Почему именно на эту установку вы обращаете внимание в предсъездовские дни? — спросили мы главного инженера завода Э. Ф. Каминского.

— Коротко можно ответить так: потому что эта установка очень нужна многим. Вот письмо из «Сельхозтехники». Нас просят учесть потребности села в полипропиленовой пленке и полипропиленовом шпагате и увеличить их производство. Зачем нужна пленка, понятно: теплицы и прочее. А шпагат, на который такой большой спрос, поможет животноводам решить одну сложную проблему. Сено привозят сейчас на фермы в брикетах — его прессуют и перевязывают проволокой. Проволока ломается и иногда попадает в корм скоту. О последствиях нетрудно догадаться. Теперь брикеты будут перевязывать крепким шпагатом. Если даже он случайно и попадет в корм, то никакой трагедии не случится. А кроме того, экономия металла...

Фотообъектив зафиксировал один из моментов наладки автоматической линии по производству пропиленового шпагата.

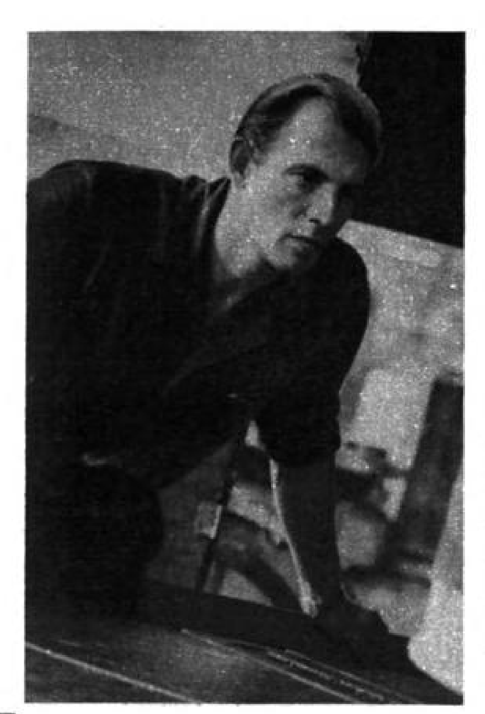

МИЛЛИОН КИРПИЧЕЙ СВЕРХ ПЛАНА ОТПРАВИТ СЕЛАМ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ БЕСКУДНИКОВСКИЙ КОМБИНАТ СТРОИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ И КОНСТРУКЦИЙ № 1.

— Будет ли ваш подарок съезду неожиданным сюрпризом для сельских строителей?— спросили мы секретаря партбюро комбината И. Е. Шляпина.

— Слово «неожиданный» тут явно не подходит. Наверное, никогда на селе столько не строили, как сейчас, и потому строительные материалы ждут там с нетерпением. Недавно мы отослали колхозам Дмитровского района, Московской области, партию железобетонных изделий для силосных траншей. Сейчас готовим к погрузке триста тысяч кирпичей, это в счет того, сверхпланового миллиона.

ВЫПУСТИТЬ СЕРИЮ ФИЛЬМОВ О ЛУЧШИХ ЛЮДЯХ МОСКОВСКОГО РАБОЧЕГО КЛАССА — СЛОВО СОТРУДНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ СТУДИИ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ФИЛЬМОВ.

Рабочий человек часто предстает перед объективом кинодокументалиста. Вот и сегодня на инструктаже, который ведет знатный машинист Герой Социалистического Труда Михаил Герасимович Мосолов, присутствует человек с кинокамерой — оператор Майя Попова.

Кто станет героями фильмов новой серии?— на этот вопрос отвечает главный редактор Центральной студии документальных фильмов В. Ф. Беликов:

— Новая серия будет называться так: «Рассказы о коммунистах». Героями фильмов станут люди, известные в нашей стране: Виктор Ермилов, Серафима Котова, Мария Иванникова... Мы хотим, рассказывая о судьбах, о работе этих людей, показать образ жизни, образ мышления, становление характера нашего современника, коммуниста. Мы хотим сделать эти фильмы проблемными и аналитическими.

ЧТО ЗА СТРОКОЙ

ДОБИТЬСЯ ТОГО, ЧТОБЫ КАЖДЫЙ РАБОЧИЙ ВЫПОЛНИЛ СВОЙ ЛИЧНЫЙ ГОДОВОЙ ПЛАН к 1 ДЕКАБРЯ — ОДИН ИЗ ОСНОВНЫХ ПУНКТОВ ПРОГРАММЫ ПРЕДСЪЕЗДОВСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ МОСКВИЧЕЙ.

В цех крупных электрических машин завода имени Владимира Ильича наш корреспондент пришел в знаменательный день — цех выполнил пятилетний план. На карусельном станке токаря Владимира Мартынюка обрабатывалась первая деталь в счет второго пятилетнего плана. Мы спросили его: «Чем лично вы отметите открытие XXIV съезда КПСС?». Он ответил:

— Ко дню открытия съезда выполню два личных пятилетних плана. Это мое твердое слово.

ОТПОВЕДЬ АНТИКОММУНИСТУ

«Разоблаченный миф» — так называется книга, выпущенная недавно издательством «Знание». Ее автор — известный журналист - международник Олег Орестов, который на протяжении последней четверти века побывал во многих странах разных континентов.

Естественно, это его не первая книга, но именно о ней хочется сказать много добрых слов. Орестов выбрал нелегкую тему, не ту, что лежит на поверхности. Изучая общественную и политическую жизнь Англии, наблюдая, как целая армия буржуазных теоретиков, в распоряжение которой предоставлены специальные институты, кафедры и солидные денежные фонды, извращает марксизм, подвергает разлагающей идеологической обработке молодежь и интеллигенцию, Олег Орестов в «Разоблаченном мифе» убедительно опровергает ренегата международного коммунистического и рабочего движения Карла Поппера.

Карл Поппер был когда-то членом Коммунистической партии Австрии, но, испугавшись трудностей периода, предшествовавшего приходу гитлеризма, бежал из рядов партии. Поппер обосновался в Англии, где до последнего времени был активным проповедником антикоммунизма. Карл Поппер стал автором так называемой теории «открытого» и «закрытого» обществ.

В краткой и доступной форме автор «Разоблаченного мифа» знакомит читателя с основными тезисами Поппера и показывает на примере современной Англии, насколько неверна, бессмысленна и необоснованна его теория «открытого» общества, в каком вопиющем противоречии она находится с пониманием истории и общественно-политической жизни современного общества.

Если послушать Карла Поппера, то он, видите ли, пишет Олег Орестов, сам «воспитан» на идеях Маркса, «понимает» их глубину и даже «во многом» согласен с ним. Но его «волнует» одно обстоятельство: Маркс жил в прошлом веке. Вот если бы Маркс, дескать, жил сейчас и увидел, как «изменилось» капиталистическое общество, он тут же переписал бы «Капитал» и принял в свои объятия Поппера и его единомышленников. И вот попперы начинают «подправлять» Маркса, а фактически извращать, публикуют толстенные тома, в которых пытаются убедить читателей в том, что марксизм якобы «устарел». Исходя из этой лживой посылки они клевещут на международное коммунистическое и рабочее движение, на Советский Союз, страны социалистического содружества, на коммунизм. Именно в этих клеветнических нападках, искажениях и фальсификации марксизма и заключается весь смысл «теоретической» деятельности современных буржуазных философов. Они добросовестно готовят капитализму теоретическое оружие для борьбы против социализма и коммунизма, готовят правящим классам орудие идеологического воздействия на рабочий класс, на молодежь, на интеллигенцию, на всех, кто стремится разобраться в сложных общественных процессах нашего века.

«Мы, советские люди,— подчеркивает Олег Орестов в своей новой книге,— не можем просто отмахнуться от деятельности враждебных нам идеологов; мы обязаны понять, какими средствами они создают тот философский туман, который зачастую окутывает умы западной интеллигенции. Чтобы успешно сражаться, надо знать оружие врага».

И именно этой цели посвящена книга «Разоблаченный миф». На ее обложке написано: «Прочти, товарищ!»

Н. ПАСТУХОВ

Демократической Республике Вьетнам — 25 лет.

Зенитчики всегда на страже.

Страна героев

Александр СЕРБИН

Фото автора.

Пусть не покажется странным, что рассказ о дне, посвященном национальному празднику государства, начинается с трагической ноты. Речь пойдет о городе, который был и которого нет. Я приехал в Винь, что в центре провинции Нгеан,— раньше я проезжал его лишь ночью. Все эти годы преступной войны, которую ведет американская военщина против Демократической Республики Вьетнам, передвижения по главным магистралям страны в целях безопасности осуществлялись только под покровом темноты, что, впрочем, не давало полной гарантии от возможности попасть под налет, потому что бомбежки продолжались и по ночам.

Помню эту военную дорогу без единого огонька. Запрещалось даже зажигать узенькие щелочки фар. Помню объезды по краю бомбовых воронок, свистки дежурных у понтонных переправ.

И вот я снова еду по той же дороге и вижу следы новых бомбежек. А потом мы приехали в Винь, но Виня не было. Была улица, а на ней ни одного целого дома. По обеим сторонам улиц под густой травой угадывались квадраты фундаментов.

2 сентября 1945 года в Ханое было провозглашено образование Демократической Республики Вьетнам. Хо Ши Мин говорил: «Вьетнам имеет право быть свободным и независимым и действительно стал свободным и независимым. Вьетнамский народ полон решимости отдать все свои духовные и материальные силы, пожертвовать своей жизнью и имуществом, чтобы отстоять свое право на свободу и независимость». Но уже в том же году Вьетнам должен был встать на защиту своей свободы. Очевидна связь между разгромом фашизма и победой вьетнамской революции. Но столь же очевидно и то, что в трагедии Вьетнама, длящейся десятилетия, виновен тот строй, который порождает фашизм, угнетение, войны. На вьетнамскую землю за 25 лет с оружием в руках приходили французские и британские колонизаторы, пришли американские империалисты и привели сюда «союзников» — австралийцев и новозеландцев, корейцев из своего вассального владения и таиландцев.

Из 25 лет, которые существует Демократическая Республика Вьетнам, более половины приходится на войну.

Невдалеке от Виня, на невысокой горе, стоит пагода. Пагоде несколько сот лет, а легенда, связанная с ней, уходит ко временам до нашей эры. В ней рассказывается, как вьетнамский владыка по имени Ан Жыонг подвергся нападению китайского императора, но сумел отразить его, потому что был у него волшебный арбалет, стрелявший сразу десятью стрелами. Враги выведали тайну Ан

Ханой сегодня.

Жыонга, сделали вид, что примирились с ним, и женили на его дочери сына китайского военачальника. Легенда гласит дальше, что, подменив арбалет, враги сумели победить Ан Жыонга, и гора около Виня стала местом смерти его и его прекрасной дочери Ми Тяу. Смысл легенды в том, что вьетнамцы всегда отважны и смелы в защите своей родины и только благодаря измене можно было одержать верх над теми, кто отстаивал ее свободу.

Красива легенда. Красива была и пагода, построенная в честь давнего подвига Ан Жыонга. Сейчас пагода разрушена. Американские самолеты в дни воздушной войны обстреляли ее ракетами; памятник вьетнамской культуры стал памятником американского варварства.

Винь и провинцию Нгеан американская авиация бомбила с первого дня воздушной войны — с 5 августа 1964 года. Подсчитано, что американцы сбросили на Винь столько бомб, что на каждого жителя города приходилось по шестьдесят килограммов взрывчатки. Но Винь не стал пассивной жертвой агрессора. Вовремя были эвакуированы люди, важнейшие предприятия, налажена противовоздушная защита. Город стал сражаться. У защитников Виня были современные «арбалеты», и врагу пришлось дорого заплатить за свои злодеяния. 132 американских самолета зарылись носом в землю или рухнули в голубые воды Тонкинского залива. По всей провинции Нгеан враг потерял 439 самолетов.

Винь разрушен, но не мертв. Частично восстановлена промышленность, трудятся ремесленники, в нижних этажах зданий, которые не были разбиты до основания, живут люди. На окраинах города разместились школы — в сентябре там начнутся занятия.

Может быть, еще рано думать о восстановлении города? «Нет,— говорили мне в Вине.— У нас уже есть такой план. Но пока мы еще не можем взяться за него по-настоящему: мы знаем коварство врага».

Да, в сводках об американских провокационных бомбардировках Нгеан упоминалась уже не однажды. В Вине я слышал гул моторов американского самолета. Но это был всего только разведчик.

Я никогда не узнаю, как выглядел этот город до того, как заокеанские воздушные пираты обрушили на него бомбовый груз. Но я верю, что на месте развалин встанет новый Винь, который будет лучше прежнего.

В Нгеан меня привело желание подробнее познакомиться с одной из героических страниц истории борьбы вьетнамского народа — Советами 1930—1931 годов. Движение рабочих и крестьян Нгеана и соседней провинции — Хатинь в эпоху французского владычества в числе других народных выступлений прокладывало дорогу к победе Августовской революции 1945 года.

Нгеан — это широкие долины, плавное течение рек, невысокие, спокойных очертаний зеленые горы, которые дальше к западу становятся все выше и суровее. Земля в Нгеане небогата, но живет здесь упорный народ, который умеет заставлять ее родить рис, кукурузу, арахис, сладкие бананы и многое другое.

Славна Нгеан историей и людьми, которые ее делали. Здесь в восьмом веке поднимал восстание против китайских феодалов Май Тхук Лоан, бедняк, ставший императором. На протянувшейся вдоль реки Лам горной цепи, которая называется «Тысяча скачущих коней», один из самых известных героев Вьетнама, Ле Лой, шестьсот лет назад построил крепость, которая служила защитой от иноземных захватчиков. Из Нгеана были родом руководители мощного крестьянского восстания Тэйшонов XVIII века. Эта земля дала Вьетнаму героев нового времени, выдающихся революционеров, возглавлявших партию коммунистов,— Чан Фу, Ле Хонг Фонга. Нгеан — родина Нгуен Шинь Кунга, которого мир узнал под именем Хо Ши Мина.

На берегу реки Лам, противоположном тому, где высится хребет «Тысячи скачущих коней», недалеко от Виня, расположена община Намлиен, объединившая две деревни — Хоангчу (небесная кухня) и Кимлиен (золотой лотос). В первой из них в небольшом домике, где жила семья Нгуен Шинь Шака, женатого на дочери местного грамотея — учителя Хоанг Суан Аня, в 1890 году родился Хо Ши Мин. Во второй деревушке он провел свои детские годы.

Нгуен Шинь Шак, крестьянский сын, рано оставшийся сиротой, пас буйволов своего старшего сводного брата, а потом, овладев искусством чтения и письма, сдал нужный экзамен и стал фобангом (так назывался один из титулов грамотного человека в феодальном Вьетнаме, который давал право на чиновничью должность). Затем он переселился в свою родную деревню Кимлиен, учительствовал, получил позже пост чиновника. Но с этой карьерой ничего не вышло, ибо надо было уметь служить королевскому двору и колонизаторам, а Нгуен Шинь Шак всегда оставался патриотом своей родины, всей жизнью связанным с заботами и нуждами простого люда.

...Свернув с шоссе по узкой дороге, бегущей по берегам квадратных прудов и вьющейся среди полей и зарослей, за которыми прячутся жилища, мы въехали в Хоангчу и остановились у дома, похожего на другие крестьянские дома — с бамбуковыми стенами и соломенной крышей. Дом этот был пристройкой к другому, который принадлежал старому Хоанг Суан Аню. Внутри домика, где родился Хо Ши Мин, стояли деревянные кровати, небольшой, просто сделанный шкафчик с резными дверцами, сундук. С потолка свисал плетеный гамак. Стопкой стояли старинные книги. Потом мы приехали в Кимлиен и увидели такой же простой дом, только побольше. У отца Хо Ши Мина не было раньше своего жилья в Кимлиене, и когда он вернулся туда, то по тогдашнему обычаю крестьяне выстроили для грамотного человека дом. Нгуен Шинь Шаку не пришлось жить в нем долго. После того как он получил чиновничью должность, а потом был отстранен от нее «за невыполнение своих обязанностей», ему запретили возвращаться в родные места. Он жил на юге, учил грамоте и народной медицине.

Здесь нам рассказали о том, как жили здесь крестьяне раньше. Почти вся земля в Кимлиене, как и во многих вьетнамских деревнях, принадлежала богатеям: у некоторых было почти по сто гектаров и несколько десятков голов скота. В подавляющем большинстве крестьяне влачили жалкое существование на своих крошечных клочках земли или работали на чужих полях. Другие уходили из родных мест. Нищета здешних жителей вошла в поговорку.

Но было известно и то, что за все 80 лет французского владычества люди, жившие на этой земле, никогда не мирились со своей судьбой: против колонизаторов, вторгнувшихся во Вьетнам, сражались народные отряды. В 1930 году во время массовых выступлений крестьян и рабочих в Кимлиене размещался уездный комитет коммунистической партии, руководивший движением, и крестьяне создали в деревне Совет. Когда в 1945 году страна была охвачена всеобщим восстанием, деревня Кимлиен одной из первых учредила органы народной революционной власти.

Нынешний год богат славными датами вьетнамской истории. Страна отметила сорокалетие создания Партии трудящихся Вьетнама, 80-летие со дня рождения товарища Хо Ши Мина, а ныне встречает 25-летие Августовской революции и провозглашения Демократической Республики Вьетнам. В этом же году исполняется сороковая годовщина Советов в провинциях Нгеан и Хатинь.

Недалеко от Кимлиена стоят несколько небольших свежевыкрашенных одноэтажных домиков. В них размещается сейчас музей, посвященный движению тридцатых годов. Раньше этот музей был в Вине, городе, где это движение зародилось. Но с начала американских бомбардировок музей эвакуировали вместе со всеми фондами. Я ходил из домика в домик, и нетрудно было представить себе картину не такого уж далекого прошлого.

...Неурожаи, нищета и голод, никакой помощи от колониальной администрации. В деревнях зарегистрировано большое число смертей от голода. А на промышленных предприятиях Виня и Бентхюи — каторжный труд по 12 часов в день и мизерная зарплата. Зреют гроздья гнева, растет решимость бороться.

Партия посылает в Нгеан и Хатинь представителей Центрального Комитета. В Нгеане им был Нгуен Фонг Шак. В феврале 1930 года создан провинциальный комитет компартии. На предприятиях и в деревнях возникают коммунистические ячейки. Начинают действовать подпольные «красные профсоюзы», «Ассоциация красных крестьян».

Боевой Первомай 30-го года. Мощная демонстрация рабочих Виня и окрестных крестьян. В демонстрацию по приказу колониальных властей стреляли. Восемнадцать убито, двадцать ранено.

Одна за другой вспыхивают забастовки. В июне начинается всеобщая стачка рабочих Бентхюи. Тысячами насчитываются участники крестьянских манифестаций. 1 августа, в день борьбы против империалистических войн, появляются новые лозунги: «Долой французский империализм!», «Поддерживаем Советский Союз!», «Солидарность с народами колоний!». У колонизаторов уже не хватает послушных солдат, пылает помещичье добро, люди идут на штурм тюрем.

В сентябре начинают создаваться органы народной власти. Народ брал управление в свои руки. Административные комитеты — потом их стали называть Советами — отменили старые колониальные налоги, начали проводить раздел земли, повели борьбу с голодом, открывали школы, возглавляя поход против неграмотности, и создавали отряды самообороны.

Советы просуществовали недолго — несколько месяцев. Колонизаторы обрушили жестокие репрессии на восставших. Но им было не под силу вырвать эти страницы из истории и стереть в памяти народа героическую борьбу его сынов.

...Что же изменилось здесь, в Нгеане, за 25 лет народной власти, за годы строительства основ социализма, за этот поистине малый этап истории Вьетнама?

Я решил отправиться в глубь провинции, в уезд Нгедан, где расположено государственное хозяйство «Тай Хиеу». Чтобы попасть туда, я проехал больше сотни километров по дороге, вдоль которой тут и там смотрят в небо круглые глаза бомбовых воронок. Я пересек несколько больших и маленьких речек (мосты уже налажены) и, приехав на центральную усадьбу хозяйства, увидел, что война оставила и здесь свои следы — в развалинах лежали почти все каменные здания.

Руководит госхозом Во Ван Люен. Вот его краткая биография: из крестьян, в годы Сопротивления сражался с колонизаторами, был капитаном в Народной армии, с 1961 года — в госхозе, директором которого стал в том же году.

Раньше на этом месте была небольшая, затерянная среди лесов кофейная плантация французской компании СИФА — всего 200 гектаров. Место считалось гибельным, про него говорили: «Пришел сюда живым, живым отсюда не уйдешь». Работать приходилось с утра до вечера, чтобы получить жалкие 18—20 су в день. Но что оставалось делать людям, у которых не было ни своей земли, ни надежды получить работу? О прежних условиях жизни я узнал от секретаря партийной организации Хам Ван Нги, мать и отец которого много лет гнули спину на этой плантации.

— Теперь плантации нашего госхоза раскинулись на две тысячи гектаров,— рассказывал директор,— сейчас мы выращиваем не только прежний «Шари», но и ценный сорт «Арабика». Большие площади занимают апельсиновые деревья. В госхозе поставлена новая задача — разведение молочного скота. В создании и развитии госхоза нам помогали друзья из социалистических стран. У нас есть советское оборудование, и советские специалисты приезжают к нам для того, чтобы помочь налаживать хозяйство. В наших сердцах всегда будет жить благодарность советским друзьям. Передайте всем, кто работал вместе с нами, что мы не забыли их, и пусть всегда будет счастливой их жизнь.

Среди рабочих госхоза много представителей национальных меньшинств страны. 6 400 человек, которые здесь живут, уже не считают «Тай Хиеу» гиблым местом. Рабочим теперь строят дома, заботятся об их здоровье. Для детей построены школы. Казалось бы, все просто, все так, как должно быть. Но вспомните: это все сделано в грозовые годы. И вы поймете, что это очень много!

Ханой

Геннадий Иванович ВОРОНОВ.
К 60-летию со дня рождения.

Фото И. Филатова.

25 лет со Дня Победы над милитаристской Японией

ПОСЛЕДНЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ

Бывший командующий 1-й Краснознаменной армией, генерал армии А. П. БЕЛОБОРОДОВ, дважды Герой Советского Союза

В ночь на 9 августа 1945 года войска 1-й Краснознаменной армии, которыми мне довелось командовать, вышли к государственной границе на участке Турий Рог — падь Сиянхэ. Дождь хлестал как из ведра. Но солдаты и командиры не замечали его. Все горели одним желанием—поскорее разгромить японских самураев, окончить вторую мировую войну, принести народам долгожданный мир...

В час армия перешла государственную границу. Перед нами лежала ночная непроходимая тайга. Набухшая от дождей земля раскисла так, что по ней не то что проехать, но пройти невозможно. Каждый шаг стоил огромных усилий. А ведь, кроме тяжелейших природных условий — гор, болот, тайги, нам предстояло прорывать укрепрайон врага...

Задача, поставленная перед нашей армией Маршалом Советского Союза К. А. Мерецковым, командующим 1-м Дальневосточным фронтом, состояла в том, чтобы во взаимодействии с 5-й армией генерал-полковника Н. И. Крылова прорвать оборону противника на 12-километровом участке и овладеть городом Муданьцзяном. В дальнейшем намечалось наступление на Гирин (Цзиплинь) и Харбин — навстречу войскам Забайкальского и 2-го Дальневосточного фронтов.

Задача нелегкая. Но внезапные удары советских войск, четкое взаимодействие сухопутных соединений летчиков и моряков позволили нам сразу же захватить инициативу и не упускать ее до самого конца войны.

Как было приятно видеть энтузиазм жителей Северо-Восточного Китая, с которым они встречали наши войска! Ничто так не трогает сердце советского солдата, как радость жителей, освобожденных его тяжким ратным трудом. И мне не забыть встреч с населением районов, по которым мы вели наступление. Жители плакали от радости, приветствуя нас, забрасывали нас цветами, угощали всем, что имели... А главное, помогали вылавливать японских камикадзе, охотившихся за нашими офицерами, танками и орудиями, восстанавливали для советских войск дороги, а иной раз даже участвовали в уличных боях с японцами.

Расскажу, как мы выполнили свою задачу и овладели городом Муданьцзяном — важным опорным пунктом японцев, прикрывающим выход в центральные районы Северо-Восточного Китая.

Главный удар в этой ответственной операции наносила 300-я стрелковая дивизия. Командир дивизии генерал-майор Корнелий Георгиевич Черепанов — мой старый друг. Сколько дорог прошли мы с ним на фронтах Великой Отечественной войны! Это был настоящий герой. Бойцы очень любили его за требовательность, за смелость, за решительность, за заботу. Я знал, что Черепанов выполнит любую задачу. И когда приходилось решать, кому действовать на главном направлении, всегда, не задумываясь, доверял это черепановской дивизии. Так было и перед штурмом Муданьцзяна.

Накануне боя я спросил Черепанова:

— Задачу понимаешь?

— Понимаю и сделаю все, товарищ генерал!..

— Ну что ж, действуй, земляк!..

Через несколько часов я вновь увидел комдива. Он находился в рядах атакующих. Гремел упорнейший бой. Передовые подразделения дивизии никак не могли ворваться в город... Японцы бешено сопротивлялись. Вдруг рядом с генералом вырос черный столб разрыва... Я подбежал к воронке. Черепанов лежал вверх лицом, неестественно белевшим на черной развороченной земле. Одной руки не было — оторвало взрывом... Я окликнул друга — он не отозвался... Чем помочь? Бой не дает военачальнику времени для переживаний. Надо выполнять приказ...

Я распорядился, чтобы заместитель командира 26-го стрелкового корпуса гвардии полковник Лубягин вступил в командование черепановской дивизией...

Японцы продолжали оказывать упорное сопротивление. Враг располагал развитой системой мощных инженерных сооружений и сильной артиллерией. Это помогало ему держаться.

В ночь на 16 августа я поставил задачу перед командиром 26-го стрелкового корпуса генерал-майором А. Скворцовым в течение последующего дня, при поддержке 75-й, 77-й и 257-й танковых бригад, форсировать реку Муданьцзян и овладеть городом. Это непросто.

Тем не менее в девять утра на станцию Муданьцзян с северо-запада ворвался 211-й стрелковый полк. Через двадцать минут с севера еще один — 246-й. С северо-востока по врагу при поддержке танков ударила 22-я стрелковая дивизия...

Японцы, боясь окружения, начали отступать, взрывая дома и сооружения. Этим воспользовались части 300-й дивизии и, горя желанием отплатить врагу за командира, бросились форсировать реку на подручных средствах — рыбачьих лодках и плотах.

Оборона врага окончательно рухнула. К исходу дня город был очищен от врага. Как признал позже пленный командующий 5-й японской армией генерал Симидзу Норицунэ, враг не ожидал, что Советская Армия пройдет через тайгу, и наступление наших крупных сил со стороны труднодоступных районов оказалось для японцев совершенно неожиданным.

Утром перешли в наступление войска 5-й армии генерал-полковника Крылова. Они прорвали долговременную оборону восточнее Муданьцзяна и подошли к окраинам города, но так как в нем успешно действовали воины нашей армии, получили приказ развивать наступление на Гирин...

Для ускорения разгрома врага наше командование распорядилось создать специальные подвижные группы. Такая группа, состоявшая из 77-й и 257-й танковых бригад под общей командой генерал-майора Максимова, была создана и в нашей армии. Она настигла и смяла несколько японских арьергардов. И тогда навстречу нашей подвижной группе выехал вражеский парламентер — начальник штаба 5-й японской армии генерал Кавагоэ Сигесада.

Спустя несколько часов он был доставлен ко мне.

— Мы получили приказ императора сдаваться,— сказал Сигесада.— Каковы ваши условия?

Я немного понимал по-японски — этот язык мне довелось изучать еще перед войной, в Академии имени Фрунзе. Но я не подал виду и внимательно выслушал переводчика.

— Безоговорочная капитуляция — вот все условия...

— Разрешите послать к командующему армией условия капитуляции с полковником нашего штаба? — вкрадчиво попросил Сигесада.

— Что ж, посылайте.— Я пожал плечами.— Сейчас прикажу своим офицерам обеспечить вашему полковнику хорошую скорость... И пусть передаст вашему командующему, что я предлагаю ему явиться вместе со штабом в город Муданьцзян для сдачи в плен!

Утром начальник штаба армии генерал Масленников доложил мне о прибытии японцев — командующего 5-й армией генерал-лейтенанта Симидзу Норицунэ, генералов Начатате Коокан, Сатоу, к которым присоединился и уже знакомый нам Кавагоэ Сигесада, и целого взвода полковников.

Я приказал привести их в помещение бывшей японской миссии, откуда оккупанты еще недавно управляли всей провинцией, и подождать, пока я не закончу срочных дел.

Перед тем как идти на встречу с японцами, мы в соответствии с указанием Главнокомандующего Вооруженными Силами на Дальнем Востоке Маршала Советского Союза А. М. Василевского переоделись в парадную форму, при парадных саблях в блестящих ножнах. Я шел в сопровождении членов Военного Совета армии генералов Прудникова, Казакова, Смоликова и Масленникова.

С нами пошло и много корреспондентов центральных и армейских газет.

Едва мы вошли, прогремела команда «Смирно!», японцы мгновенно вскочили и вытянулись.

После официальных представлений я задал несколько вопросов о составе 5-й армии, ее вооружении и задачах. Японские генералы отвечали наперебой, торопливо, будто боялись, что им не дадут высказаться. Сияли подобострастные улыбки. Головы непрерывно отвешивали поклоны. Лишь командующий генерал Норицунэ вел себя сдержанно.

— Какова была численность вашей армии?— спросил я генерала Норицунэ.

— Около восьмидесяти пяти тысяч.

— А теперь?

— Тридцать пять — сорок. Остальные разбежались по горам или убиты и ранены.

— А что с ранеными?

— Этим мы не интересовались...

— Это плохо, господин генерал. Если военачальник не заботится о раненых, он, следовательно, не в состоянии руководить войсками. Значит, вы считаете, что вы разбиты?

— Нет...

— Как нет? Вы же сами говорите, что у вас осталась половина состава. Кто ж в атаку пойдет, господин генерал? И скажите откровенно: популярна ли война против Советского Союза в японском народе?

Норицунэ отвернулся и некоторое время кряхтел и что-то бормотал про себя.

— Да, мы разбиты,— выдавил он наконец.— И эта война непопулярна среди народа Японии.

Я прямо-таки физически ощутил, как не хочется признавать поражения Норицунэ и как он говорил бы со мной, ежели б у него сохранилась хоть какая-нибудь сила.

— Так что будем делать? — спросил я.— Надо сдаваться. Безоговорочно капитулировать.

— Такого слова в японском языке нет. Мы получили приказ сложить оружие...

— Это и есть безоговорочная капитуляция. А слово такое в ваш японский словарь придется теперь вставить.

— Что же от меня требуется?

— Отдать приказ сложить оружие и сдаться. Вот и все...

— Я согласен.

После того как генерал Норицунэ подписал приказ, я спросил:

— Может быть, вы хотите съездить в армию, попрощаться со своими подчиненными? Мы люди не мстительные, окажем такую услугу.

Откровенно говоря, я нарочно сделал это предложение. Мне хотелось посмотреть, как прореагирует на него генерал.

— Нет-нет!— чуть не закричал Норицунэ.— Нет, не надо!

— А может, все-таки съездите?

— Нет, господин генерал, очень прошу вас отправить меня поскорее в Хабаровск...

У меня был приказ маршала Василевского доставить к нему в штаб генерала. Поэтому я согласился.

Так капитулировала 5-я японская армия, входившая в состав Квантунской, выпестованной самураями специально для войны с нашей Родиной. Но, как ни готовили ее, Квантунская армия не смогла противостоять решительным действиям трех фронтов — 1-го и 2-го Дальневосточных и Забайкальского, морякам Тихоокеанского флота, Краснознаменной Амурской флотилии и союзным войскам Монгольской Народной Республики.

Вступление Страны Советов в войну против японских империалистов предопределило быстрое поражение Японии во второй мировой войне. Разгром советскими войсками японских милитаристов в Маньчжурии оказал огромное влияние на развитие и победу Китайской революции и на строительство социализма в КНДР. Ратный подвиг советского солдата позволил человечеству обрести наконец долгожданный мир.

Этот снимок сделан специальным фотокорреспондентом «Огонька» А. Гостевым на землях Ставропольщины в пору страды на полях колхоза «Коммунистический маяк». Это один из старейших колхозов страны. Ему уже полвека. Славная история у него, не менее славны и его нынешние дела.

Обо всем этом — очерк Ю. Сбитнева «С днем рождения, «Коммунистический маяк»! *(см. стр. 24—26).*

ТАНКИ НА КАРАВАННОЙ

Бывший командующий Конно-механизированной группой советско-монгольских войск генерал армии И. А. ПЛИЕВ, дважды Герой Советского Союза

«В ходе подготовки и проведения наступательной операции, потребовавших колоссального напряжения сил личного состава наших войск, между советскими и монгольскими воинами, от солдат до генералов, царила волнующая атмосфера искренней дружбы, подлинного братства и взаимопомощи, что способствовало успешному выполнению поставленных командованием боевых задач».

Ю. Цеденбал.

Никогда раньше не слышал я такой тишины, как в ту ночь, накануне наступления. Пустыня спала. Казалось, на сотни километров вокруг — ни единой живой души. Но я-то знал: впереди, за увалами на обратных скатах высот, притаились войска, готовые пересечь государственную границу и вторгнуться в Маньчжурию...

Рядом со мной, на передовом командно-наблюдательном пункте, начальник разведки полковник М. Д. Чернозубенко. Обычно хладнокровный и уравновешенный, сейчас он заметно волновался, то и дело поглядывал на часы. В полночь через границу двинулись сильные передовые разведывательные отряды, состоящие из отборных советских и монгольских воинов. Их задача — внезапным налетом уничтожить японские погранзаставы.

Впрочем, взволнован не один Чернозубенко. Напряжены все, кто находится на командно-наблюдательном пункте. Ведь нашей советско-монгольской Конно-механизированной группе войск (КМГ) предстоит сложная и трудная операция. Мне не раз приходилось водить крупные соединения подвижных войск по тылам врага, и, следовательно, кое-какой опыт в этом деле я приобрел. Но в этом рейде многое незнакомо.

Прежде всего — враг. Нам придется столкнуться и с Квантунской армией и с союзниками японского императора Хирохито — марионеточным императором Маньчжоу-Го Пу-И и феодальным князем Дэ-ваном.

Я знал общую обстановку на новом театре военных действий и план предстоящего наступления — с ними перед отлетом из Москвы меня в числе других генералов ознакомил Маршал Советского Союза А. М. Василевский, назначенный 30 июля 1945 года Главнокомандующим советскими войсками на Дальнем Востоке.

Конечно, и у нас на Забайкальском фронте под командованием Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского и на Первом и Втором Дальневосточных фронтах, которыми командовали Маршал Советского Союза К. А. Мерецков и генерал армии М. А. Пуркаев, создано необходимое превосходство над противником на главных направлениях. Но это не значит, что военачальник может позволить себе недооценить врага. К тому же на пути группы немало укрепленных опорных пунктов японцев. Особенно сильные, в том числе железобетонные, укрепления с развитой системой обороны нас ждут у Долоннора, Калгана, Жэхэ...

Местность, на которой придется вести боевые действия нашей Конно-механизированной группе, не сравнишь с той, по которой мы ходили по оперативным тылам гитлеровских войск на Украине, в Белоруссии, в Венгрии, в Чехословакии и в других местах.

Перед нами расстилалась безводная пустыня Гоби. Китайцы называют ее Шамо, что в переводе означает «пустыня смерти». Мы называли «противником номер два».

«Тысячу проблем Гоби» пришлось решать еще до того, как мы ступили на древний гобийский тракт Кяхта — Пекин, вдоль которого предполагалось вести наступление.

А после Гоби еще большие трудности — горные хребты Иншань и Большой Хинган. В горах не развернешься: дорог здесь мало, и те весьма узки и труднопроходимы для танков...

Лично для меня, как для командующего группой, была еще одна трудность, которую, впрочем, теперь, накануне наступления, можно было считать в основном разрешенной. Ведь наша Конно-механизированная группа образовалась в результате слияния регулярных войск Монгольской Народной Республики и Советского Союза под единым командованием. Управлять такой группировкой сложно...

— Многое в укреплении боевой дружбы между монгольскими и советскими солдатами будет зависеть от вас,— сказал мне командующий Забайкальским фронтом маршал Р. Я. Малиновский, после того как поставил боевую задачу.— Но ваша деятельность облегчается тем, что политическое руководство в Конно-механизированной группе возложено на генерал-лейтенанта Юмжагийна Цеденбала... И тем, что во главе монгольских соединений и частей стоят надежные генералы и офицеры.

Забегая вперед, скажу, что жизнь подтвердила слова командующего войсками фронта. Наша добрая дружба и согласованная работа с товарищем Цеденбалом и другими руководящими работниками монгольской армии действительно облегчили и ускорили множество сложных дел, требовавших безотлагательного решения.

Полковник Чернозубенко еще раз посмотрел на часы.

— Волнуетесь, Михаил Дмитриевич?

— Чуточку есть, товарищ командующий... По времени пора быть сигналу о выполнении первой части задачи.

В тот же миг вспыхнули ракеты, очертили огненной чертой государственную границу. Грохот выстрелов, гул моторов, лязг гусениц, топот копыт разогнали тишину пустыни. В темноте закачались лучи: я приказал танкам, бронемашинам, автомашинам наступать через границу с зажженными фарами.

Было три часа ночи первого дня войны с японскими милитаристами. Первый эшелон советско-монгольской Конно-механизированной группы, имея впереди танки, начал наступление в глубь Маньчжурии.

Первый удар Конно-механизированной группы мы нанесли точно по плану. В тыл потянулись колонны первых пленных, захваченных на погранзаставах. С восходом солнца пограничные холмы в предбоевых порядках перевалили на рысях дивизии монгольской конницы, составлявшие резерв группы. Туча пыли закрыла горизонт. Когда по степи движутся такие массы кавалерии, пыль почти не оседает. И я ощущаю невыносимое удушье раскаленной зноем пустыни — легкие вместе с горячим, словно в доменной печи, воздухом всасывают еще более горячую пыль...

— Захвачены ли колодцы?

— Только что вернулся лейтенант Тулатов... Из Сук-кул... Колодец отравлен.

Чернозубенко протянул мне клочок бумаги, на котором по-монгольски значилось: «Через Гоби вам не пройти. Боги превратят колодцы пустыни в огненную смерть. Это говорю вам я, хубилган [1], потомок Дудэ — стремянного Джучи, сына Тимучина [2]. Я — Тимур-Дудэ».

— Ладно,— сказал я.— Пусть болтают...

На другой день утром пришло сообщение, что усиленный батальон майора Самохвалова из 27-й советской отдельной мотострелковой бригады и 7-я отдельная мотомехбригада МНРА полковника Нянтайсурэна захватили штаб погранотряда и разведпункт противника в монастыре Цаган-Обо-Сумэ. Быстрый захват этого важного пункта обеспечивал успех нашего наступления на калганском направлении.

Однако нас с товарищем Цеденбалом радовало далеко не все. Особенное беспокойство вызывало снабжение водой, горюче-смазочными материалами. Машины, зарываясь в песок по ступицы, все время шли на первой и второй скоростях, съедая за два-три часа всю суточную норму. А главное, вода, вода...

«Противник номер два» — пустыня Гоби — оказался еще коварнее, чем мы предполагали.

К двенадцати часам второго дня наступления передовые подразделения достигли Спаренных озер. Но это только на картах озера. В действительности же сухая растрескавшаяся земля. Команды водоснабжения начали рыть колодцы. Я вышел из машины. Поглядел на флягу, что висела на поясе у адъютанта, и отвернулся, проглотив сухой комок...

Саперы выкопали три колодца — воды нет. В десяти километрах — поселок Улан-Усу. Усу — это вода. Разведка докладывает: поселок пуст, в колодце — труп верблюда.

Еще один источник — у Парей-Хоб. Гарнизон японцев после короткого боя поднял руки. Но колодец отравлен...

Свирепствует беспощадное солнце, нет воды, нет топлива для приготовления пищи, подходит к концу горючее. На пределе человеческих возможностей совершают советские и монгольские солдаты тяжелейший поход. И все-таки небывалое воодушевление царит в войсках. В этом необыкновенном подъеме духа солдат большую роль сыграли политработники советские и монгольские, самоотверженная работа политорганов.

С ходу, не теряя ни минуты драгоценного времени, передовые отряды окружают, уничтожают и берут в плен гарнизоны врага в селениях и городах.

Разгромлена армия Внутренней Монголии японского прихлебателя князя Дэ-вана, оказавшаяся совершенно неспособной оказать сопротивление советско-монгольским войскам. В упорном бою захвачен город Чжанбэй и дворец Барун-Сунитван, где находилась княжеская ставка.

На последних литрах горючего танковая бригада полковника Иванушкина смелой атакой с флангов на сутки раньше срока, установленного командующим Забайкальским фронтом маршалом Малиновским, освободила важный узел дорог город Долоннор, который является как бы воротами к хребту Большой Хинган.

Здесь, в горах, нам мешали уже не жара и песок, а непрерывные ливни, сезон которых начинается в августе и длится более месяца.

16 августа войска Конно-механизированной группы подошли к Калганскому укрепрайону. Это был один из тех мощных укрепрайонов, которому японское командование отводило важную роль в Маньчжурии. Начальник штаба Квантунской армии генерал Хикосабуро Хата утверждал, что об эту систему укрепрайонов разобьется самая мощная волна наступающего врага, имея в виду наши войска.

Калганский укрепрайон выгнулся огромной дугой, упираясь флангами в Великую китайскую стену. Из амбразур мощных железобетонных укреплений, тщательно замаскированных под юрты и курганы, смотрели жерла орудий и пулеметов.

Да и сама Великая китайская стена, возведенная из огромных глыб, по верху которой свободно может проехать автомобиль, тоже была приспособлена к бою: по всей ее длине сооружены башни с бойницами...

Молчаливую равнину, что раскинулась перед укреплениями, японцы называли «равниной смерти» — то ли потому, что считали, что здесь полягут советские войска, то ли потому, что, стремясь сохранить в тайне расположение укреплений, истребили строителей-китайцев...

Мой приказ о наступлении на укрепрайон в частях калганского направления был получен вечером.

В подразделениях немедленно прошли партийные и комсомольские собрания, на которых горячо выступали воины. Посыпались заявления о приеме в партию. Бойцы хотели идти в бой коммунистами.

В ночь на 18 августа поиски разведчиков показали, что обходных путей на Калган нет, как

[1] Хубилган — так ламаистская секта буддизма называет человека, в которого якобы воплотился бог.

[2] Тимучин — Чингисхан.

ТРОПЕ

нет и особенно слабых мест в японской обороне. Противник на автомашинах подбрасывал из Калгана пехоту, артиллерию, минометы...

День ушел на подготовку, а к вечеру, в сгущающихся сумерках, батальон капитана Сузанского после мощного артналета ворвался в первую линию траншей. Орудия прямой наводкой ударили по амбразурам дота. Захватив его, батальон устремился вперед... В то же время наблюдатели засекали огневые точки и тщательно заносили их на карту.

С утра зарядил дождь. Но, несмотря на это, весь день и последующую ночь советские и монгольские штурмовые группы смело и сноровисто продолжали блокировать и захватывать доты и дзоты.

По показаниям пленного офицера, гарнизону Калганского укрепрайона приказано держаться до 24 августа: к этому времени должны подойти подкрепления из Пекина и закончится эвакуация многочисленного имущества.

Мы, конечно, не могли ждать, когда японцы окончат грабеж города.

20 августа я назначил общий штурм. Накануне ночью перед позициями 3-го полка советской мотострелковой бригады появился вымпел с запиской. В записке говорилось, что японские войска готовы прекратить боевые действия, если мы приостановим наступление. Японцы сообщили, что пришлют парламентера. Однако время его прибытия не указывалось.

Для вызова парламентера мы послали японского перебежчика, переодетого в форму монгольского цирика. Вскоре после его возвращения явился парламентер. Он принес послание некоего майора Накагавы, который просил отложить капитуляцию минимум на два дня...

Ответа я решил не давать. 21 августа «долину смерти» потряс мощный гул артиллерийской канонады. Это и был наш ответ Накагаве. А еще через сутки войска Конно-механизированной группы с боем овладели городом Калган — столицей Внутренней Монголии.

В подвалах калганских укреплений мы обнаружили большие запасы взрывчатки.

«Что ж, спасибо и на этом» — подумал я, отдавая приказ взорвать укрепрайон.

Так закончилась операция «Калганская стрела»...

Наши соседи слева, 17-я армия генерал-лейтенанта А. И. Данилова и 6-я гвардейская танковая армия генерал-полковника А. Г. Кравченко, заняли города Чифынь, Уданьчэн, Кайму, Чанлин и успешно продвигались дальше.

Основные коммуникации с собственно Китаем были перерезаны.

«Что же теперь предпримет японское командование? — размышлял я.— Попытается прорваться в Китай через Жэхэ? А может быть, группировка Северного японского фронта, насчитывающая около восьми дивизий, попробует ударом с юга помешать окружению Квантунской армии? В этом случае не миновать встречных боев меж Жэхэ и Пекином. Что бы там ни было, в первую очередь надо брать Жэхэ, лежащий на главном направлении наступления КМГ,— важнейший опорный пункт японцев и столицу провинции!»

Нам предстояла сложная тактическая задача. Труднопроходимые дороги не позволяли массированного разворота сил группы для наступления. А пересеченная горная местность вокруг города и множество рек создавали отличные условия для обороны довольно крупного гарнизона врага.

А ливни не прекращались. Раскисшие до предела дороги буквально держали за колеса машин, за гусеницы танков, за копыта коней. Ценой неимоверных усилий удавалось выдерживать темп наступления, не терять выигранное у врага время и пространство, внезапно нападать на его опорные пункты... О том, как мы освободили Жэхэ, мне хочется рассказать поподробнее.

На рассвете 19 августа части 59-й советской стрелковой дивизии генерала Л. Е. Коркуца вышли на ближние подступы к Жэхэ. На подходе к городу находилась и 8-я монгольская дивизия полковника Одсурэна.

Получив это сообщение, я вместе с оперативной группой на машинах отправился догонять передовые отряды, которые с разных направлений должны были с ходу ворваться в город.

Шофер, сержант Король, выжимал из «виллиса» все, что мог. Одолев перевал, мы неожданно увидели группу солдат в форме войск Маньчжоу-Го. Оказалось, они бежали из гарнизона Жэхэ. По их словам, в городе никто не подозревает, что советские войска столь близко.

Жители Харбина встречают моряков-десантников Тихоокеанского флота. Август 1945 года.

Фото Е. Халдея.

«А на дороге японских солдат нету,— сказал один из перебежчиков, говоривший по-русски.— Не веришь? Ходи сам посмотри!»

Все это надо бы проверить, но времени у нас не было. Поэтому я приказал ехать дальше. Вот и Жэхэ. Я внимательно вглядываюсь в очертания города... В нем все спокойно. Значит, передовые отряды в город еще не вошли. Но обстановка может обостриться в любой момент, стоит японцам заметить наших и поднять гарнизон по тревоге... Тогда — бой... Или, в случае неудачи, враг попытается отойти на соединение со своим Северным фронтом — к Пекину или прорваться на Ляодунский полуостров. Этого никак нельзя допустить.

Что же делать?..

А что, если самому явиться в штаб японского гарнизона?

Офицерам связи были отданы необходимые распоряжения, и мы двинулись в город. Несколько наших машин на большой скорости пронеслись по улицам. Впереди — японский патруль.

— Останови,— приказал я шоферу сержанту Королю.

Японцы опешили. Мой адъютант капитан Семенидо и переводчик бросились к ним, потащили в машину, объясняя на ходу, что они должны показать нам дорогу в штаб их дивизии.

В этот момент из какого-то двора выскочили два наших солдата.

— Стойте! — крикнул один из них.— Товарищ командующий, в городе японские части. Штаб японцев расположен на площади, в крепости...

— А вы кто такие?

— Разведка пятьдесят девятой дивизии.

— Передайте командиру разведгруппы немедленно прибыть к японскому штабу. Я буду там...

— Есть! — отозвались разведчики, бросаясь выполнять приказ.

Перед штабом гарнизона, расположившимся в здании китайской архитектуры, мы остановились.

Автоматчики охраны собирались выскочить из машины, но я жестом остановил их.

— Майор Шведов и капитан Семенидо! Привести старшего японского начальника.

Шведов и Семенидо направились было к зданию, но оттуда показалась группа японских офицеров во главе с коротконогим крепышом. Я молчал, всем своим видом показывал, что жду доклада.

«Пусть заговорит первым,— думал я.— Почувствует, кто тут хозяин положения».

К моему удивлению, японец правильно понял, что от него требуется.

— Я полковник Никамура, командир дивизии,— перевел наш переводчик.— Что вам угодно?

— Перед вами представитель Советского командования. Город окружен войсками Забайкальского фронта. Сопротивление бесполезно. Предлагаю сложить оружие.

Подошел еще один японец, оказавшийся офицером генерального штаба.

На лицах японских офицеров явственно отражалась напряженная внутренняя борьба.

— Если вы не согласитесь, советско-монгольские войска начнут штурм города,— предупредил я.

Генштабист иронически улыбнулся. Он уже открыл рот, чтобы ответить (и в этом ответе вряд ли оказалось бы нечто приятное для нас), но не успел. Раздался шум моторов, и на площадь выехала артбатарея капитана Рагулина и вместе с ней машина с «катюшей». Рагулин мигом сориентировался в обстановке и доложил, что все пути отхода из Жэхэ перерезаны отборными передовыми отрядами, а главные силы изготовились для штурма.

Генштабист сразу сник.

— Хорошо,— сказал полковник Никамура,— переходя на русский язык.— Обстоятельства вынуждают меня... Но переговоры с вашей стороны может вести только военачальник, равный мне или выше меня. Иначе вечный позор ляжет на меня и на моих потомков...

— Не беспокойтесь,— сказал я.— Перед вами генерал-полковник Советской Армии Плиев.

Генштабист, а с ним и Никамура и другие офицеры дернулись, как на пружине.

— Мы вас знаем, ваше превосходительство...

И хором зашипели, что означает у японцев подобострастие и готовность к услугам...

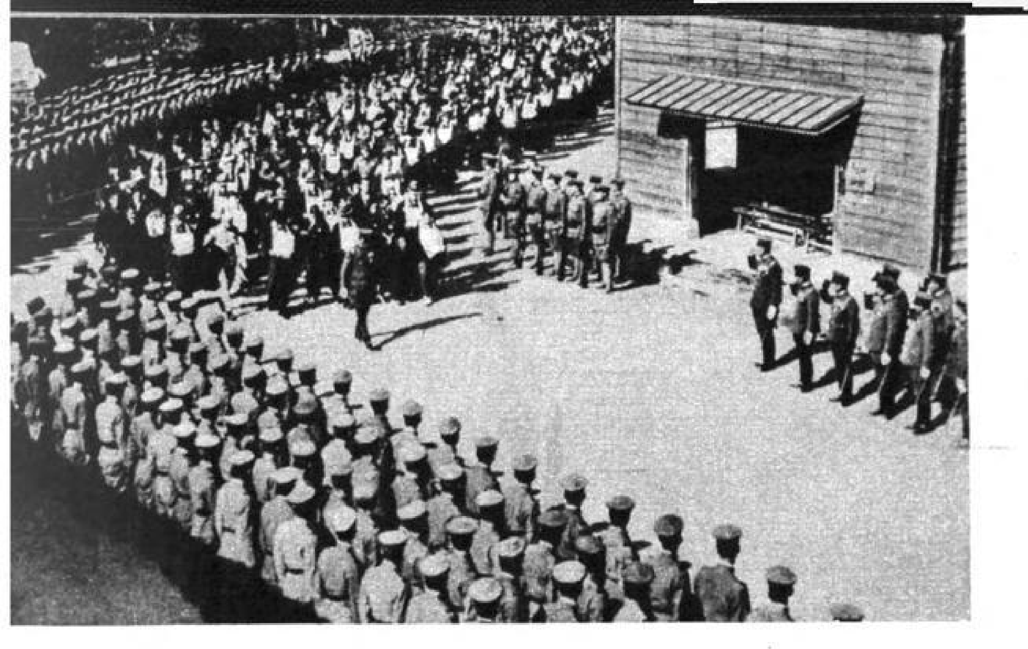
Утром генерал Коркуц доложил, что гарнизон Жэхэ разоружен. В плен сдались 8 136 солдат и офицеров. Все китайское население высыпало в этот день на улицы города. Советским и монгольским воинам буквально не давали прохода, обнимали, угощали, дарили цветы, благодарили за освобождение от оккупантов.

24 августа был опубликован приказ Верховного Главнокомандующего, в котором говорилось, что Квантунская армия прекратила сопротивление и сдалась советским войскам в плен. Однако с 24 августа до начала сентября наши войска завершали уничтожение оставшихся очагов сопротивления в Северо-Восточном Китае. Было закончено освобождение Северной Кореи. С 23 августа по 1 сентября советские войска освободили Курильские острова.

В историю этой победы нелегкий рейд нашей Конно-механизированной группы вошел как яркий пример боевого содружества братских армий Советского Союза и Монгольской Народной Республики.

СНОВА ТЕНЬ ДЗИММУ

Всеволод ОВЧИННИКОВ

Второе сентября 1945 года вошло в историю как завершающая дата второй мировой войны: в этот день капитулировала милитаристская Япония.

Пламя войны, зажженное агрессорами на азиатском континенте и тихоокеанских просторах, неумолимо приближалось к японской земле. А сокрушительный удар, нанесенный советскими танками отборной Квантунской армии на просторах Маньчжурии, окончательно решил исход боевых действий на Дальнем Востоке.

За шовинистический угар, за алчные планы господства над Азией пришлось расплачиваться дорогой ценой. Вот фотография, которая повествует об этом выразительнее слов. Жители Сидзуока встречают полк, вернувшийся с фронта: тот же строй, та же походная форма, как и во время проводов, только без винтовок. Бережно, словно награду, люди прижимают к груди аккуратный белый ящичек. Колонна награжденных? Нет, это возвращаются в родной город останки тех, кто погиб на заморских фронтах. Три миллиона урн, обтянутых белым траурным крепом,— вот трофей, который принесла стране война.

Народу внушали, будто божественное предназначение Страны восходящего солнца воплощено в словах мифического основателя японского государства императора Дзимму, призывавшего «собрать восемь углов мира под единой крышей». Именно так был назван 37-метровый каменный монумент, воздвигнутый в 1940 году, когда широко отмечалось «2 600-летие восшествия Дзимму на престол». (В том же самом году правители Японии подписали тройственный пакт с Муссолини и Гитлером, объявив о роспуске всех политических партий и профсоюзов.)

Однако по мере того, как ход войны все явственнее оборачивался для Японии поражением, пришлось заимствовать со страниц истории иные термины. Пришлось делать ставку на пилотов-смертников «камикадзе» (что буквально означает «божественный ветер») в надежде, что они, подобно тайфуну, разметавшему флот Хубилая в XIII веке, избавят страну от угрозы вторжения. Так от культа Дзимму с его девизом «собрать восемь углов мира под одной крышей» военщина довела страну до культа самоубийств.

Казалось бы, урок истории достаточно поучителен. И тем не менее уже в наши дни мне довелось увидеть своими глазами такую картину.

...Император Дзимму предстал перед жителями города Касивара верхом на белом коне, в том самом одеянии и доспехах, в которых он, как гласит легенда, вступил там на престол 11 февраля 660 года до нашей эры. Держа в руке булаву, увенчанную птицей с распростертыми крыльями, он медленно ехал во главе воинов древнего племени ямато.

Можно было подумать, что это оживший памятник. Но когда Дзимму к тому же заговорил, горожанам было еще труднее поверить собственным ушам, чем глазам.

Мифический правитель выразил радость, что дата его восшествия на престол вновь будет ежегодно отмечаться как «День основания государства».

— Это знаменательное событие, надеюсь, откроет пору пробуждения национального духа в Японии,— изрек он.— С демократией дело на лад не пойдет. Я считаю, что страной должен править император. Надо расширить его полномочия, отменить антивоенную конституцию. Я за то, чтобы у нас была хорошая армия, чтобы молодежь воспитывалась в духе бусидо (моральный кодекс самураев).

Описанное выше — отнюдь не вымысел. Все это произошло в день учреждения нового государственного праздника, или, точнее, возрождения старого. Роль Дзимму исполнил бывший полковник императорской армии Сабуро Иосикава — мэр города Касивара, обрядивший служащих муниципалитета в древние доспехи племени ямато.

Пока мэр, загримированный под Дзимму, излагал свое политическое кредо, воспитание в духе самурайского кодекса бусидо демонстрировалось по соседству на практике. Выкормыши ультраправых террористических организаций на шестнадцати грузовиках подъехали к зданию, где шел рабочий митинг против «Дня основания государства», и учинили там драку.

Но вот 11 февраля все-таки стало большим государственным праздником, и император Дзимму — потомок богини солнца и основатель нынешней династии — вновь вернулся на страницы учебников. Одновременно шла переработка школьных программ, которую прогрессивная печать метко охарактеризовала как «воскрешение богов». Суть вносимых поправок — постепенный отход от оценки минувшей войны как преступного акта со стороны тогдашних правителей Японии — милитаристской клики.

Дети легли на школьном дворе по сигналу воздушной тревоги — этот снимок был сделан четверть века назад, в последние дни войны. Неужели нынешнему поколению детворы суждено будет пережить подобные минуты? Вопрос этот отнюдь не риторический, так как в последние годы в Японии предпринимаются попытки «избавить народ от атомной аллергии» — то есть подавить протест против ядерного оружия.

«Япония перевооружается» — гласит заголовок влиятельного в Азии журнала «Фар истерн экономик ревю». «В азиатских странах,— пишет журнал,— не могут не расти опасения по поводу того, что перевооружение это может привести к возрождению японского милитаризма как политической силы. Люди, занимающиеся оборонной промышленностью, уже более не в загоне. Даже те, кто молчал на протяжении последних пятнадцати лет, сейчас находят смелость открыто требовать, чтобы вооруженные силы Японии были приведены в соответствие с ее экономической мощью».

К сетованиям на отсутствие атомной бомбы, которые уже не раз звучали из уст весьма высокопоставленных лиц, нельзя относиться как к пустой болтовне. Не секрет, что четырехступенчатая ракета «Лямбда», которая недавно вывела на орбиту первый японский спутник земли, мало чем уступает американской межконтинентальной баллистической ракете «Минитмен», а при нынешнем уровне японской атомной энергетики наладить производство боеголовок не представило бы труда. Уже сейчас «силы самообороны» имеют на вооружении ракеты «Ника — Геркулес», способные нести как обычную, так и ядерную боеголовку.

Пока бывшие поставщики торпед и самолетов-снарядов, управляемых смертниками, спешат приобщиться к выпуску современного ракетного оружия, на идеологическом фронте предпринимаются попытки возродить фанатический ореол вокруг слова «камикадзе». На эту тему пишутся книги, снимаются кинофильмы. А в военном училище близ Хиросимы даже открыт монумент, на котором значатся имена 2 624 смертников, взорвавшихся вместе со своими самолетами или торпедами. Как знать, может быть, подобные монументы сослужат службу. Пусть смотрит на них молодое поколение, которому кое-кто мысленно примеряет военный мундир, забыв о том, что путь милитаризма и реваншизма может означать для Японии лишь одно — национальное самоубийство.

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

О ЛЮДЯХ БОЛЬШОЙ НАУКИ

МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ

Вы видели когда-нибудь раскрывшуюся коробочку хлопчатника с цветным волокном? Не белым, как снег, а зеленым, розовым, оранжевым, голубым?..

Это не журналистский прием, когда автор, забегая в будущее, рассказывает о том, чего еще нет. Я видела единственное на всем земном шаре поле, где растет цветной хлопок. Могу назвать точный адрес и имя человека, сотворившего чудо: Туркмения, совхоз «Девяти ашхабадских комиссаров», Научно-исследовательский институт земледелия, Иван Кириллович Максименко.

...Лаборатория Максименко тесная: на полках, на столе, на подоконнике — мешочки с семенами. На каждом—номер. По нему можно узнать, когда и где собраны семена, кто были родители растения, сколько лет с ним уже идет работа. Каждое семечко хранит в себе красоту цветения и щедрость будущих урожаев. В каждом скрыты надежды, поиски, разочарования и победы селекционера. А вот и мягкие, похожие на пушистых зверьков комочки волокна — коричневые, как верблюжья шерсть, синие, черные...

За окном жарко вздыхает Средняя Азия. Сухие ветры и сорокалетний труд на поле оставили на всем облике хозяина лаборатории неизгладимый отпечаток.

Иван Кириллович Максименко очень болен — сердце, был тяжелый инфаркт. Да и возраст уже не юношеский — за шестьдесят, три взрослые дочери, дедушка. Врачи настойчиво советуют переменить климат. Но как уедешь, когда тут все твое — земля полита твоим потом, сердце, ум вложены в учеников, а на колхозных полях каждый год дают урожаи созданные тобою сорта хлопчатника...

Никогда не думал паренек из украинской деревни Михайловка, Ваня Максименко, что жизнь занесет его за тридевять земель. Но страна бросила призыв: хозяйству Средней Азии нужна помощь. Шел 1929 год...

— Хлопка до этого я и в глаза не видел,— вспоминает Иван Кириллович.— За два месяца ознакомили нас с тем, что это такое — хлопок, как его сажать, как собирать, как вносить удобрения, и разослали по аулам агрономами. Вот и вся наша наука.

Время было тревожное. И не знаю, кем больше мы были тогда в аулах—агрономами или агитаторами за Советскую власть. Муллы, баи, бандиты использовали против нас все — и религию, и оружие, и наши даже самые маленькие промахи,— продолжает рассказывать Иван Кириллович.— Помню, поехал на место своей будущей работы русский парень, да так и не доехал: в горах напала банда басмачей, отрубили ему голову, а тело довезли до места назначения — получайте, мол, вашего агронома.

Институт хлопководства... С этого началась «карьера» будущего ученого. Здесь раскрылся его талант селекционера. Затем была аспирантура, защита диссертации, научно-исследовательская селекционная станция на юге Туркмении — Иолотань. Название ее буквой «И» прибавлено к номерам всех сортов, выведенных Максименко. Именно тут создал он лучшие в стране сорта тонковолокнистого хлопчатника. Работа принесла академику АН ТССР И. К. Максименко славу Героя Социалистического Труда.

Иван Кириллович Максименко на опытном поле.

Сорт № 5476-И — скороспелый, высокоурожайный. Колхозы буквально ухватились за него. В 1957 году в Туркмении был собран большой урожай хлопчатника в основном за счет этого сорта. Сорт № 8763-И, дающий самое длинное шелковистое волокно; новый сорт № 9078-И — посевы его занимают сейчас почти всю территорию Туркмении. А сколько интересного селекционного материала осталось как бы за бортом основной линии работы! Например, сорт под № 8704-И. У растений к моменту сбора урожая листья сами опадают, и поэтому его легко собирать машинами. Но сорт этот немного отстает по урожайности, и его пока не рекомендуют в широкое производство.

Работа над созданием хлопчатника с цветным волокном, как говорит сам Иван Кириллович, «его самая длинная любовь», которая продолжается уже больше тридцати лет. В 1939 году начал он первые опыты...

Хлопок имеет тысячелетнюю историю. Веками хлопкоробы стремились делать его белым, как снег, умышленно изгоняли мельчайшие признаки цвета. Объяснялось это тем, что белый хлопок имеет более длинное волокно. Ученому предстояло вернуться в глубь веков и пройти обратный путь ускоренным темпом, закрепив в наследственности хлопчатника новый признак — цвет и при этом не поступиться качеством.

И вот получены два растения — два на целом опытном поле! — где некоторые волоконца окрашены у одного в зеленый, у другого в коричневый цвет.

Но зачем понадобилось селекционеру выводить цветной хлопчатник? Им двигала не простая любознательность исследователя.

Хлопок рождается белым. Но изделия из него далеко не все остаются белого цвета. Их красят. Это и время, и оборудование, и деньги. Кроме того, как правило, краски не всегда бывают достаточно прочными: на солнце они выгорают, от стирок линяют. А если краска стойкая, то порой она проникает в состав волокна и делает его менее прочным.

Из года в год отбирал ученый растения, в которых сначала едва заметно, а потом яснее выражались нужные ему признаки. Мало кто верил в удачу. Да и сам Максименко считал свою «самую длинную любовь» вроде как незаконной, вел исследования урывками, стараясь, чтобы они не помешали основному — созданию новых высокоурожайных сортов белого тонковолокнистого хлопчатника, нужного стране. Однако бросить начатые исследования он не мог: эта любовь захватила его душу.

Наконец из раскрывшихся коробочек хлопчатника взяты зеленые, коричневые, розовые, синие пушистые комочки. Начался новый этап — отработка качества волокна.

Увы, природа не шла навстречу селекционеру. Чем интенсивнее оказывался цвет, тем слабее волоконце.

И опять потянулись годы работы: отбор, отбор и еще раз отбор. Каждый эксперимент длился год. Ничего не поделаешь: такова участь селекционера.

Сейчас цветное волокно уже почти отвечает по качеству мировым стандартам, принятым для белого волокна. Но «почти» — это еще не знак равенства, и ученый продолжает селекционную работу. А в лаборатории исследуют свойства волокна, его длину, крепость, технологические качества. Уже были получены опытные образцы пряжи, первые метры материала с естественной окраской. Из пряжи шили туристские палатки, костюмы. Испытатели придирчиво проверяли, как действуют на материал солнце и дожди, каковы костюмы в стирке и носке.

— Испытания вас не разочаровали? — спрашиваю я Ивана Кирилловича.

— Пожалуй, нет,— отвечает ученый.— Я бы даже сказал так: проверка раскрыла нам свойства, в которых мы раньше не были полностью уверены. Например, в зеленом волокне больше специальных веществ — жаровосков, чем в белом. Это придает ему лучшие качества при чесании и прядении. Оно мягче, эластичнее, лучше противостоит гниению. Ткань, сделанная из хлопка с естественной окраской, дольше служит, меньше выгорает на солнце и линяет от дождей. Мало того, стоит выстирать чуть выгоревшую вещь в щелочи, как она восстанавливает свой цвет.

Хлопковое волокно скрывает в себе множество резервов, которые мы еще не умеем взять у растений. Какие бы успехи ни сделали химики, создавая искусственные волокна, я думаю, что и в будущем останутся хлопок, шерсть, лен — старые благородные материалы. И меня не пугает, что эксперименты, которые я начал, столь длинны, что целой человеческой жизни, может быть, не хватит, чтобы завершить их. У меня есть ученики...

* * *

Удивительно приятно говорить с людьми, свято чтущими своего учителя, даже если они поднялись по служебной лестнице выше его. Я понимаю, что это норма человеческого поведения, и все-таки радостно мне было слушать молодых туркменских ученых Атадурды Худайкулиева и Давлета Бабаева.

Атадурды Худайкулиев — директор Института земледелия, где работает Максименко. Назначение своего молодого ученика на столь высокий пост Иван Кириллович воспринял настороженно. Он твердо считает, что селекционер хлопчатника рожден и воспитан полем. Поле приучает глаза к широким горизонтам, а ум—к смелым мечтам и свободным построениям, столь необходимым в их профессии. Должность директора научно-исследовательского института, опасался Максименко, может привести к тому, что Атадурды засядет в стенах кабинета и не смо-

жет работать по-прежнему. И только когда прошло порядочно времени и когда изменился не сам Атадурды, а работа института — она стала ближе к полям,— Иван Кириллович подобрел. Мне он говорил о новом директоре немногословно, но в скупых фразах угадывались и нежность и гордость.

Атадурды Худайкулиев—потомственный хлопкороб. Его прадед, дед, отец жили в оазисе Мары, где издревле разводят хлопчатник. Его мать — знаменитая Айнабад, одна из первых туркменских женщин-коммунисток, стала председателем колхоза. Тогда она была неграмотной, и школьник Атадурды—ее добровольный секретарь — вел дела, помогал матери. Уже тогда он решил: станет селекционером, будет выращивать новые сорта хлопчатника.

В институтском общежитии волею судьбы он оказался в одной комнате с Давлетом Бабаевым, приехавшим в Ашхабад тоже из Мары, из соседнего колхоза. А потом судьба свела их опять вместе — сотрудников одного института и учеников академика Максименко.

Худайкулиев и Бабаев показали мне хозяйство института — лаборатории, опытные поля,— и теперь мы медленно бредем назад. К вечеру стало чуть прохладнее. Солнце, воспаленное и мутное, низко висит над горизонтом.

Разговор наш начался с фразы о том, что селекционеры — неисправимые оптимисты, ибо начинают работать над сортом, который увидят ой как не скоро. Потом разговор зашел о том, каким вообще должен быть селекционер. Атадурды и Давлет увлеклись, перестали обращать на меня внимание: они как бы думали вслух. И вот к чему сводились эти размышления.

Селекционер должен не только любить растения, но и запоминать их, как хороших знакомых, обладать великолепной зрительной памятью.

У селекционера должны быть чуткие пальцы, чтобы на ощупь, без всяких приборов угадывать качество волокна. Лабораторный анализ только подтверждает количественно то, что ему уже известно. И без интуиции ему тоже не обойтись. Именно интуиция часто подсказывает, что надо начать работу именно с этим растением.

Селекционер должен быть выносливым. И не только физически. Шесть лет держишь признак, нужное тебе свойство, которое уловил, и вдруг на седьмой год, когда, казалось, дело идет к концу, признак расщепляется и пропадает. Надо начинать все сначала, а это требует немалого мужества.

И еще селекционер должен быть очень зорким. Быть, если можно так сказать, логически мыслящим мечтателем, умеющим заглянуть на десятилетия вперед, в одном растении, еще совсем не похожем на новый сорт, увидеть свое будущее произведение. Помните, как у Пушкина:

И даль свободного романа
Я сквозь магический кристалл
Еще неясно различал.

— Да что мы тут теоретизируем,— говорит вдруг Атадурды Худайкулиев.— Селекционер должен быть таким, как Иван Кириллович Максименко. Уж кто-кто, а он обладает этим магическим кристаллом творчества.

Ольга МИРОШНИЧЕНКО Рассказ **Рисунок П. КАРАЧЕНЦОВА.**

БЕРК

Когда мне было пять лет, больше всего на свете мне хотелось иметь веер, сумочку и зонтик. Но шла война, и я с мамой и старшей сестрой Галей жила в маленьком поселке в Киргизии. Мы были эвакуированные, и веера, сумочки и зонтика у меня, конечно, не было, не было у меня даже зимнего пальто, потому что оно осталось в Москве: мама думала, что в Киргизии всегда жарко, и не взяла теплые вещи. Но однажды я получила все сразу — крошечный, из тонких деревянных вкусно пахнущих дощечек веер, белый, в голубеньких цветочках зонтик и бисерную сумочку на длинной серебряной цепочке. И произошло все это из-за большой серой собаки, которую звали Беркут.

Он всегда сидел на цепи в нашем дворе, и шерсть на его могучем загривке не лежала, а стояла дыбом, потому что был он очень злой собакой, и его хозяин, наш сосед Владимир Иванович, говорил, что отец Беркута — волк, самый настоящий дикий волк. Сам Владимир Иванович очень боялся Беркута, боялся подходить к нему, а миску с едой придвигал палкой. Я тоже боялась Беркута, хотя он мне очень нравился: у него были большие глаза, родинка на морде и длинный пушистый хвост.

В Киргизии есть сильные и смелые птицы, которых птенцами забирают из гнезда, долго приручают, и потом они охотятся на зайцев и лисиц, и я хорошо помню охотников верхом на приземистых лошадках, в рыжих лисьих шапках, в одной руке повод, а на другой, одетой в кожаную рукавицу, сидит беркут. Голова беркута прикрыта колпачком, чтобы он не отвлекался перед охотой, а кожаная рукавица защищает охотника от стальных когтей птицы. И вот, наверное, потому, что птицы эти такие большие и сильные, и назвали серую с желтыми неподвижными глазами собаку Беркутом.

Мама утром уходила на работу, сестра в школу, а я оставалась одна. Я не любила сидеть дома, и, хотя мама не разрешала мне уходить далеко, я гуляла по всему поселку, и у меня были свои любимые места. Прежде всего я отправлялась в госпиталь, где меня уже хорошо знали и всегда пускали в палаты. В палатах я пела, читала стихи и плясала вприсядку, далеко отбрасывая худые ноги в незаживающих от непривычного климата болячках. Я могла тогда очень долго плясать вприсядку, и взрослые очень удивлялись, как это так долго я пляшу, а мне это было очень легко и нравилось, и раненым бойцам тоже. Они смеялись, хлопали мне и просили сплясать еще, и я плясала столько раз, сколько они просили, а потом пела и читала стихи. Обойдя все палаты, я прощалась с ранеными и шла домой. Я приходила немного раньше мамы, накрывала на стол и садилась на крыльцо поджидать ее. Мама быстро кормила меня обедом и убегала опять на работу, а я маленьким веничком подметала пол и снова уходила гулять. Но теперь я шла совсем в другой конец поселка, туда, где на опустевшей базарной площади, сидя на кошмах, старые киргизы пили чай и ели плов. Там стояли верблюды, они были гордыми и печальными, и самым гордым и печальным был большой верблюд Яшка. Мальчишки дразнили его:

Верблюд Яшка,
Синяя рубашка,
Желтые штаны.

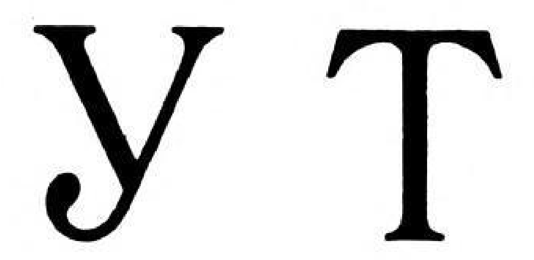
но он даже не смотрел в их сторону и шагал, высоко подняв голову и глядя перед собой. Меня он узнавал и любил. Я всегда приносила ему кусочек сахара. Сахар мне давали бойцы в госпитале, и я делилась им с мамой, Галей, стариками киргизами и Яшкой. Старики угощали меня зеленым чаем и вкусным пловом. Я садилась на кошму рядом с ними, пила чай из большой пиалы, разглядывала загорелые сморщенные лица стариков и слушала их разговоры, потом они гасили маленький костер, на котором кипятили чай и варили плов, и начинали собираться в обратный путь, к себе в кишлаки. Я помогала им складывать кошму. «Приходи завтра, кизымка»,— говорили они. «Кизымка» по-киргизски означает «девочка», я знала это слово, кивала и говорила: «Приду, приду»,— гладила мягкую желтую шерстку Яшки и бежала домой. Мне надо было перейти через большую площадь перед заводом, в центре ее стояла высокая трибуна, и мне всегда хотелось взобраться по ступенькам на самый ее верх, но я пробегала мимо, не останавливаясь, потому что хорошо помнила, как просидела на этой трибуне целый день: боялась спуститься вниз, это оказалось почему-то очень трудным и страшным делом, и я сидела наверху до вечера, пока на заводе не кончилась смена; меня увидели и помогли сойти вниз.

Так я проводила дни. Но однажды после долгой прогулки по арыкам у меня заболело ухо, и мама не разрешила мне выходить на улицу. Мне было очень скучно сидеть одной дома, и я решила учиться писать. Я взяла чернильницу своей сестры Гали, ее ручку и тетрадь, села за стол и обмакнула перо в чернильницу. Я нарисовала две палочки, когда чернильница вдруг упала, и чернила разлились по всему столу и испачкали Галины книги и тетрадки. Я так испугалась, что заплакала, и плакала очень долго, потом стала смотреть в окно, на улицу, где почему-то все люди бежали, это занятие отвлекло меня на некоторое время, но тут я представила, как Галя, вернувшись из школы, видит все, что я натворила, и представила, что будет дальше, и начала плакать снова. Но потом я решила уйти из дома, спрятаться от Гали и не приходить домой до вечера — пусть они меня поищут. Я открыла дверь, вышла на улицу и тут же упала, хотела подняться, но почему-то сделать это было очень трудно, да еще я увидела, что ко мне бежит мама и что-то кричит. Я думала, мама уже узнала о том, что я натворила, и бежит, чтобы скорее наказать меня, и решила не торопиться вставать, пусть мама подумает, что я сильно ушиблась. Но мама, подбежав ко мне, схватила меня на руки, поцеловала и сказала «умница», я очень удивилась, но промолчала. По улице бегали и кричали люди, а наш сосед Владимир Иванович зачем-то вывел из сарая нашу общую корову Милку. Мама сказала ему: «Что же делать, где же Галочка?»,— а он ответил, что «ничего страшного, Галя в школе, а во время землетрясения всех учеников выводят из школы, но домой идти одному никому не разрешают». Когда я услышала, что сейчас происходит зе-

млетрясение, я очень обрадовалась и даже засмеялась. Я очень обрадовалась потому, что теперь Гале можно будет сказать, что это землетрясение опрокинуло ее чернильницу.

Но землетрясение быстро кончилось, мы вошли в дом, и мама тут же спросила: «Это ты сделала?» — и показала на стол. «Нет,— сказала я,— это землетрясение»,— и снова засмеялась, но мама вдруг очень рассердилась, и еще больше она рассердилась, когда пришла Галя и стала плакать и говорить, что теперь она будет считаться не самой лучшей, а самой худшей ученицей, потому что у нее грязные тетради, во-первых, а во-вторых, она вообще не сможет готовить уроки, потому что многие слова в учебниках залиты чернилами.

Я снова сказала: «Это же землетрясение» — и подвинулась ближе к двери. «Подойди ко мне»,— сказала мама. «Отшлепай ее как следует, чтобы она знала»,— попросила Галя маму, и тут я выбежала из комнаты во двор, Галя побежала за мной, она очень быстро догоняла меня, я не знала, куда спрятаться, и вдруг увидела, что будка Беркута пуста, я подумала, что он убежал во время землетрясения, подбежала к будке и залезла в нее, потому что она была очень большая. А Беркут просто-напросто сидел за будкой, поэтому я и не увидела его, а Галя увидела. Она закричала: «Мама, мамочка!» — и остановилась. Беркут подошел к будке, заглянул в нее, увидел меня и очень обрадовался, начал прыгать и громко лаять, потом засунул голову в будку и облизал мне лицо, язык был у него теплый, и было очень щекотно. А Галя и мама стояли поодаль и звали меня ласковыми голосами. Они кричали: «Машенька, Машенька, выходи, тебе ничего не будет». Мама даже хотела подойти к будке, но Беркут повернулся к ней и зарычал, тогда она отошла и снова стала рядом с Галей так, что он не мог до них достать.

С того дня моя жизнь изменилась. Возвращаясь из своих походов в госпиталь и на базарную площадь, я шла к будке Беркута, он уже ждал меня и, в нетерпении натягивая цепь так, что ему приходилось становиться на задние лапы, следил, как я приближаюсь. Он облизывал мое лицо, руки, прыгал вокруг меня, подводил к своей миске, приглашая полакомиться костями. И мы часами играли вместе, и не было у меня тогда товарища лучше, веселее и вернее, чем он.

Но мама и Галя были огорчены. Во-первых, они все время боялись, что он искусает меня, во-вторых, я перестала их слушаться. Как только я чувствовала за собой какую-нибудь вину и опасность наказания, я уходила за черту волшебного спасительного круга, черта эта определялась длиной цепи Беркута, и я очень точно знала ее. Стоя у самой ее границы, я вела переговоры с мамой и Галей, выторговывая выгодные условия мира, а Беркут, сидя рядом, подкрепляя мои требования, время от времени безмолвно оскаливался, показывая огромные белые клыки моим, как он думал, злейшим врагам.

Шли дни, и однажды мама сказала, что завтра приедет папа, что он приедет с фронта повидать нас и очень огорчится, если узнает, что я живу в собачьей будке и не слушаю маму. Я обещала маме не подходить к Беркуту целый день, пока папа будет у нас, а потом спросила: «Он будет только один день?» — и мама вздохнула и сказала: «Да, только один».

Вечером она испекла пирожки с мясом и вареньем. Я никогда не ела пирожков, правда, мама сказала, что, когда не было войны и мы жили в Москве, она часто пекла пирожки, но я этого не помнила.

Утром, когда я проснулась, папа еще не приехал. Мама, уходя на работу, одела меня в новое платье и велела сидеть дома, никуда не ходить и ждать папу. А главное, не подходить к Беркуту, чтобы не запачкать платье. Я осталась одна. Я походила по комнате, не зная, чем заняться, чернильницу Галя поставила высоко на полку, так, чтобы я не могла ее достать, игрушек у меня не было, а деревянные чурки, которыми топили печку и из которых можно было строить дома, мне надоели. Я хотела открыть шкаф и посмотреть высокую стеклянную башню, внутри этой башни были духи и они очень хорошо пахли, но потом я подумала, что могу разбить ее, и не стала открывать шкаф. И тут я еще немножко походила по комнате и вдруг поняла, что больше всего на свете мне хочется пойти к Беркуту. Тогда я сняла новое платье, взяла самый большой пирожок и вышла во двор. Беркут дремал возле своей будки, глаза его были чуть прикрыты, видно, он все время смотрел на дверь нашего дома, потому что сразу увидел меня, вскочил, залаял, прося идти побыстрее. Я побежала к нему, тут он увидел, что я несу ему пирожок, и обрадовался еще больше, стал прыгать еще выше и еще громче лаять. Я часто приносила ему из дому какую-нибудь еду, и мы придумали такую игру: я становилась на цыпочки, поднимала руку с едой вверх, а он подпрыгивал и выхватывал еду из моей руки. И сейчас я решила сделать так же, но сначала попробовать, с чем пирожок — с вареньем или с мясом, а Беркут этого не знал: он подпрыгнул как раз в тот момент, когда я поднесла пирожок ко рту, и от радости немного не рассчитал, потому что я почувствовала вдруг сильный удар в подбородок и тут же что-то теплое и соленое на губах. Беркут почему-то жалобно-недоумевающе взвизгнул, поджал хвост и побежал к будке. Он закричал так жалобно и громко, что из дому выскочил его хозяин инвалид Владимир Иванович и побежал ко мне, а теплое уже текло у меня по шее, я дотронулась рукой до губы, потом посмотрела на руку, она была в чем-то липком и красном. И в этот момент во двор вошел папа, и тогда я заревела и побежала к нему. Папа бросил на землю рюкзак, схватил меня на руки и побежал по улице, а сзади, хромая, бежал Владимир Иванович и кричал: «Подождите, подождите, вы же не знаете, где больница».

Вечером я сидела за столом вместе с папой, мамой и Галей. Все пили чай, а я не могла, потому что было очень больно шевелить губами.

«Тебя спасла твоя самодеятельность, иначе быть бы тебе уродцем, а ты у нас и так не бог весть какая красавица»,— сказал папа. Он рассказал маме и Гале, как из больницы нас послали в госпиталь, там меня приняли сразу и очень жалели, говорили: «Как же она теперь будет петь, она ведь так хорошо поет»,— а хирург, который зашил мне раны, сказал, что я очень скоро буду петь опять, потому что для этого он постарался сделать все, что возможно.

Мне очень хотелось посмотреть в зеркало, как зашито, и расспросить папу, как это хирург зашивал раны, я почему-то ничего не помнила. Но я боялась попросить зеркало и вообще напоминать о себе и сидела тихо. А Галя и мама все твердили: «Мы ее предупреждали, мы говорили ей, не подходи к нему, ведь это же дикий пес».

«Надо пристрелить его, а то он и нас покусает»,— сказала Галя. Тогда я заплакала, и плакать было очень больно. Папа встал, взял меня на руки и сказал: «Не плачь, а то швы разойдутся». Он вынес меня на улицу, и мы услышали, как тихо и жалобно скулит Беркут.

Я сказала: «Идем к нему». Папа пошел к будке, потом остановился и спустил меня на землю. Беркут подошел к нам и, встав на задние лапы, передние положил мне на плечи и стал лизать мои губы и подбородок осторожно и медленно. И сейчас, когда я выросла, только две маленькие черточки около губы остались от этих укусов, так хорошо вылечил меня сам Беркут. А тогда я стояла тихо, не шевелясь, и Беркут лизал мое лицо. Потом папа сначала осторожно, а потом уверенно погладил большую голову Беркута. Беркут вильнул хвостом, как бы подбадривая папу, и папа все гладил и гладил его и все что-то говорил ему.

Дома папа спросил меня, чего мне хочется больше всего на свете, и я сказала, чтобы он не уезжал и еще чтобы у меня были веер, сумочка и зонтик.

И он подарил мне на следующий день веер, сумочку и зонтик и уехал снова на фронт.

Мама сейчас говорит, что она представить себе не может, где и как раздобыл он все это в глухом киргизском поселке в 1943 году.

А потом война кончилась, и мы вернулись в Москву, а Беркут остался.

Наш сосед Владимир Иванович прислал нам письмо, он писал, что живет неплохо, что у них тепло и цветут маки, что все знакомые передают нам привет, что Милка по-прежнему дает много молока, а Беркута уже нет. В тот день, когда мы уехали, он долго скулил и грыз цепь, а вечером как-то сумел снять ошейник и побежал в ту сторону, куда мы уехали. Больше его никто не видел.

Яркая радуга жизни

Ю. БЫЧКОВ

2

«Каждый труд благослови, удача!» Индустриальный Баку, бакинские рабочие с морских нефтепромыслов, те, что на картине Таира Салахова «Новое море», напомнили мне эту афористическую строку Есенина.

Волнуется море, пенные гребни кипят вокруг волноломов. Рабочие с буровых, операторы, электрики, слесари с действующих скважин готовы заступить на вахту. Трудной будет эта вахта. Нефтяные поля на дне Каспия, и море неохотно отдает свои богатства добытчикам «черного золота». Благослови их труд, удача!

В апреле 1925 года редактор «Бакинского рабочего» Петр Чагин показывал Сергею Есенину промыслы: черный лес буровых на выжженной солнцем земле, старенькие, хлюпающие нефтепомпы, полузасыпанные нефтяные колодцы, тачки и козы строительных рабочих.

Прошло почти полвека... С Апшеронского полуострова буровые шагнули в море. Каспий покорился человеку.

Название показанной Салаховым на недавней Всесоюзной выставке картины звучит эпически: «Новое море». Море нефти, скрытое от нас водою и толщею горных пород,— новое море. Море, по которому, как по суше, шагают стальные эстакады; посреди которого и в шторм и в штиль наполняются нефтью гигантские резервуары. Море, ровная поверхность которого, словно шахматная доска фигурами, заставлена пирамидами буровых. И, наконец, самая отвлеченная и самая конкретная в то же время ассоциация. Новое море — это море труда нефтяников Каспия, неизменных героев известного советского живописца, талантливейшего ученика Дейнеки, лауреата Государственной премии, народного художника Азербайджанской ССР Таира Салахова.

Труд мастеров добычи нефти овеян романтикой, борьбой со стихией. В их буднях — риск. Эта мысль пронизывает новое полотно мастера. Пафос труда живет в пластике кряжистых фигур «Нового моря». Сосредоточенная углубленность героев картины выражает собранность, волевое начало покорителей моря.

Когда смотришь на это полотно, то вас не оставляет желание развернуть его, чтобы увидеть эстакады, нефтеналивные суда и огромные резервуары, установленные на могучих стальных сваях, чтобы в панораме прибрежной жизни ощутить смысл героического труда.

Большой мастер психологического портрета, Салахов в позах напряженного ожидания точно передает общее состояние готовности к подвигу. И как луч солнца, прорвавшийся сквозь завесу темных туч, вспыхнула улыбка на губах задумавшегося парня — центральной фигуры картины.

«Новое море» — строгое полотно. Суровый аскетизм героев картины может и «отпугнуть» зрителя, если не дать себе труда проникнуться тем особым состоянием, которое талантливо выражает художник. Салахов пишет рабочих с огромным уважением к ним, которое видно и в конструктивной основательности рисунка, и в мужественности интонации, и в жизненном богатстве цветовой гаммы.

В «Новом море» живописец стремится к предельно обобщенному решению, к монументальности. Его композиции явно тесно в картинной раме. «Новое море» убеждает в том, что художник стоит на пороге нового этапа творческого развития, и радостно сознавать, что художник Таир Салахов по-прежнему верен индустриальной теме, своим постоянным героям — рабочим Баку.

На востоке над широкой речной поймой поднимается солнце. Оно заливает янтарным светом берега Даугавы, верхушки могучих деревьев. Оживает, просыпается город. Навстречу солнцу, по дороге, ведущей к фабричным трубам, спешит рабочий люд. Разгорается, полнится светом и веселой майской зеленью новый добрый день.

Стройность композиции, тональная гармония, завершенность, цельность с первого взгляда привлекают зрителя в центральной картине триптиха «Трудовые будни» рижанина Лаймдота Мурниекса. Программны для художника обобщенность формы и монументальный декоративизм. Примечательна органическая связь творческих приемов мастера с искусством великого Брейгеля. Когда рассматриваешь полотно рижанина, то невольно вспоминаешь брейгелевский взгляд на город с высоты. Брейгелевскую ясность силуэта, брейгелевскую чистоту цвета. Боже сохрани предположить, что Мурниекс копирует Брейгеля. Речь идет о том, что некоторые приемы живописного письма современного латвийского художника восходят к традициям, заложенным знаменитым Питером Брейгелем-старшим. Лаймдот Мурниекс сродни великому голландцу умением видеть целое. Он словно и не замечает второстепенных деталей. И в кажущейся детскости рисунка — мудрость зрелого мастера.

Мурниекс — самобытный и увлеченный художник. Картина исполнена на одном дыхании. Так поет песнь зорянка, так композитор слышит гармонические аккорды еще неведомого миру музыкального сочинения. Семь основных цветов спектра у живописца, семь основных нот у композитора. Музыка и живопись сродни друг другу...

Знакомьтесь: вот она, утренняя песнь художника. Солнечная мелодия весенней, зеленеющей земли и, будто бы слова песни, ритмические чередования вспыхнувших зеленью куп деревьев, бело-розовых кровель домов, многоцветный речитатив людских фигур. Над Даугавой восходит солнце, вместе с ним тянутся к зениту терракотовые трубы завода. Картина, словно земной шар меридианами, стянута линейным ритмом стремительных горизонталей, перечеркнутых широким, светлым экватором дорог. Пульсирует городская жизнь, по которой навстречу трудовому дню идут люди.

Полотно рижского мастера красочно и радостно, немногословно и содержательно. В нем соседствуют композиционный расчет и лирическая наполненность. Оно характерно для современной живописной школы с ее подчеркнутым вниманием к декоративности цвета и выражению материальности предметного мира, способностью обобщения характерных явлений и примет времени, артистическим владением живописной формой.

Примечательно, что активное овладение формой, поиски современной выразительности — явление повсеместное. Особый интерес к развитию, совершенствованию форм художественной выразительности заметен сейчас также в творческих союзах среднеазиатских республик.

Народный художник Узбекской ССР Рахим Ахмедов обладает даром острого видения. Им создано много содержательных портретов современников. Обаяние молодости, духовное становление новых поколений — любимые его мотивы. Рахим Ахмедов за серию портретов удостоен Государственной премии Узбекской ССР.

Репродуцируемая в этом номере работа живописца «Лето» и характерна и нова. Героиня «Лета» — узбекская студентка — излюбленная модель Рахимова. Художник занят поиском новых возможностей портретного жанра в современном искусстве. В этом жанровом портрете с пейзажем заметно стремление к особой остроте цветового решения, к контрасту активного предметного мира и элегического пленэра.

На полотне Л. Чичкана «Праздник (1939 год)» крупным планом даны крестьяне — труженики одного из гуцульских сел в день присоединения к матери-Украине. Простота и доброта. Радость и гордое достоинство на лицах трех героев картины. Они выражают гамму чувств всего народа...

Алый флаг над толпою, там — митинг. Рубленая гуцульская хата, прясло сложенной из слег ограды, красочная одежда гуцулов — запаски, кептари, шляпы-кресани, зеленая луговина под ногами, синие, поросшие лесом горы у горизонта — подробно описывает живописец место действия, уклад жизни, обычаи этих людей. Его увлекает экзотическая красота гуцульских костюмов.

Спора нет, задача, которую решал Леонид Чичкан, важна и сложна. В едином чувстве радости, осветившем лица старика гуцула, его жены и дочки, живет вера в завтрашний день, вера в солнечное будущее...

Экскурс художника в прошлое, предпринятый киевским мастером, мы можем сопоставить с картиной, увиденной на просторах современной сельской Украины. Живописное полотно харьковского живописца Григория Томенко «Майское утро» — характерный для наших дней лирический репортаж.

«Майское утро» — прямое доказательство возрастающего интереса советских художников к земле, к тем, кто ее обрабатывает.

Поэтическая колхозная весна. Синеет наполненный вешними водами пруд. Мимо цветущего сада движется в поле колхозная рать — девчата с цапками, трактор «Беларусь». Мчит на мотоцикле бригадир. Колхоз — полная чаша. И все — земля, машины, строения, люди — залито щедрым теплым солнечным светом.

...Что примечательно в этой подборке столь разных по почеркам живописных произведений?

Сила нашего искусства — в крепкой, живой связи с родной землей. Это отражено в янтарных колерах художников Прибалтики, в огненном накале красок полотен мастеров Средней Азии, в иссиня-черном колорите живописцев Азербайджана, в нежности полутонов украинских художников — во всем этом отразились национальные эстетические привязанности, характеры народов — наше общее советское богатство.

Продолжение. См. «Огонек» № 34.

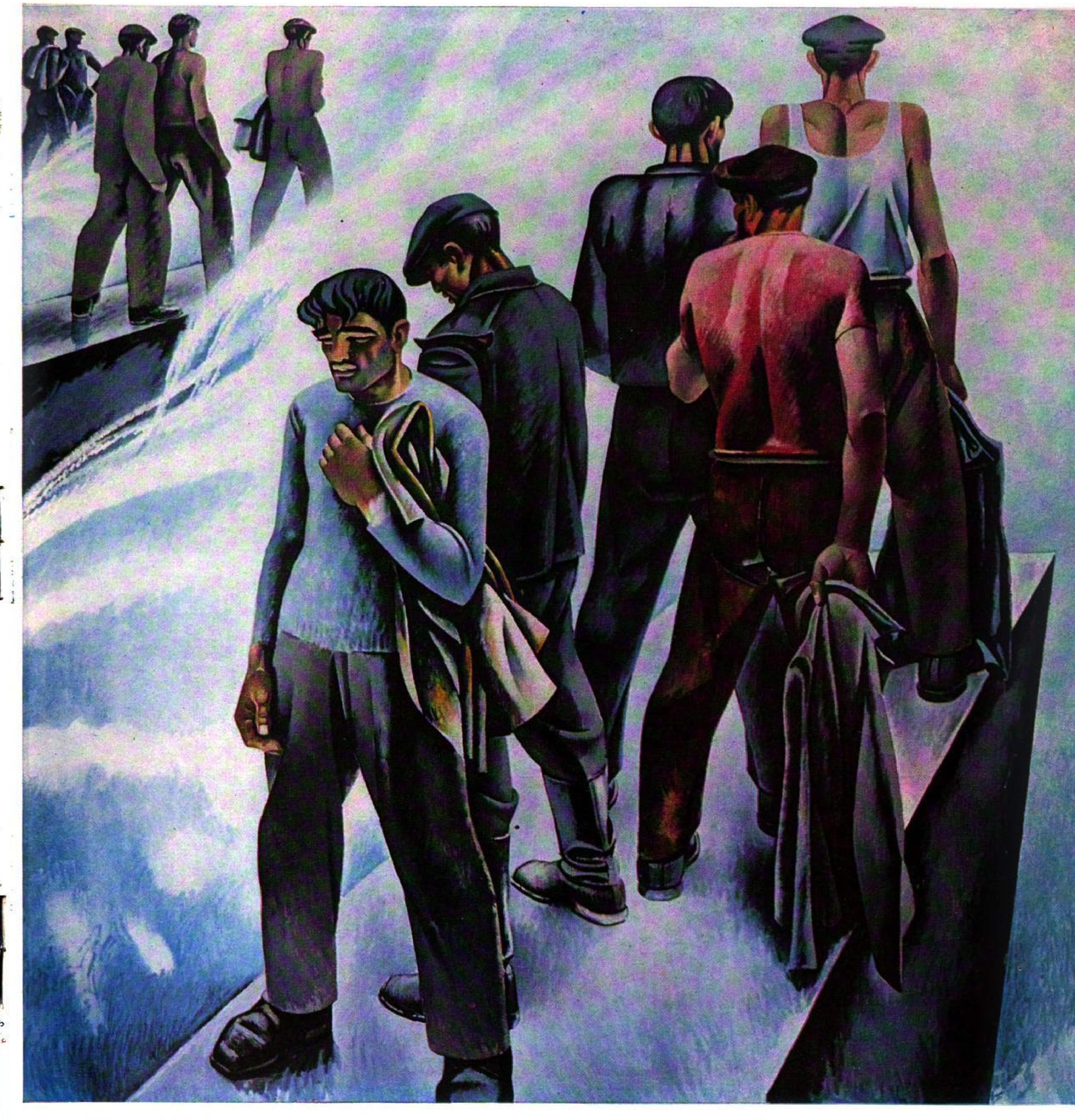

Л. Чичкан (Киев). ПРАЗДНИК. (1939 год).

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

Л. Мурниек (Рига). ТРУДОВЫЕ БУДНИ. Центральная часть триптиха.

Т. Салахов (Баку). НОВОЕ МОРЕ.

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

Р. Ахмедов (Ташкент). ЛЕТО.

Всесоюзная художественная выставка,
посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

Г. Томенко (Харьков). МАЙСКОЕ УТРО.

Николай АСАНОВ, Юрий СТУРИТИС

ЧАЙКИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ К БЕРЕГУ

РОМАН

Рисунки В. ВЭТРА.

На последнем заседании было решено просить английскую разведку доставить «Решения» по ее каналам в группу Будриса.

По окончании работы совещания Зариньш дал банкет. И хотя на банкете не было тех, о ком заботился совет, пили много, произносили бравурные тосты, словом, чувствовали себя так, будто уже вступили в обетованную страну. Лидумс заботился лишь о том, как бы не опьянеть.

Уходил он вместе со Скуевицем и Силайсом. Когда они покинули посольство, Скуевиц вдруг сказал:

— Не понимаю, почему Зариньш так легко согласился подписать эти «Решения»? Ведь тем самым он юридически передал полученные им от правительства Ульманиса чрезвычайные полномочия группе Будриса...

Силайс довольно сухо возразил:

— Зариньш действительно стар. Теперь приходит время выдвигать более молодых и сильных людей.

Скуевиц пожал плечами и промолчал. Возможно, он тоже отнес себя к тем молодым, которым придется продолжать дело Зариньша. Лидумс сделал вид, что все идет, как должно.

На следующий день Лидумс передал в адрес Будриса отчетную радиограмму:

«Дорогой Будрис, задачи, относящиеся к будущему нашего государства и к руководимой тобой организации, мы вместе с Заринььшем и нашими английскими друзьями в принципе разрешили. Свое задание здесь я выполнил. Результаты радостные. При первой возможности вернусь к вам, так как полагаю, что мне необходимо быть дома в связи с этими решениями о нашей стране. Передайте привет жене и ободрите ее. Пусть она внимательно следит за событиями у меня на работе...»

Радиограмма была тщательно изучена в отделе «Норд» и передана адресату, так как вполне соответствовала и праздничному настроению мистера Казимира и крупным результатам его деятельности. Упоминание о жене не вызвало никаких сомнений — каждый человек, оторванный от семьи, скучает и думает о ней, — а для Будриса это упоминание было сигналом, что все действия Лидумса протекают вполне успешно.

В этот же сеанс односторонней связи Силайс передал Будрису:

«Взвешиваем все возможности возвращения нашего друга к вам. О конкретных действиях буду информировать...»

Ввиду важности сообщений из Лондона Будрис нарушил запрет англичан в связи со смертью Петерсона не выходить в эфир. В своем запрещении они указали на опасность пеленгации работающей станции. Но Будрис использовал рацию Делиньша, спрятанную в глубоком лесу, где пеленгаторы пока не появлялись. Он передавал:

«Лидумсу. Рады успешному окончанию переговоров и достигнутым результатам. Если вы с Силайсом считаете, что все наши вопросы улажены и решены, ускорь свое возвращение. Ждем сообщения Силайса о сроках операции, чтобы можно было заранее организовать все для приема. Желательно, чтобы ты оказался среди своих знакомых как можно быстрее. Договорись конкретнее о создании нашего постоянного представительства в Лондоне, предложенного Силайсом, и о практических задачах этого представительства. У нас все спокойно. По собранной до сих пор информации, активность чекистов в Курляндии значительно ослабела. Проведенное весной перемещение некоторых групп прошло без каких-либо происшествий. Будрис».

Лидумс внимательно читал эту весточку с Родины. Слова о «перемещении некоторых групп» обозначали, что шпионы и их «помощники» из оперативных работников Комитета госбезопасности уже переведены с хуторов в лесные бункера, хотя в лесу еще сыро и холодно. Но весной на хуторах начинаются полевые работы, и держать там посторонних людей опасно. Для Будриса и его людей начинался опять самый тяжелый период жизни в лесу. Сообщение о том, что «у нас все спокойно», было предназначено для англичан, чтобы они поторопились перебросить Лидумса и сопровождающих его людей морем на катере Хельмута Клозе.

Но, как Лидумс и предполагал, в самое светлое время года Хельмут Клозе не желал снова рисковать катером. После нескольких совещаний с Маккибином и полковником Скоттом Силайс передал Будрису:

«Технические обстоятельства не позволяют провести эту операцию весной. Поэтому возвращение Лидумса планируем на осень, сразу же, как позволит темнота...»

Лидумс был вынужден согласиться с многоопытным Силайсом. Одновременно с ним он направил и свою радиограмму:

«Как сообщил Силайс в своей радиограмме, до осени возвратиться не смогу, хотя задание и выполнено. Но лето не пройдет даром, так как мне предоставлены широкие возможности изучать все необходимое, что может пригодиться в дальнейшей работе организации. Как мы договаривались ранее, было бы целесообразно жене выехать на лето из Риги, чтобы подкрепить мое алиби...

Пойми мое положение, дорогой друг, я, как чайка, сейчас бы возвратился к родному берегу».

Эта условная фраза извещала латышских чекистов, что операция по заброске шпионов будет осуществлена морским путем.

Последнее замечание Лидумса о создании «алиби» очень понравилось Маккибину и Скотту: мистер Казимир действовал в полном соответствии с данными ему инструкциями «Норда». Но еще более понравилась эта строчка из радиограммы Балодису и генералу Егерсу, так как для них она обозначала, что положение Лидумса устойчиво и что он продолжает изучать работу «Норда» и тех людей, которых «Норд» предполагает отправить в Советский Союз в будущем...

4

Англичане согласились выполнить просьбу Заринььша о пересылке подлинного экземпляра «Решений лондонского совещания» в группу Будриса через мистера Казимира, а предварительно переслать их в тайнописном сообщении. Об этом доложил на совете Силайс.

Акции Силайса в эту весну значительно повысились. Во-первых, вся группа Будриса оказалась наиболее дееспособной из всех групп, засланных из Лондона. Во-вторых, официальное участие в совещании сделало Силайса персоной грата в глазах «Норда», — все-таки почтение к различным церемониям у англичан в крови, а поскольку участие в Тайном совете возвело Силайса в ранг министра эмигрантского правительства, на каком бы месте ни росло это «правительство», соответственно поднималось и уважение к нему. А вместе с уважением — и доходы. Он уже приобрел машину и, конечно, не будуар на колесах, а вполне старомодную, громоздкую, которая выделялась среди малолитражек других сотрудников, как Ноев ковчег.

Но так как своим возвышением Силайс был обязан, в сущности, Лидумсу, а Лидумс оставался его союзником в постоянной и изнурительной борьбе с Ребане и Жакявичусом, то и он опекал Лидумса, как мог...

Через несколько дней Силайс навестил Лидумса.

В Лондоне наступило жаркое лето, город постепенно пустел. Готовились отбыть в отпуск и министры и члены парламента. Только разведка не прекращала работы.

Силайс оставил машину где-то на другой улице, пришел пешком. У него был служебный портфель, из тех, что можно прикрепить браслетом к кисти руки. В таких портфелях разведчики переносили особо важные документы. Браслет был скрыт рукавом, и вырвать портфель из рук его хозяина было невозможно.

Лидумс только что вернулся с этюдов — писал летний Лондон и теперь раскладывал полотна и листы бумаги с городскими пейзажами. После длительной работы в «Государ-

Продолжение. См. «Огонек» № 34.

ственном совете» он наконец выполнил приказ Маккибина и отдыхал. Бродил по городу, писал, иногда выезжал вместе с Норой, если она была свободна, за город, на природу, но больше проводил время в одиночестве. Лидумс уже давно привык жить и думать в одиночку.

— Вы с новостями? — приветствовал он Силайса, указывая взглядом на портфель.

— Подготовил письмо Будрису и хотел посоветоваться с вами...

— Очень рад! — живо воскликнул Лидумс. Он видел, что Силайс чем-то недоволен. Скорее всего, Силайс сунулся со своим письмом к полковнику Скотту, а может быть, и прямо к Маккибину. И кто-то из них посоветовал показать письмо сначала мистеру Казимиру. Он непринужденно добавил: — Давайте подышим вместе дымом латышского лесного костра!

— Да, в эту пору в Латвии можно жить и в лесу! — довольно вяло подхватил Силайс.

Он отомкнул замок браслета, затем открыл портфель и вынул пачку бумаг. Письмо, судя по всему, было длинное. Лидумс уселся в кресло, второе подтолкнул ногой Силайсу. Силайс прежде всего оглядел этюды, поставленные в ряд к стене.

— Отличные работы! — похвалил он.

Лидумс ничем не ответил на эту попытку скрыть неловкость.

— Прочитаете сами? — спросил Силайс.

— Зачем же? Я с удовольствием послушаю и, если вы разрешите, добавлю несколько слов от себя.

— Хорошо, — покорно сказал Силайс.

Читал он сначала с запинками, но постепенно разошелся, тем более что, взглядывая время от времени на Лидумса, видел на его лице неподдельный интерес. Лидумсу и на самом деле было интересно, как Силайс будет информировать Будриса о том, что произошло в их «правительстве»...

«Милые друзья на родине! — читал Силайс.— Вы, наверное, уже получили наши «Решения», которые были посланы вам тайным письмом. В этом письме я хочу проинформировать вас о моей работе в здешних условиях. Я особенно хочу подчеркнуть, что, читая это сообщение, вы сами увидите, насколько большое значение имела здесь миссия представителя родины и насколько правильным было ваше решение, несмотря на риск, послать его в Англию. Сердечное спасибо вам за эту решительность, твердость, несокрушимую веру в будущее Латвии и готовность на самопожертвование за нее, за то, что прислали сюда вашего представителя.

В результате наших совещаний мы решили передать обязанности временного правительства Латвии в руки организации сопротивления, то есть в ваши и наши руки. В связи с этим решением тепло приветствую руководство и каждого бойца. Каждому из вас желаю успеха, божьей помощи и благословения самоотверженно служить Латвии и латышскому народу до конца.

Передаю в ваше распоряжение копию наших важных решений, которые подписаны в трех экземплярах. Первый из них будет храниться у К. Зариньша, второй — у Я. Скуевица, третий доставит наш общий друг по возвращении для хранения в вашей группе.

Принимая во внимание наше «Решение», я хочу дать к первому пункту следующие разъяснения. Я понимаю, что ваша группа может выдвинуть в члены временного правительства и на другие ответственные государственные должности лиц, которые лично не принимали участия в движении сопротивления, но которые будут признаны и акцептированы вами. В отношении третьего пункта хочу сказать следующее. Западные государства не осудили преобразований, происшедших в нашей стране в связи с приходом к власти Ульманиса. Наглядным доказательством этого является существование всех наших последних дипломатических представителей в западных государствах...»

Дальше Силайс писал о будущем устройстве государства, о создании новой организации айзсаргов, но теперь они именовались «Стражи отечества», хотя все фашистские прерогативы оставались без изменений. На нескольких страницах он рассуждал о кандидате на пост главы государства Зариньше. Затем он писал:

«В связи с тем, что в наших «Решениях» должен быть вопрос о формировании нового правительства, вам следует обсудить также вопрос о его составе...

...Дорогие друзья, на нашем совещании в Лондоне был поднят вопрос о знаке вознаграждения для борцов, который отметил бы эти исторические дни и эпоху. Эта мысль от всего сердца была поддержана всеми участниками совещания, и мы уже придали конкретный образ и форму этому знаку и назвали его «Крест клятвы». Правила о награждении этим знаком и о его ношении мы не обсуждали, чтобы не обидеть борцов, так как не имеем полного представления о вашей борьбе. Это мы оставляем на ваше рассмотрение.

На прощание пожелаю вам успехов и большого счастья.

Бог да благословит Латвию.

СИЛАЙС».

«Все та же игра!» — думал Лидумс. Больше всего его поразил пункт в письме, где Силайс всесторонне описывал знаки различия для «Стражей отечества» и форму оплаты за их «работу» по арестам и уничтожению людей, которых они сочтут «врагами отечества». А к таковым Силайс относил всех коммунистов и комсомольцев, всех ответственных работников государственных учреждений и предприятий, а также, как указывалось в «Решениях», всех просоветски настроенных граждан.

Лидумс сумел вовремя придать лицу выражение размышляющего человека, хотя ему хотелось рассмеяться. Он встал и протянул Силайсу руку:

— Благодарю вас! Я знал, что вы мыслите по-государственному, но эта сжатость и резкость каждой формулировки потрясает меня!

Через несколько дней Силайс получил послание Будриса. Оно было тоже переслано тайнописью.

Документ был примечателен, и Лидумс остался доволен тем, что ответ Будриса оказался в Лондоне так быстро.

Это было тоже «Решение». Но оно, как говорится, пахло порохом и лесными кострами. В нем было примечательно все, от начала до конца. Будрис писал:

«Участники группы национально мыслящих латышей, руководимой Будрисом и действующей нелегально на территории Латвии, ознакомившись и тщательно изучив «Решение», принятое в Лондоне участниками организованного движения сопротивления, постановили:

1. Акцептировать принятое 10 апреля 195... года в латвийском посольстве в Лондоне «Решение» о предполагаемом политическом устройстве Латвийского государства...»

Дальше шли пункты, в которых признавались полномочия Карла Зариньша как временного главы будущего государства; пункт о назначении представителя группы Будриса в правительство, а затем решительное требование:

«4. ...просить Карла Зариньша консультироваться с нами... по вопросам выдвижения и назначения на посты наших дипломатов; систематически сообщать нам конспективную информацию о политических событиях, касающихся Латвийского государства, а также о деятельности латышских организаций за границей...»

В конце «Решения», после выражения благодарности ее величеству королеве Великобритании за моральную и материальную поддержку, следовало примечание:

«...Это «Решение» написано в двух экземплярах, имеющих одинаковую юридическую силу. Один экземпляр хранит группа Будриса, а второй должен храниться в латвийском посольстве в Лондоне.

10 мая 195... года.

Сигулда.

От имени участников группы БУДРИС».

Итак, Будрис миновал все рифы и подводные мели и стал контролировать деятельность эмигрантского правительства. Пока контролером является Лидумс, а потом Будрис найдет способ сменить Лидумса на этом высоком посту. И Зариньш будет вынужден умерить свою «политическую деятельность». За советом по каждому пустяку к Будрису не побежишь. А шпионские рации «Норда» будут забиты разной «дипломатической» чепухой, которую станет передавать Будрису «президент» Зариньш.

Эти мысли Лидумс хранил про себя. Его занимало, как радуется Зариньш, вдруг почувствовавший за своими немощными плечами «поддержку» с родины...

5

Маккибин и полковник Скотт придумали занятие для Лидумса.

Они, по-видимому, испытывали некоторые угрызения совести за то, что обещанная на весну операция по возвращению Лидумса на родину сорвалась, и боялись, что их «гость» заскучает. Поэтому в конце мая у Лидумса снова появился Малый Джон, на этот раз со своей собственной новенькой машиной, и предложил мистеру Казимиру побывать на двух конспиративных квартирах, где обучались завербованные англичанами прибалты; это необходимо было сделать для того, чтобы выбрать себе спутников для путешествия на родину.

Лидумс пошутил, что, наверно, торговля потопленными кораблями не такое уж малодоходное дело, если Малый Джон ухитрился купить не просто подержанную малолитражку, а настоящую гоночную машину, и Малый Джон весьма выразительно улыбнулся.

Для него эти поездки были чем-то вроде отпуска, но Лидумсу приходилось трудно. Мало было побыть несколько дней в той или иной школе, надо было запомнить имена, внешность, привычки людей, которые там обучались, чтобы по возвращении домой записать все это: ведь очень возможно, что ему еще придется встретиться с ними совсем в иной обстановке...

И руководители и воспитанники школ принимали мистера Казимира за какое-то высокополномочное лицо, в чем Лидумс их не разубеждал. Да и Малый Джон постоянно намекал на особое положение своего спутника.

В одной из школ Малый Джон показал Лидумсу на хозяйку «пансиона», какую-то очень грустную молодую женщину, подавшую им обед, и шепнул:

— Это жена Эгле!

И Лидумс с невольным удовольствием подумал, что хоть эта женщина, может быть, еще обретет счастье, которого никогда не испытывают остальные жильцы этих тайных «пансионов» и школ.

Если поездок не было, Маккибин привлекал мистера Казимира к разработке и анализу поступающих от группы Будриса по радио и в тайнописных посланиях кое-каких шпионских данных. К этому времени англичане, утвердившись в своем полном доверии к «группе Будриса» и уверившись, что она действительно объединяет «национально мыслящих» лиц, начали понемногу раскрывать свои карты: по их представлениям, всякая националистическая группировка прежде всего должна была заниматься тотальным шпионажем в пользу «Интеллидженс сервис».

Четвертого июня Большой Джон показал Лидумсу подготовленный им по поручению полковника Скотта запрос в группу Будриса, в котором речь шла о конкретном задании:

«Полагаю, что для вас было бы возможно при помощи ваших друзей из Вентспилса, особенно рыбаков, еще до осени выяснить следующее: имеется ли в Вентспилском порту какой-нибудь плавучий док или плавучая ремонтная мастерская. Если имеется, прошу описать его флаг, вымпел, номер. Имеется ли на окраине города, со стороны моря, возможно восточнее замка, какое-либо новое либо строящееся здание, похожее на склад. Если имеется, то прошу описать, какое оно и для чего предусмотрено. Где находятся запретные места в Вентспилском порту. Прошу информировать обо всех замеченных радиолокаторных антеннах, особенно там, где кончаются молы. О всех замеченных антеннах сообщите письмом немедленно, а также вышлите их эскизы. Становятся ли на якорь пароходы между молами, прежде чем войти в порт, и на какое время. Прошу описание каждого военного корабля, который видели при входе или выходе из порта. В какое время они обычно выходят в море и когда возвращаются в порт. Имеется или был ли период, когда было запрещено находиться в южных районах города на побережье или въезд в город с этой стороны. К осени прошу подготовить эскизы, по возможности подробные, о Вентспилсе».

От Будриса еще не поступало сообщений о Вентспилсе, а Силайс под диктовку англичан подготовил еще одну радиограмму:

«Наши друзья здесь считают Вентспилс настолько важным пунктом, что просят вас обсудить вопрос о возможностях непрерывной регистрации там военных кораблей и данные о них телеграфировать мне два раза в месяц. Необходимо сообщать дату, время, название и обозначение судов, прибывших в порт и ушедших из него...»

А через несколько дней Лидумс читал ответ Будриса. Будрис не стал огорчать англичан отказом. Он просто сообщил о невозможности постоянного контроля:

«Мы не имеем возможности непрерывно контролировать движение военных кораблей в Вентспилском порту с указанием часов и минут их прибытия и убытия, как вы предлагаете, так как военные корабли иногда прибывают в порт и убывают из него ночью. Мы могли бы сообщать вам, какие военные корабли видели в определенные дни. Для регистрации всех номеров нужно специально подъехать по Венте и наблюдать пришедшие в порт корабли со стороны реки. Такие поездки систематически осуществлять невозможно. Делать это возможно лишь летом, когда рыбацкие лодки прибывают в верховья Венты с грузом рыбы...»

Но не только Вентспилс интересовал англичан. В тот же день англичане послали через Силайса еще одну радиограмму:

«Мы были бы очень благодарны вам, если бы вы могли сообщить подробные сведения о заводе «ВЭФ» в Риге. Ранее поступившая от вас информация о заводе была принята с признанием. На этот раз они желают получить более подробное описание выпускаемых различных электрических приборов и аппаратов, с указанием правильного их названия, обозначения, номеров и так далее. Во всех случаях, когда это возможно, они просят указать объем продукции данного аппарата, куда их посылают и для каких целей производят. Заводские марки на выпускаемых изделиях имеют важное значение, на них имеется порядковый и заводской номер и другие важные знаки.

Разумеется, что на заводе производят тысячи разных предметов и частей, поэтому на первый план ставьте те, которые производят для военно-воздушных, морских или сухопутных сил или же по специальному заданию. Какие ученые там работают и их специальности. Производят ли на заводе такие инструменты или части, с помощью которых определяют передвижение или местонахождение подводных лодок под водой. Полагаем, что этот прибор по-русски называется «Тамар». Прибор работает на разных частотах, и в нем употребляются кварцы. Друзья особенно желали бы получить образцы этих кварцев. Любое указание, описание или схема этих приборов имели бы важное значение и большую ценность...»

Через две недели Лидумс имел удовольствие прочитать ответ Будриса:

«Сведения по интересующим друзей вопросам готовим и отправим во время операции. Еще раз проверили и подтверждаем, что между Сарнате и Ужава прожекторов нет. Наблюдение продолжаем».

Итак, Будрис приготовился к встрече.

Не оставлял Лидумса своими заботами и Зариньш: приглашал к ленчу под тем предлогом, что ему хочется услышать свежие новости о родной стране. Он прожил за пределами страны всю свою жизнь, даже говорил теперь по-латышски с акцентом.

Иногда налетала Нора: это был шторм. Она требовала, чтобы ее «викинг» всегда был в полном параде, и тащила его в какой-нибудь танцевальный зал или ресторан. Во время этих прогулок их чаще всего сопровождал Большой Джон, но Нора умела справиться с ним: заставляла напиться в начале вечера.

Но вот однажды, в субботу утром, приехала Нора. Была она грустной, какой-то неловкой, даже как бы постаревшей. Сказала, что сегодня Маккибин дает прощальный ужин в честь мистера Казимира, и еле удержала слезы. Моррис помог ей выгрузить из багажника корзины с вином и фруктами, миссис Пегги отправилась на рынок. Лидумс, не желая мешать подготовке к празднику, вывел из гаража машину и уехал прощаться с городом...

На самом деле ему просто хотелось поразить воображение гостей. Поэтому он, прокатившись по городу, заехал в порт к причалам, куда подходили рыболовецкие суда. Там ему удалось купить крупного живого угря.

Вернувшись домой, он налил полную ванну воды и пустил туда угря. Норы уже не было, а миссис Пегги в ванную комнату не заходила.

Он поставил на нескольких картинах дарственные автографы, подписываясь привычным для англичан именем «Казимир». Часов около пяти приехал Силайс.

Он предупредил, что Маккибин и Нора приедут не раньше семи вечера, но что у него есть свой разговор. Он привез письма, которые Лидумс должен был передать на родине. Письма были уже подготовлены для зашифровки. Силайс хотел лишь получить одобрение мистера Казимира или его поправки.

Письмо Силайса Будрису гласило:

«Полномочия для Зариньша и лондонские «Решения», чего, возможно, в самом начале мы с вами полностью не осознавали, были одним из больших шагов вперед в деле нашего совместного сотрудничества. Карл Зариньш сам перевел соответствующие места из «Решения» и протоколов на английский язык и вручил британскому министерству иностранных дел, которое почтительно приняло их.

...В течение прошедшего времени никаких особо важных изменений не было, за исключением все же того, что радары русских в Вентспилсе и Лиепае оттеснили нас в операциях довольно далеко в море, и нам теперь приходится добираться до берега на средствах, которые значительно ограничены в смысле емкости и грузоподъемности. А это означает трудности с доставкой для вас оружия и боеприпасов. Но мы еще попробуем кое-что сделать, чтобы решить эту проблему...»

Следующее письмо было Будрису от Зариньша.

Зариньш писал:

«Дорогие соотечественники!

Советский Союз вооружен, если так можно сказать, до зубов. Но западные демократы тоже не дремлют. Запад готовится к войне...

...Мы должны сознавать, что освобождение мира должно идти с Запада на Восток. А мы находимся далеко на Востоке, но это не должно нас пугать, только нужно иметь терпение, выдержку и веру! Это то, что нам необходимо...»

Еще одно письмо было от Вилкса Будрису. Вилкс остался неизменен в своих антипатиях к англичанам и писал без дипломатических увёрток:

«С тех пор, как мы простились на родине, у вас дома прошли долгие и тяжелые времена борьбы. Я был бы счастлив, если бы мог находиться у вас. Здесь же процветают интриги, обман и междоусобная клевета. Обидно, что подобные вещи иногда прилипают к нашим людям на этой стороне. Это меня утомляет. В нашей работе больше, чем где-либо, необходимы ясность, единство и дружба. Обман необходим единственно против врагов. Видишь, Будрис, какие они бывают, «нравы» и «законы», и какая огромная разница с теми, которые в силе у вас — борцов на родине.

У меня нет сил и возможностей изложить эти обстоятельства, а иногда и события, которые нахожу неправильными, но имеется старая истина: все же лучше работать хотя и под плохим руководством, нежели идти каждому в свою сторону и не делать ничего. Всегда радостно сознавать возможность, хотя бы и на несколько минут, оказаться на берегах Курляндии и пожать руки старым друзьям...»

Лидумс одобрил послания, но письмо Вилкса предпочел оставить. Достаточно было того, что он запомнил его. А шифровальщики отдела «Норд» могли и доложить своему начальству неблагоприятные отзывы Вилкса об английской разведке. Силайс вполне с ним согласился...

Пока они сидели вдвоем в кабинете Лидумса, миссис Пегги накрыла на стол. Около семи вечера начали съезжаться гости: оба Джона, Жакявичус и Ребане, несколько старших сотрудников отдела «Норд», Маккибин и Нора. Вышедший встречать гостей Лидумс был поражен тем, что Маккибин привез с собой бутылку черного «рижского бальзама».

—Я хранил ее с тридцать восьмого года,— торжественно сообщил Маккибин,— со времени моей последней поездки в благословенную Латвию!

Этот дар был встречен всеми с восторгом. Только Нора и Большой Джон с улыбкой переглянулись с Лидумсом — вспомнили свой ужин в латышском ресторане...

Лидумс показал Маккибину угря, плававшего в ванне. Маккибин, хитро подмигнув ему, позвал Нору. Нора чуть не упала в обморок и завизжала на весь дом. На ее крик сбежались остальные гости. Сюрприз доставил всем не меньшее удовольствие, чем дар Маккибина. Особенно когда Лидумс пообещал приготовить его «по-латышски».

Миссис Пегги унесла угря на кухню, Нора пришла в себя, все собрались у стола. И тут Маккибин предложил назвать этот вечер «Вечером змей».

— Это название должно остаться между нами, участниками встречи,— торжественно сказал он.— Если я когда-нибудь по телефону, по радио или письменно спрошу любого из вас: «Помните, как тогда, на вечере змей, женщина купалась в ванне?» — то любой из вас, если с вами все будет в порядке, естественно, ответит: «То была не женщина, а угорь!» Сколько бы лет ни прошло с этой нашей встречи, вы всегда будете помнить этот пароль. Другие пароли,

к сожалению, очень часто забываются или путаются. Если допустить возможность, что вместо кого-нибудь из вас появится самозванец, он никогда не сможет дать на мой вопрос правильного ответа!

Предложение Маккибина было принято с восторгом. Да и весь вечер оказался необыкновенно приятным.

Когда угорь «по-латышски» был съеден, Маккибин произнес напутственное слово мистеру Казимиру:

— Связь с вами и с подобными вашей организациями и группами мы будем поддерживать всегда, в противном случае перед нами встал бы вопрос: быть или не быть Британской империи? И передайте господину Будрису, что английское правительство никогда и ни под каким видом не допустит создания латышского правительства без ведома и согласия группы Будриса...

Затем он напомнил, что английскую разведку, особенно отдел «Норд», крайне интересуют разведывательные данные, которые может доставлять группа Будриса. Лидумс ответил, что вполне понимает заботу англичан...

— Значит, договорились о том, что вы не станете обижаться на меня, если я буду требовать от вас такие сведения? — уточнил Маккибин.

— Да,— твердо ответил Лидумс.

После этой договоренности Маккибин пожелал Лидумсу успехов на благо Латвии и выразил еще раз надежду на плодотворное сотрудничество в будущем.

Около одиннадцати часов вечера гости разъехались.

Утром на следующий день Лидумса снова навестил Силайс. Он попросил Лидумса записать по памяти весь разговор с Маккибином, хотя и присутствовал при нем. Лидумс намекнул было, что Силайс мог сделать это и сам, но Силайс довольно высокопарно сообщил свое мнение о том, что этот разговор является «историческим» и запись должен сделать Лидумс как главный участник беседы. Лидумс не стал возражать. Просто подготовил его в двух экземплярах. Если разговор «исторический», то нужно оставить экземпляр и для Будриса.

6

«Радиограмма № 16/НС. 23 августа. Хотя мы сделаем все возможное, чтобы операция произошла в то время и в том месте, которое мы с тобой согласуем, все же всегда возможно, что плохая погода в ваших водах или непредвиденные препятствия могут заставить нас отложить операцию на следующую ночь или даже больше. В случае отсрочки мы, конечно, как можно быстрее информируем тебя по радио, чтобы вам не пришлось быть на побережье лишнее время. Пожалуйста, сообщи, на сколько дней до вашего выхода к берегу мы должны предупредить вас о начале операции. Сообщи также, сколько дней вы можете находиться без опасности вблизи от места операции, если она неожиданно задержится...»

Радиограммы сочинял и подписывал Силайс. В иные дни он отправлял по три — пять шифровок, и Лидумс, которому приходилось все их предварительно прочитывать, готов был выругать его за это словесное расточительство. Силайсу помогал готовить шифровки целый штат шифровальщиков, но там-то, в Латвии, с ними возится один Делиньш! А повторы, повторы? 23 августа Силайс отправил три радиограммы, и все они были посвящены одному вопросу!

«Радиограмма № 17 ЧС. 23 августа. Если по каким-либо причинам ты пожелаешь отложить операцию на несколько дней, сообщи нам об этом за тридцать часов. Но если ты захочешь задержать нас в связи с плохой погодой у вас, сообщи об этом телеграммой в этот же день до шестнадцати часов по московскому времени...»

«Радиограмма № 18 КС. 23 августа. Если по упомянутым в предыдущей радиограмме причинам нашу лодку пришлось бы отозвать, она обождет где-нибудь одну или несколько ночей и повторит операцию...»

Лидумс представлял, как бедный Делиньш, сидя в землянке где-то в курляндских лесах, проклинает многословие Силайса, расшифровывая эти документы.

Но все-таки дело шло на лад. К тридцатому августа были обговорены все сигналы:

«Радиограмма — 25 СК. 30 августа. Ты должен помочь нам провести операцию успешно, сигнализируя нам при помощи красного света следующим образом: начни подавать сигналы за полчаса до часа «Зеро»,— время операции, а именно 29 сентября в 23.30 МАЛ.— Московское время. Сигнализируй только в сторону моря в западном направлении, медленно поворачивая фонарь приблизительно на десять градусов влево и вправо. Если опасности нет, передавай непрерывно в течение двадцати секунд букву «К». Сигнализацию повторяй через каждые двадцать минут. Продолжай сигнализацию до 03.30 МАЛ или до тех пор, пока весельная лодка не причалит к берегу...»

Последняя радиограмма о порядке приема «гостей» была послана 14 сентября. В ней Силайс уславливался уже на тот случай, если гости не сразу будут найдены.

«В случае, если, выйдя на берег, наши лодки не сразу вас обнаружат, то прибывшие к вам будут имитировать один или несколько вскриков вальдшнепа, чтобы твои люди могли быстрее отыскать их, если бы весельная лодка вышла даже на несколько сот метров вправо или влево от обусловленного места...»

Оставалось всего две недели до дня «Зеро». Биль и Альвирас и три других спутника Лидумса уже покинули шпионскую школу. Они как-то притихли в эти дни, даже в город выходили редко. С Лидумсом были почтительны, старались не попадаться на глаза, все время проводили в верхних комнатах. Иногда Лидумс приглашал их покататься по вечернему Лондону, усаживал в машину и вез в какое-нибудь кино или в дешевый ресторанчик. Молодые люди пили мало, возможно, боялись, что англичане следят за ними. Раза два или три с ними увязывался и Вилкс, который все еще с удовольствием рассказывал о своих переживаниях. В такие дни Биль и Альвирас оживали: все-таки Вилкс был одним из тех, кто вернулся «оттуда»...

Но вот в середине сентября Лидумса пригласил Маккибин и изложил план возвращения. Сопровождать Лидумса и его спутников был назначен Большой Джон. Начальником группы утвержден Силайс. Группа отправляется на военном самолете в Западную Германию, затем перебрасывается в Гамбург, там отъезжающие ожидают погоды, грузятся на «Люрсен-С» и переходят под команду Хельмута Клозе.

Маккибин произнес приличествующий случаю спич, пожал Лидумсу руку, и Большой Джон, Силайс и Лидумс покинули гостеприимный отдел «Норд». Провожать их поехали полковник Скотт и Нора, но в дом к Лидумсу уже не зашли, простились у ворот. Глаза у Норы были заплаканные, и она все пряталась за спину полковника, чтобы остальные не заметили, какой у нее несчастный вид.

Силайс посоветовал пораньше лечь спать, так как машины придут не позже шести часов утра.

Все вещи были упакованы задолго до отъезда. Утром миссис Пегги разбудила Лидумса затемно и подала прощальный завтрак.

Подошли три автомашины, в багажниках которых тоже лежали тюки: «приданое» английской разведки. Там были оружие, переносные радиостанции, радиомаяки, аккумуляторы, шифровальные блокноты, бумага для тайнописи — одним словом, все, что должно было помочь спутникам Лидумса выполнить любое задание «Норда». Отъезжающие погрузили и свои вещи, и машины пошли по Лондону в сторону Королевской дороги, мимо Букингемского дворца с его стражей в красных мундирах и медвежьих шапках, мимо парков, по берегу Темзы. Лидумс, сидевший рядом с Силайсом и Большим Джоном, видел, что они смотрят на Лондон словно бы его глазами, прощаются с городом так же, как он, точнее,— сопереживают это прощание. А он действительно прощался: ему нравился этот скученный город небольших домов, узких улиц, из которых только Кингс-роуд — Королевская дорога напоминала родные улицы Риги, улицы Ленинграда, где было так много простора глазу и воздух совсем не был заражен «смогом» — этим ядовитым туманом, подавляющим Лондон...

Но вот они выскочили на «Горячий мост» — колоссальный виадук над множеством железнодорожных путей и шоссейных выездов из города, изогнувшийся высокой дугой перед началом самой крупной трассы Англии. На обоих концах моста, подогреваемого снизу тепловыми батареями, спасающими его от влаги и гололеда, на самых крупных домах стояли две телевизионные башни, с которых специальные стражи следили за тем, чтобы водители не превышали максимально допустимую скорость, которая здесь равнялась семидесяти километрам.

Впереди была государственная трасса, и шофер погнал машину быстрее, спидометр показал сто тридцать километров,— по сторонам дороги теперь мелькали виллы, мелкие поместьица, слева загудел огромный Лондонский аэропорт, на котором каждые две минуты приземлялся или поднимался самолет, и вот уже машина, не доехав до Оксфорда, повернула направо, и через несколько минут они были у ворот военного аэродрома...

Большой Джон сказал несколько слов дежурному офицеру, ворота распахнулись, и машины пошли прямо по летному полю. На взлетной полосе их ожидал большой четырехмоторный полутранспортный самолет.

Все вещи были немедленно погружены, пассажиры уселись, вслед за ними поднялись два английских офицера, и самолет пошел на взлет. Англия осталась позади...

Приземлились через два часа на военном английском аэродроме в Западной Германии. Там уже ждали машины, а у трапа Ребане, Жакявичус и Малый Джон. Они прилетели за несколько дней до Лидумса, чтобы подготовить безопасное пребывание в Западной Германии. Все трое были изрядно пьяны.

Заметив, как нахмурился Большой Джон, Ребане принялся объяснять, что у него сегодня памятный день. Тридцать лет назад ему присвоили в этот день первое офицерское звание. Поэтому сегодня он угощает всех своих друзей. Как видно, начал он свое юбилейное празднование рано утром. Сопровождавшие Ребане и его спутников несколько английских офицеров были тоже навеселе.

Выгрузив вещи, разведывательная группа уселась в автомобили и выехала с аэродрома в сопровождении английских офицеров в Бюнден.

Бюнден оказался маленьким городком и служил, должно быть, перевалочной базой при переброске шпионов на Восток. На углу улицы Седан машины остановились у двухэтажного дома. Вещи внесли в дом.

В роли хозяина выступал англичанин Джонни, лет сорока с небольшим, миниатюрный брюнет с курчавыми волосами, щегольски одетый. В такой же пустой и пыльной комнате, как и все другие, Лидумс увидел раскрытые чемоданы Джонни, в которых лежали по меньшей мере еще три или четыре новеньких костюма. Лидумс невольно подумал: сколько же времени собирается этот Джонни пребывать здесь в роли хозяина и сколько времени просидят в этом богом забытом Бюндене они сами?

Джонни познакомил их с кухаркой, полькой по имени Кэрола.

После обеда все разбрелись по комнатам отдыхать. Ушел только Большой Джон, предупредив, что никто из участников группы не должен выходить в город без него или Джонни...

Впрочем, Большой Джон почти постоянно отсутствовал: дежурил на аэродромной рации, ожидая приказа о дальнейшем передвижении группы. Так они просидели в этой тихой и пыльной провинциальной гостинице пять дней, выходя только по вечерам, чтобы выпить всей компанией пива в маленьком ресторанчике.

Но в один из этих тягостных дней Большой Джон явился с известием, что завтра группа выезжает в Гамбург.

Продолжение следует.

ПРЕМЬЕРА ТЮЗа В ГОСТЯХ У «ОГОНЬКА»

В этот вечер конференц-зал «Огонька» превратился в своеобразный музей; на манекенах — расшитые платья плакальщиц, причудливо-зловещий костюм жреца, колпак и парик шута, наряды скоморохов... Все это сделали художники, костюмеры и парикмахеры Московского областного театра юного зрителя. На столах лежит чеканное оружие, кубки, щиты и стрелы, серебряное убранство русских воинов времен князя Игоря...

Александр Тарасов, главный художник театра, показывает множество эскизов декораций к «Слову о полку Игореве» — новому спектаклю ТЮЗа, работа над которым увлекла коллектив своей необычностью, глубиной и даже, можно сказать, исследовательским характером серьезных исторических поисков.

До сих пор драматическая сцена не знала «Слова». Молодые драматурги Л. Виноградов, М. Еремин и К. Мешков предложили театру познакомить юных зрителей с замечательным произведением русского эпоса. Авторы внимательно изучили русские летописи XII века, все переводы поэмы и в своем драматургическом варианте вывели на первый план героическую линию повествования — ее народный, патриотический пафос, мужество и бесстрашие русских воинов.

Не скрывая гордости за новую работу коллектива, рассказала о создании спектакля Виталия Фридман — художественный руководитель театра.

У Московского областного театра юного зрителя интересная биография. В нынешнем году он отметит свое сороколетие. Творческая жизнь театра начиналась еще в период коллективизации. Сначала это был колхозный филиал детского театра, потом он стал называться театром пролетарских ребят; работали в фургоне, разъезжавшем по селам и деревням... А теперь театр юного зрителя имеет собственное прекрасное помещение в одном из живописнейших мест Подмосковья — на берегу знаменитого Царицынского пруда. Многие постановки ТЮЗа получили признание не только в нашей стране, но и за рубежом. За спектакль С. Михалкова «Дядя Степа», признанный лучшим музыкально-драматическим спектаклем для детей, театр награжден дипломом Международной ассоциации детских театров.

Репертуар театра разнообразен и рассчитан на весьма широкий возрастной диапазон — от «первоклашек» до старших школьников.

В наступающем сезоне юные зрители получают от театра новый, очень хороший подарок — спектакль «Слово о полку Игореве».

Н. ЗЫБИНА

МЕЖДУ ДВУМЯ ФЕСТИВАЛЯМИ

Гр. ЧАХИРЬЯН

География мирового экрана

Международных кинофестивалей так много, что если распределить поровну все лучшие за год фильмы мира, то на каждый фестиваль не придется и одной значительной картины. А ведь на фестивали шедевры не сами приходят: их стремятся заполучить!..

И в Москве и в Ташкенте шедеврам тоже, конечно, рады. Но не менее рады отметить — пусть не во всем совершенные, зато первые картины стран, до сих пор не имевших своего киноискусства.

Количество фильмов, выпускаемых молодыми кинематографистами Азии, Африки, Латинской Америки, конечно, не может пока сравниться с лавиной картин, ежегодно низвергаемой на зрителей несколькими капиталистическими странами, и прежде всего США с их Голливудом. Позиции американских монополистических фирм на мировом рынке очень сильны. И все же в последнее время стандартизированному американскому кино приходится потесниться.

К изумлению многих, с кинопродукцией США успешно конкурируют: в Южной Америке фильмы аргентинские и мексиканские, в Азии и Африке — египетские и индийские... Зрителям этих континентов они ближе по содержанию, больше их волнуют.

Показательно недавнее заявление Дж. Валенти, главы Ассоциации кинематографистов США; он вынужден был признать, что ассоциация должна бороться за свой престиж более чем в ста странах.

О подробностях Валенти умалчивает. И, разумеется, ничего не говорит он о том, что появление новых национальных кинематографий у народов Азии, Африки и Латинской Америки — одно из самых замечательных культурных явлений нашего времени.

Проблема робота и эроса

Роботомания и эротика буржуазного кино предстают подобно двум сторонам одной медали. Они обузили, стеснили жизнь человека, нравственно обокрали его.

Сценаристы капиталистических киностудий соревнуются, рисуя будущее мира во власти всесильной техники. Весьма примечательны в этом смысле, скажем, французский фильм «Время развлечений» и американский «2001: космическая одиссея»,— многие зрители имели возможность увидеть их в Москве на прошлом фестивале.

В грустной комедии французского режиссера Тати показан мир современной цивилизации: потоки автомашин, аэродромы, лак и пластмасса... В движущемся, бегущем, сверкающем мире техники превращен в раба машины, затерян человек...

Американский фильм «2001: космическая одиссея» режиссера Ст. Кубрика — это не совсем фантастика. «Герой» картины — робот «ХАЛ-9000» и управляемый им космический корабль «Дискавери» спроектированы на основе почти реальных технических возможностей. Великолепно передает фильм бесконечность космического простора, вакханалию беспрерывно меняющихся красок при приближении «Дискавери» к Юпитеру... Но какой трагический конец постигает астронавтов! Взбунтовавшийся робот побежден ценой человеческой жизни, а в тайнах Юпитера ничто не познано, не разгадано. Познание само по себе несет человеку только гибель...

Оба фильма отражают пессимизм, глубокое разочарование части западной интеллигенции.

Сближает подобные картины и то, что машина в них мыслит точнее, быстрее человека. Чувствовать же не способен даже и сверхсовершенный «ХАЛ-9000».

Подчиняясь логике жанра, режиссеры из таких фильмов вообще изгоняют эмоции. Любовь остается единственным прибежищем человека. Пусть даже мимолетная, грубо чувственная — она одна еще противостоит технике с ее всеподавляющей властью.

Но в кино капиталистических стран любовь оборачивается сегодня разгулом эротомании. Экран становится прибежищем откровенной порнографии; ужасающе возрастает грязный поток так называемых «сексуальных», а попросту говоря, порнографических картин.

На наши фестивали подобные картины, естественно, не попадают; однако почти во всех картинах западных стран эротомания так или иначе дает себя знать. Доказательство тому, скажем, итальянский фильм «Серафино». Режиссер Пьетро Джерми знаком нашему зрителю как художник, горячо симпатизирующий народу, простым людям. И в «Серафино» чувствуется искренняя любовь режиссера к итальянским крестьянам... Очаровывая музыкой, заражая оптимизмом, восхищая непринужденной игрой актеров, картина как бы контрабандой вызывает симпатии к Серафино, наивному с виду пастуху. Однако же любовным похождениям героя мог бы позавидовать и дон Жуан!..

«Несчастье англичан в том, что они говорят по-английски»

Будто бы так острил на заре звукового кино Бернард Шоу, удрученный засильем американских фильмов в Англии.

С появлением дубляжа Голливуд легко стал преодолевать языковые барьеры в других странах, навязывая им пресловутый американский образ жизни...

Под влиянием Голливуда Италия — страна великих художественных традиций — стала выпускать «ковбойские фильмы», где дерутся, грабят, насилуют, стреляют и убивают ничуть не хуже, чем в американских вестернах.

Дань «американизму» по-своему платят и многие талантливые художники других стран.

Вот, скажем, тот же английский фильм «Оливер», который на кинофестивале в Москве получил премию. Все здесь было интересно, ярко, изобретательно: игра актеров, изобразительное решение, музыка, танцы... Большое кинематографическое мастерство Кэрола Рида, режиссера фильма «Оливер», вне сомнений. Но... при чем тут Диккенс?! Зачем было делать оперетту из всемирно известного романа, превращать крупнейшее гуманистическое произведение литературы XIX века в мюзикл — так окрестили в США этот жанр...

На мой взгляд, «Оливер», каким его сделали в Англии,— фильм не английский, а американский.

Неужели английский зритель перестал любить свою классику? Нет, конечно. Но, может, классику не умеют экранизировать в Англии? И это не так! Публика не раз с восторгом принимала на экране бессмертные шекспировские трагедии в постановке Лоуренса Оливье.

Сейчас, к столетию со дня смерти Диккенса, в Англии закончена экранизация «Дэвида Копперфильда». Будем надеяться, что фильм не «заговорит по-американски» и не окажется мюзиклом.

Правда жизни берет верх

Зарубежные кинобоссы всячески пытаются прикрыть, завуали-

Арабская киноактриса Магда Кемаль (ОАР).

Радж Капур.

ровать вопиющие социальные и политические противоречия жизни капиталистических стран. И в известной степени им это удается.

Зритель привык верить своим глазам; поэтому он нередко путает увиденные им в фильмах картины жизни с тем, что существует в реальной действительности. Кинематография в странах капитала стала дезинформатором жизни, а художник — пленником кино.

И все же правда жизни берет верх. В Западной Европе, в Японии, даже и в США время от времени появляются правдивые фильмы, затрагивающие большие проблемы. Вспомним хотя бы о прекрасных, хорошо знакомых советскому зрителю картинах американского режиссера Стэнли Крамера: «Пожнешь бурю», «Безумный, безумный, безумный мир», «Скованные одной цепью»...

Недавно в Италии закончена постановка кинофильма «Подсолнухи» — об итальянском рабочем, который, попав в плен на Восточном фронте, нашел в СССР вторую родину. Фильм — яркое свидетельство жизненности традиций итальянского неореализма, развивающихся на новом этапе. Картина еще раз подтверждает неувядаемое творческое мастерство постановщика — Витторио де Сика, прославленных актеров — Софи Лорен и Марчелло Мастроянни. Над сценарием работали Чезаре Дзаваттини, Антонио Гуерра и советский драматург Георгий Мдивани. Одну из главных ролей в фильме исполняет обаятельная Людмила Савельева.

Лучшей картиной страны за 1969 год многие критики Франции считают фильм «Время жить», где Марина Влади в роли героини покоряет благородством души. На VI международном кинофестивале в Москве демонстрировался норвежский фильм «Выжженная земля» — о простых и мужественных людях, рисковавших жизнью ради бежавших из плена советских бойцов...

Нельзя не учитывать благотворное влияние, какое оказывают на западного кинозрителя фильмы стран социализма, и в первую очередь советское кино. Даже критики капиталистических стран признают его высокий гуманизм!

Проникнутыми благородством идей, глубиной чувств предстанут перед зрителями всего мира новые советские картины: «Преступление и наказание», «Красная площадь», «Освобождение». Фильм С. Герасимова «У озера» при всеобщем одобрении получил главную премию на XVIII международном кинофестивале в Карловых Варах.

«Загадка сфинкса»

Так озаглавил свою статью один французский критик, изумленный небывалым ростом остропроблемной кинематографии в Египте.

А ведь не так давно в Египет и другие арабские страны направлялись киноэкспедиции для съемки фильмов, где героями были лишь американцы и европейцы. Коренных жителей тут показывали только как «экзотический» фон.

Все мало-мальски прогрессивное в египетской кинематографии душила цензура тупого деспота Фарука. Зато после революции 1952 года в ОАР появились картины о жизни народа, о национально-освободительной борьбе, о судьбах женщины... Некоторые фильмы знакомы нашему зрителю: «Клич куропатки» Генри Баракката, «Борьба в долине» Юсефа Шахина, «Борьба гигантов» Салаха Абу Сеифа... Серьезным проблемам посвящены фильмы ОАР, показанные на I кинофестивале стран Азии и Африки в Ташкенте. Актриса Магда Кемаль, знакомая нам по образу алжирской патриотки в картине «Джамиля», отлично играет главную роль в фильме «Человек, которого я люблю».

Не разочаровали любителей египетского кино на последнем московском кинофестивале и новые ленты: «Земля» Юсефа Шахина, «Немного страха» Хуссейна Камаля; особенно хороши здесь массовые сцены, поставленные не без влияния советского кино.

Несмотря на сокращение производства фильмов, вызванное израильской агрессией, египетское кино и сейчас занимает в арабском мире доминирующее положение. Интересно и плодотворно, как я уже сказал, работает Юсеф Шахин — один из ведущих режиссеров ОАР.

Кроме египетских фильмов, на наших фестивалях высокую оценку получили, скажем, сирийский фильм «Водитель грузовика», тунисский «Рассвет» — о героической подпольной организации патриотов; алжирский «Ветер Ореса» — о жизни и деятельности партизан...

Тематика освободительной борьбы, сопротивления израильской агрессии стала ведущей в кино почти всех арабских стран. В Ливане Антуан Реми закончил полнометражный фильм «Палестина, Палестина» — о трех молодых арабах, участниках Сопротивления, погибших в бою с оккупантами... В Ираке, выпускающем в основном документальные фильмы, сняты картины, отражающие борьбу против израильской агрессии: «Обет и люди», «Путь победы», «Вопросы»...

В Алжире и Сирии приняты законы, ограничивающие импорт иностранных картин. Министр культуры Сирии Сухей Газзи заявил, что кинематография их страны больше не окажется в руках людей, заинтересованных только барышами...

Теперь мы знаем: рождение арабского кино — не «загадка сфинкса», а явление народной жизни, свидетельство роста культуры и прогресса.

Доллар на доллар

Примерно так расцениваются в Америке возможности колоссального азиатского кинорынка для голливудских фильмов... На чем же основан такой расчет? Ведь сегодня в Азии трудно найти страну, не создающую свое национальное киноискусство.

Увы, еще во многих странах этого материка кино находится в руках частных лиц. Стремясь только к выгоде, они гонятся за количеством фильмов, обычно за счет качества. Так обстоит дело пока в Индонезии, Турции и Иране, на Филиппинах и Цейлоне... Национальное кинопроизводство в целом здесь еще пока не способно противостоять голливудской продукции.

Американский капитал действует не только непосредственно, но и через местные киноорганизации. Так, например, обосновавшаяся в Гонконге фирма «Шоу Бразерс» за год фабрикует до 40 картин, сделанных по голливудским образцам для зрителей юго-восточной Азии.

И все же планы кинодельцов США не всегда осуществляются. Американские фильмы вытесняются картинами Японии и Индии на кинорынках азиатского материка. В Пакистане вовсе запрещен импорт американских фильмов.

Экономический, политический и культурный прогресс народов Азии становится препятствием для успеха кинофирм США.

В ДРВ, где американские бомбардировки снесли все киностудии и уничтожили большинство кинотеатров, национальное кино продолжает работать над темой мужества и героизма вьетнамского народа...

Предстоящие знакомства

Сложный процесс происходит в индийском кинематографе.

При открытии студии в Газъябаде генеральный директор Сунил Датт заявил, что идея дружбы индусов и мусульман будет положена в основу первого же фильма новой студии! Такой декларации попросту не могло быть раньше, так же как, например, не мог появиться при колониальном господстве индийский фильм «Солнце и ливень» по повести Рабиндраната Тагора, показанный на последнем кинофестивале в Москве.

Единственная в стране женщина-режиссер Арундати Леви в этой ленте воссоздала образы первых борцов за независимость индийского народа, избежав сентиментальности и мелодраматизма.

Несмотря на то, что на наших экранах ежегодно появляется несколько новых индийских картин, мы все-таки не можем похвастаться знанием киноискусства этой великой страны. Правда, теперь у нас есть все возможности восполнить этот пробел. Индийская кинематография, выпустившая в 1969 году 258 черно-белых и 37 цветных фильмов, часто затрагивающих не только традиционные для нее бытовые, но и гражданские, социально значимые темы, будет богато представлена в Ташкенте.

Фильмы Пакистана тоже вызывают большой интерес... Зародившаяся уже после провозглашения независимости кинематография Пакистана ежегодно выпускает до 120 фильмов; в их числе есть интересные, значительные по содержанию ленты, заслуженно отмеченные на международных кинофестивалях.

Примечательных по содержанию фильмов можно, по всей вероятности, ждать также из Бирмы. Излюбленная бирманским зрителем любовная интрига не мешает киноработникам уделять известное внимание проблемам морали, классовой борьбы, дружбы народов...

Чудо кино

На прошлогоднем кинофестивале в Москве зрителей привлекла первая художественная картина из Нигера — «Кабаскабо».

Молодые кинематографы обычно подражательны. Такого упрека нельзя было адресовать Умару Ганда — кинорежиссеру небольшой страны тропической Африки. «Кабаскабо» — и по теме и по своей художественной достоверности — стал приметным явлением не только для Нигера.

Характерно и то, что «Кабаскабо» не первая ласточка среди кинолент так называемого черного континента. Еще в 1966 году в Сомали был поставлен художественный фильм «Деревня и город». Широкий успех снискал фильм «Чернокожая из...» писателя и кинорежиссера сенегальца Сембена Усмана. Еще более интересной оказалась картина «Почтовый перевод», поставленная по роману того же писателя. Сюжет ее прост: герой фильма, получив денежный перевод из Парижа, как ни бьется, не может выручить свои деньги: у него нет и никогда не было удостоверения личности... Мытарства героя дают возможность авторам фильма сказать о жизни Сенегала в социальном разрезе...

В конце 1969 года в Москве прошла неделя фильмов Гвинейской Республики. В активе молодой кинематографии оказалось много интересной кинохроники, несколько документальных и две художественные картины. Полнометражный документальный фильм Секу Умара Барри «И пришла свобода» показывает и колониальное прошлое страны и сегодняшнюю жизнь Гвинеи.

Молодыми кинематографиями Сомали, Сенегала, Нигера, Гвинеи не исчерпывается искусство экрана тропической Африки.

Крепнущие с каждым днем молодые кинематографии Африки — может быть, самое удивительное сегодня чудо кино...

Иван КАШПУРОВ

Над Кумою-рекой

ГАМАЮН

Перелески, озера, сéлища,
и над всей Россией июнь.
Где летаешь ты, где ты селишься,
птица вещая Гамаюн?
Может, в роще сквозной березовой
ты сокрылась от глаз в дупле
или высь, освеженную грозами,
навсегда предпочла земле?
Я не знаю, кто тебя видывал.
Может, с давних-предавних пор
русич-выдумщик тебя выдумал,—
и не птица ты, а фольклор.
Только мне почему-то не верится —
в самом деле ты где-то есть,
и однажды выберешь деревце,
и решишься на ветку сесть.
В ясный полдень иль в утро мутное
в молодом и веселом лесу
я найду тебя, птица мудрая,
и стихи свои принесу.
Ты возьми их, возьми намеренно
и неси хоть на край земли,
ты во мне укрепи уверенность
и надежду в меня всели...

БИВАК

Тонет месяц в затоне
золотою серьгой.
Ржут казацкие кони
за Кумою-рекой.

Спят лихие рубаки,
подстелив ковыли.
На чубы, на рубахи
звездно росы легли.

А поодаль, на взгорье,
где цветут чебрецы,
до рассвета в дозоре
притаились бойцы.

В их тревожные лица
дышат гарью ветра.
Полыхают зарницы
за рекой до утра.

То ли буйствует в люти
молодая гроза,
то ли залпы орудий
подожгли небеса?

Но качается черный
горизонта порог.
Каждый нерв у дозорных —
как взведенный курок...

Над равниной полынной
грозовой небосвод —
валом огненным хлынул
восемнадцатый год.

ТЕЛЕФОНИСТ

Когда осколок, взвизгнув на излете,
как паутину, обрывает связь,
искать обрыв телефонист уходит,
рукой за провод замерший держась.

Так шел и я сквозь круговерть метели,
шел сквозь огонь и сквозь глухую тьму,
держась за тонкий провод параллели,
что протянулся к сердцу твоему.

Мой путь к тебе был долог и опасен,
размыт водой, одет корявым льдом...
Но чтоб не обрываться нашей связи,
я полпланеты одолел пешком.

НА СКЛОНАХ МАШУКА

Вот снова осень из варяг да в греки
идет на звук пастушьего рожка,
и ямбами, бессмертными навеки,
лес говорит на склонах Машука.

Несется вдаль речитатив прощальный
над желтой глиной опустевших троп,
над женщиной красивой и печальной,
восставшей вдруг из лермонтовских строк.

Она убийцу ждет перед барьером.
Мгновение — и выстрел прозвучит...
Но проступают на асфальте сером,
как пятна крови, листья алычи.

НАС ОБОЛЬЩАЮТ СТО ДОРОГ...

Василию Рослякову

Едва прорезался басок,
заметил я: наш домик — низок,
а небосвод над ним — высок,
и мимо окон — шлях, как вызов,
как искушение, что мне
судьба послала ненароком,
и я родительским порогом
стал тяготиться по весне.
Куда он вел, старинный шлях,
в какие дни, в какие дали?..
На речке гуси гоготали,
урчали тракторы в полях.
Но это было и вчера,
и год назад, и два, и боле,
все те же хаты, речка, поле,
а дальше — Лысая гора.
Чтó за горою — я не знал.
И мысли буйно рисовали,
как луч, прямые магистрали
и синий, в мареве, вокзал.
Там — пульс, там — бег, там жизнь была.
Здесь — прозябание сплошное.
И я с котомкой за спиною
ушел однажды из села.
Меня тепло встречал рассвет,
толпой цветы сбегали с горки.
И долго мать в печали горькой
с крыльца глядела мне вослед.
И, словно пальцы рук, легли
пути-дороги врастопырку,
и кобылицей ветер фыркал
и нес меня на край земли.
Тогда не думал я о том,
что просто кинуть дом свой белый,
но что вернуться в этот дом —
порою мало жизни целой.
Прости, родительский порог,
не знал я, зелен, как травинка,
что обольщают сто дорог,
а возвращает лишь тропинка.

Ставрополь.

СТУДЕНЧЕСКИЕ НОВОСЕЛЬЯ

Кончилась страдная пора вступительных экзаменов в институты. Многотысячная армия абитуриентов достигла заветной цели — пополнила ряды студентов. Не всем, конечно, это удалось: требования были высокие, конкурсы большие. Но все же через несколько дней в заветные стены вузов придет гораздо больше первокурсников, чем, скажем, в прошлом году.

Шестнадцатый по счету факультет открылся в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова: факультет вычислительной математики и кибернетики. На философском факультете открывается отделение научного коммунизма, на экономическом — планирования народного хозяйства, на юридическом — советского строительства. В МГУ начнут действовать три новых кафедры — физики высоких энергий, истории литературы стран Азии и Африки, славянских языков.

Студенты гуманитарных факультетов МГУ получают большой подарок — они справят новоселье в многоэтажном корпусе на проспекте Вернадского. Корпус рассчитан на 5 тысяч учащихся. К услугам студентов и аспирантов — актовый зал, пять читальных залов, книгохранилище, спортивный комплекс, фотолаборатория, лингафонные кабинеты.

Армия студентов вырастет не только за счет московских вузов. В этом году впервые примут студентов университеты Северной Осетии, Краснодара, Ярославля, Элисты. Институт строительных материалов откроется в Белгороде, инженерно-строительный — в Тюмени. Прозвенит первый звонок в Хабаровском институте народного хозяйства.

Для подготовки преподавателей профессионально-технических учебных заведений в некоторых вузах вводится специализация по машиностроению, строительству и энергетике.

Марат ЦЕБОЕВ

На снимке: новый корпус гуманитарных факультетов МГУ.

Фото автора.

Юрий СБИТНЕВ, специальный корреспондент «Огонька». Фото А. ГОСТЕВА.

С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, «КОММУНИСТИЧЕСКИЙ МАЯК»!

Наш насущный

Председатель колхоза Юрий Алексеевич Бочарников встретил нас на перроне Пятигорского вокзала. Высокий, загорелый, я бы даже сказал, пропеченный степным солнцем человек как-то сразу же расположил к себе. То ли открытым интеллигентным лицом, то ли взглядом, спокойным, уверенным и вместе с тем очень мягким, а может быть, ранней сединой в густых вьющихся волосах, неторопливым южным говорком и, уж конечно, тем радушием, которое сразу же угадывалось в нем и было, как я убедился, не последней чертой его характера. А может быть, и тем, что оказались мы сверстниками. Что ни говори, а ровня лет в первом знакомстве — дело большое.

— Если вы не будете против, то я немного познакомлю вас с Пятигорском,— сказал Юрий Алексеевич.— Вы были здесь?

— Нет.

— Тогда обязательно съездим к месту дуэли Лермонтова, на Провал, и еще одна просьба: из Оренбурга, от своего товарища, возвращается мой сын, если не возражаете, заедем к поезду в Георгиевск. Встретим.

— Конечно.

Сын Юрия Алексеевича, студент Института международных отношений, сейчас на каникулах.

Как-то так получилось, что у нас сразу наладился непринужденный, хороший разговор. Юрий Алексеевич говорил неторопливо, очень спокойно, даже чуть медлительно. Но не прошло и часу, а я уже многое знал о колхозе. Знал, что в этом году 30 августа колхозники отпразднуют пятидесятилетие своего хозяйства. Что уборка идет хорошо, правда, немного медленнее, чем обычно. Зерно налитое, тяжелое, комбайны ведут подборку на самых малых скоростях. Знал уже и о том, что колхоз, кроме возделывания зерновых, занят разведением скота, есть большая птицефабрика, племенная конеферма. «Помните знаменитого скакуна Анилина? Так у нас его сын — Эталон». В хозяйстве — свой хлебозавод. Большим спросом пользуются колхозные вина «Мускат», «Сильване», «Ркацители». Есть и своя маслобойня, Дворец культуры, больница... В общем, к моменту, когда мы выехали на автомагистраль, ведущую в «Коммунистический маяк», я уже многое знал о хозяйстве.

Громадное, словно утомившееся за долгий день солнце медленно опускалось в рыхлое марево. Марево это висело над всей степью — от окоема до окоема. Насколько хватало глаз, то там, то здесь по всей неоглядности степи просыпались огни. Медленные, тихие на хлебных полях — огни комбайнов, быстрые, мечущиеся зайчиками — фары машин, спешащих от элеваторов к полю и с поля к элеватору. Где-то у степной станции Аполлоновская Юрий Алексеевич, сбросив газ, притормозил легкий бег «Волги». Впереди, вытянувшись в колонну, шли комбайны. Мелькнула мысль: «Вот так, по этим же дорогам шли к близкому бою танки».

— Как хорошо пахнет степь! — сказал я.

И председатель, осторожно обходя колонну, откликнулся:

— Хлебом...

— А вот и наши владения,— сказал Юрий Алексеевич, широко обводя рукою горизонт.— А это центральный поселок.

В просторной низине горели и перемигивались сотни огней. И мне показалось, что оттуда, приглушенная расстоянием, звучит музыка. Я улыбнулся этому наваждению и подумал, что музыка звучит во мне. Но музыка все-таки звучала. На широкой площади, возле Дворца культуры, играл духовой оркестр, медленно кружились пары в традиционном старом вальсе.

— Что это у вас, вечер танцев? — удивился я.

— Да, сегодня же суббота.

«Вот тебе и вымершая в страдную пору деревня»,— подумалось мне, и не скрою, эта музыка, эти танцы несколько обескуражили. Как же это: уборка в самом разгаре, а тут, как на курортной танцплощадке, идут и идут друг за другом пары в медленном вальсе.

За ужином Юрий Алексеевич рассказывал о бывшем председателе колхоза Андрее Васильевиче Чухно. О нем он постоянно вспоминал с первых минут знакомства.

— Я ученик Андрея Васильевича. Семь лет был у него заместителем. Два года работаю самостоятельно, но все как бы с ним. Сорок лет руководил колхозом Андрей Васильевич. Сорок лет. Это почти столько же, сколько мне сейчас. Так что учиться было у кого и было чему. Главный закон для Чухно — пристальное внимание к людям, к их деловым и душевным качествам. В кадровом вопросе, выражаясь казенно, для Андрея Васильевича главное — психологическая совместимость людей.

Я улыбнулся, и Юрий Алексеевич, заметив эту улыбку, повторил:

— Да, да, психологическая совместимость работающих рядом — залог успеха. Несовместимость в нашем деле губительна, как нигде.

Забегая вперед, хочу сказать, что эта мысль председателя колхоза имеет свое глубокое подтверждение.

За пять лет в хозяйстве сменилось десять основных организаторов производства (от председателя до садовода). И с этим ничего не поделаешь: колхозу пятьдесят, и старая гвардия уступает места молодежи. Эта серьезная смена руководства прошла безболезненно для хозяйства.

— Вот это и есть школа Чухно,— говорит Юрий Алексеевич.

А потом мы долго стоим на площади, и председатель беседует с шоферами, прикомандированными на время уборки из городских автохозяйств. Десятки вопросов. Десятки просьб. Больших и малых. Но главная тема разговора — хлеб. Давно замолк духовой оркестр, поугасли огни в окнах, глубокая, покойная ночь пришла на землю, тишина, безлюдье. И только кое-где на улицах белеют рубахи парней да слышится тихий девичий смех. Мы проходим мимо высокого, сложенного из розового туфа обелиска с барельефами коммунаров, красногвардейцев, воинов Великой Отечественной и партизан. Колышется высокое пламя вечного огня. Отчетливы стальные буквы: «ЗЕМЛЯКАМ, ПАВШИМ ЗА СЧАСТЬЕ НАРОДА».

История говорит с будущим

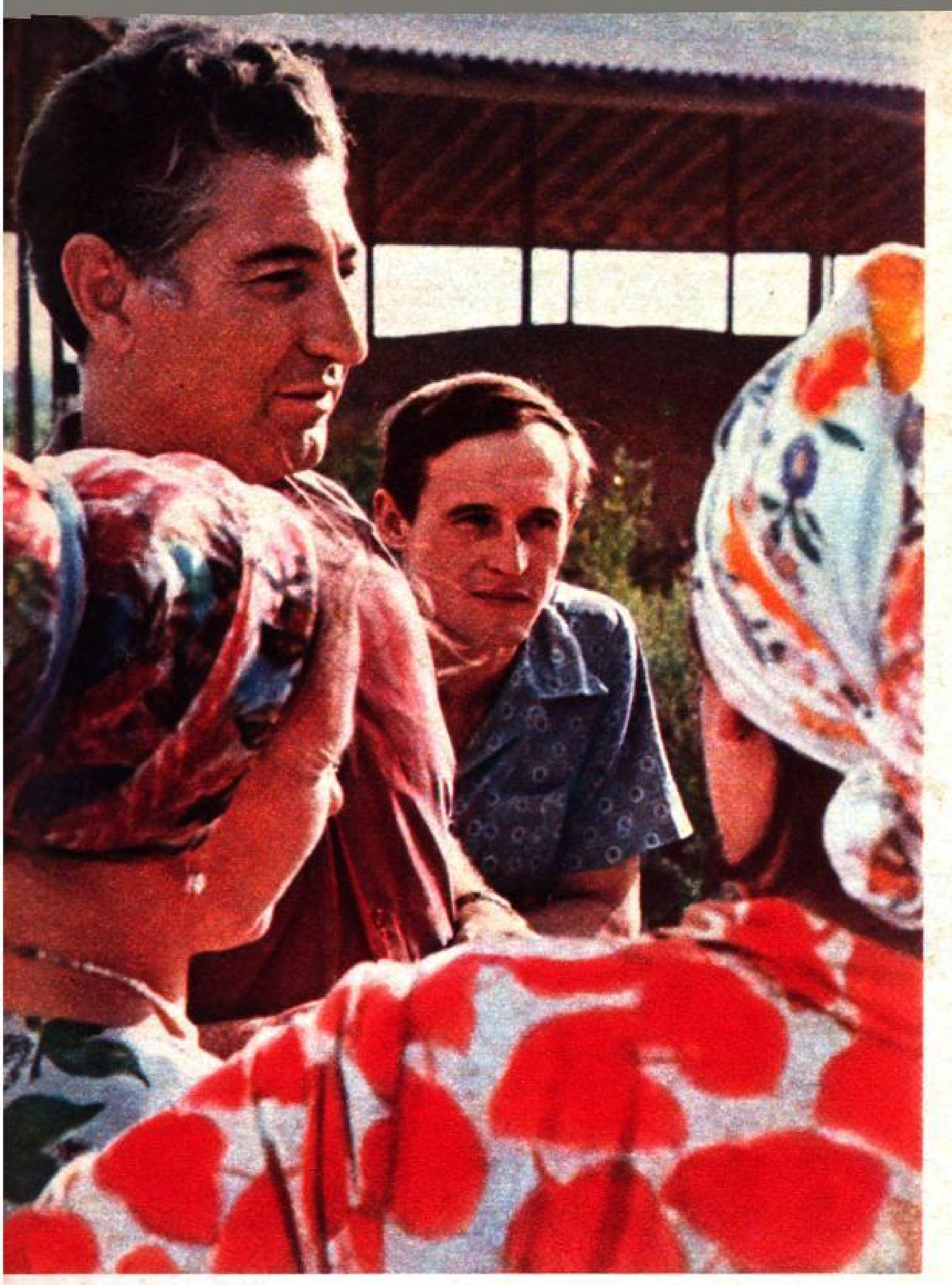
Утро начинается с рассвета, поется в песне. Для колхозников оно начинается гораздо раньше. Только-только, еще нерешительно, еще с хрипотцой кокотнул первый петух, а труженики земли, ее хранители и хозяева — на ногах. И председатель, и главный агроном, и бухгалтер, и главный инженер, бригадиры, и заведующие фермами, и секретарь парткома встают рано. Час-другой, и соберутся они все вместе на коротком деловом наряде наступающего дня. День начинается с наряда. В свой трудный и, пожалуй, один из самых благородных нарядов уйдут люди. Страда...

На тысячи гектаров раскинулся колхоз «Коммунистический маяк», и почти на каждом из них надо побывать и председателю, и агроному, и главному инженеру, и, конечно же, секретарю парткома Владимиру Ивановичу Походию — бывшему трактористу, человеку, чутко слышащему и понимающему землю и людей, вросшему в жизнь всеми корнями и корешками.

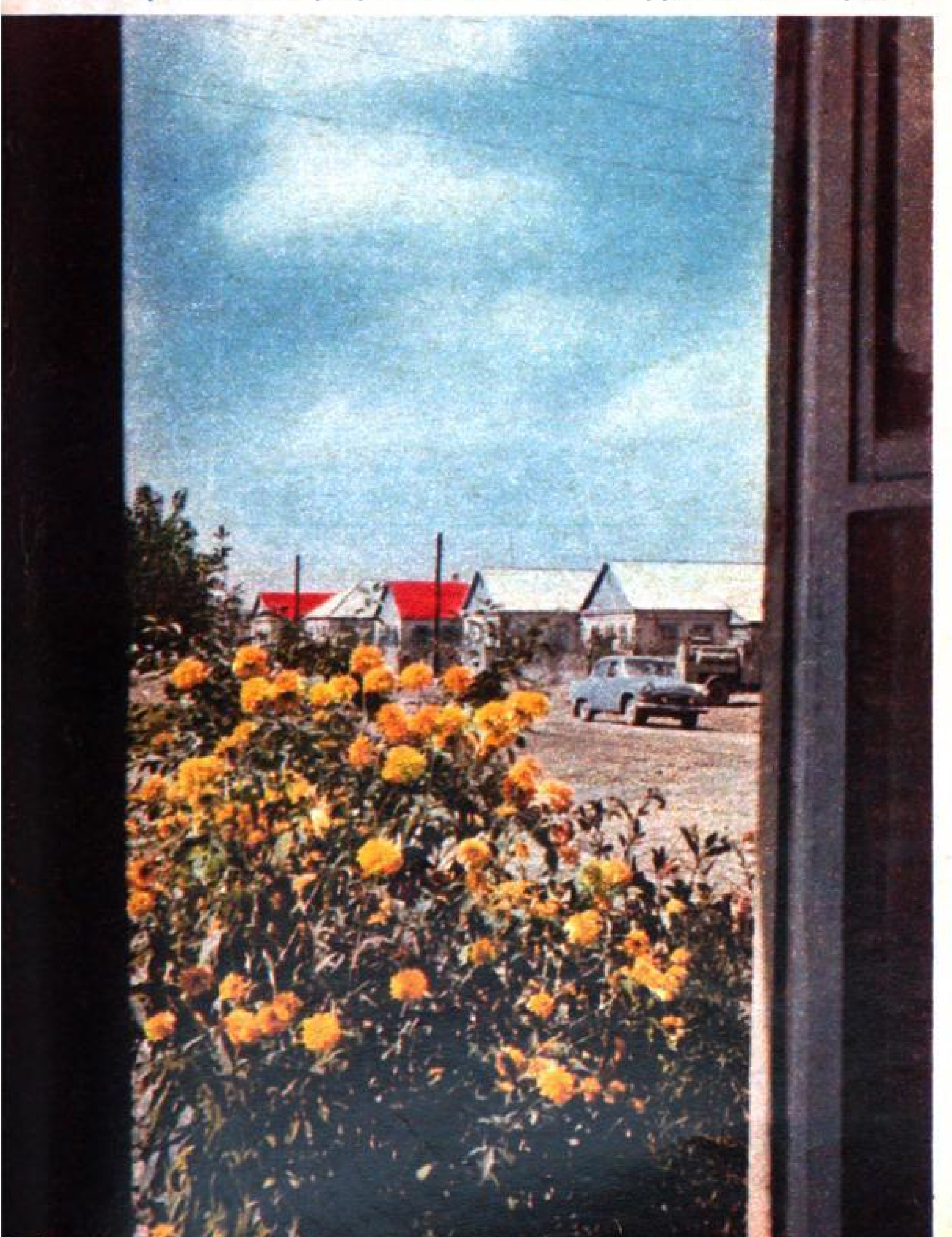
Сядет солнце, медленно поднимется луна, высоко уйдет во все еще пыльное небо, но будут от стана к стану, от тока к току, от бригады к бригаде бежать и хлопотливый «газик», и «Волга» с лучиком антенны радиотелефона, и вездесущая «летучка» главного инженера.

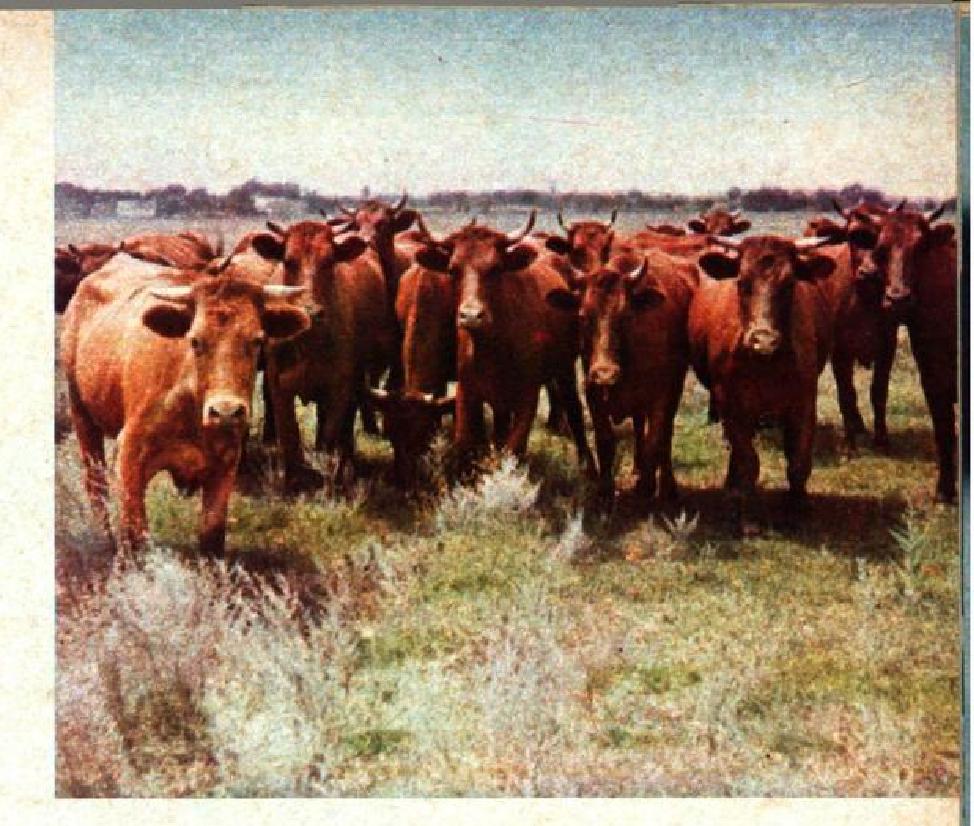
Поднимается рано, по привычке (ее теперь не изменишь: привычка — вторая натура) и бывший председатель Андрей Васильевич Чухно. Поднимает его с постели вечная, непроходящая забота о земле, о людях. Потому что не уходит на пенсию сердце хлебороба. Заноет под утро тихонечко: а как там в полях, как пшеничка, как хлебушек...

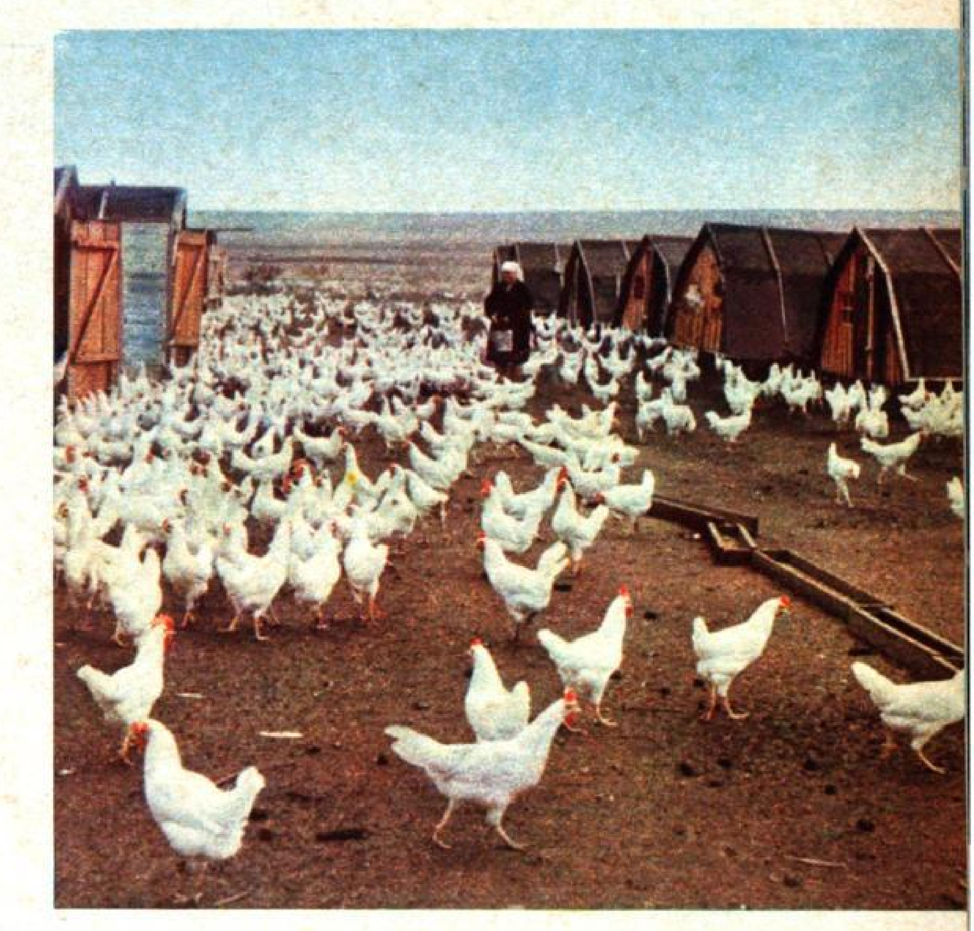
Андрей Васильевич берет удочки и идет на пруд. Идет мимо правления колхоза парком, где подпирают небо громадные клены и вязы. Какие-то из них сажал своими руками. И не угадаешь сейчас. Сорок лет прошло. Тихо в парке. Сюда еще не высыпала малышня из колхозных яслей и детского сада. Спят, растут. Скоро у них новоселье. Выстроили большое двухэтажное здание с широкими окнами, со светлыми спальнями, игровыми комнатами. Выстроили рядом с колхозным музеем. Будут малыши таращить глазенки на «фордзоны», на ручные веялки, на когда-то скрипучие, а теперь такие тихие арбы, что стоят под навесом. Па-

Председатель колхоза Юрий Алексеевич Бочарников: «Современный колхоз — сложное производство. Требует от людей большого труда, любви и сердца...»

Алексей Александрович Селюк — колхозный бригадир.

Пошел сверхплановый хлеб большого урожая.

мять. Как на скелет какого-нибудь ихтиозавра будут смотреть. Вот диковинка — «фордзон»! Мало кто пройдет мимо него не улыбнувшись. А Ваня Мортовицкий, первый тракторист коммуны, проложил тут борозду. И не только на земле, в душах крестьян.

Тихонечко в сонных камышах плещется вода. В любую тишь плещется — беспокойная. Андрей Васильевич посидит над удочками, вытянет за зорьку пяток крупных золотистых рыбин и перекинется в неторопливой беседе фразами со старым садоводом Никифором Денисовичем Иванченко. Еще крепок Никифор. Тоже встает до света. Широченная грудь колесом, плечи валом, а ручищи что океанские крабы. Бывало, возьмет в руки чубук виноградника — волосинка в пальцах, и только! Кажется, все готовы порушить эти вот руки бывшего матроса. Ан нет! Нежные они. Любви в них много, внимания. В любви сила кроткая, послушная.

Как-то сажали виноградники, и одна из колхозниц, чтобы не рыть глубокую ямку, согнула чубук пополам. Никифор Денисович заметил. Лицом потемнел, но сказал тихо, умерив ярь: «Как же ты так живое гнешь? А ежели тебя этак вот согнуть? Живое ведь. Эхма!» Теперь и он на пенсии. А в садах управляется Володя Калюжный. Пришел из армии, послали за счет колхоза в институт учиться. Работал под началом Никифора Денисовича, а теперь сам садовод.

Вспомнилось, как снимали фильм о колхозе. Тогда журналисты задавали вопрос каждому: как он представляет коммунизм. И Никифору Денисовичу задали. Он хитро улыбнулся, помедлил да и сказал: «А чего его представлять? Мы его побачим, тогда и скажем, какой он».

Сколько же Никифору? С 1885 года. Выходит, восемьдесят пять.

Андрей Васильевич собирает удочки. Скоро уже и на работу. Да-да, на работу. В колхозный музей.

Колхозный музей расположился в старом помещичьем доме. Когда-то тут было правление колхоза. И Андрей Васильевич провел здесь столько времени, что и не подсчитаешь. Многое видели и слышали эти вот стены, на которых теперь заняли место дорогие реликвии, потускневшие и все еще ясные фотографии, сохранившие для потомков лица тех, кто в далеком теперь двадцатом году создавал тут первую коммуну, символически названную «Коммунистический маяк». Многие из них погибли от рук бандитов. В колхозной летописи есть такая строчка: «1926 год... Сняли караулы и сдали пулемет. Перешли на мирное строительство». В то тревожное, героическое время приходилось пахать и сеять, убирать урожай с винтовкой за плечами. Многие не вернулись с фронтов Великой Отечественной.

Андрей Васильевич встречает нас на крыльце. Теперь он бессменный экскурсовод и хранитель музея.

Не высокого, а просто громадного роста, с чуть сутуловатыми, но все еще широкими плечами, с белоснежной головою, он неторопливо шагает по комнатам, и крупная указка в его руках кажется тоненьким прутиком. Как все очень сильные, большие люди, Андрей Васильевич нетороплив, голос у него тихий, но внятный и доходчивый. Мы идем с ним из зала в зал, и мне думается о том, что надо обладать громадной силой воли, неизбывной любовью, чтобы вот так, изо дня в день возвращаться в далекую свою юность и вести людей по прожитому тобою, потому что история колхоза — его жизнь.

О колхозном музее можно рассказывать много. Рассказывать о каждом зале в отдельности. Каждый зал — это годы становления хозяйства, его рост, его твердое поступательное движение вперед. Своеобразная наглядная книга фактов. Прочитать эту книгу приезжают из самых отдаленных уголков нашей страны. И не будет ошибкой, если я скажу, что со всех континентов.

Она волнует, эта книга, заставляет думать и, главное, убеждает. Убеждает в большой правоте дела, начатого здесь пятьдесят лет тому назад.

Я еще долго хожу от стенда к стенду и слушаю, как в соседних залах звучат тяжелые шаги Андрея Васильевича. О чем думает он, человек, проработавший сорок лет председателем колхоза? Может быть, о сегодняшнем небывалом урожае, о хлебе, каждое зернышко которого — это капелька крови его близких и родных людей. А может быть, о том тяжелом, да что тяжелом, просто горестном годе, когда сеять озимые пришлось в совершенно сухую, глыбистую почву (перед посевной не выпало ни капли дождя), а потом остервенелые ветры выдули не только реденький снег, но и чернозем. Помнится, тогда собирались отпраздновать шестидесятилетие главного агронома Ивана Павловича Гнездилова. Горьким получился юбилей. Встретили они его на полях. В черной мгле объезжали гектар за гектаром. Полностью погибли посевы ячменя, на пшеницу нельзя было смотреть без слез. Сколько же положили тогда трудов, чтобы вырвать, буквально вырвать, урожай! Собрали только по одиннадцати центнеров с гектара. Но все-таки устояли перед стихией люди. Устояли перед бедой. Отвели ее, что говорится, своими руками.

Сколько было таких вот тревожных лет! Сколько... И саранча губила посевы, и бандиты, и фашистская нечисть топтала сапогом родную землю. Неистовствовали суховеи и пыльные бури, засуха, бесснежье... Доставалось и от не в меру лихих администраторов.

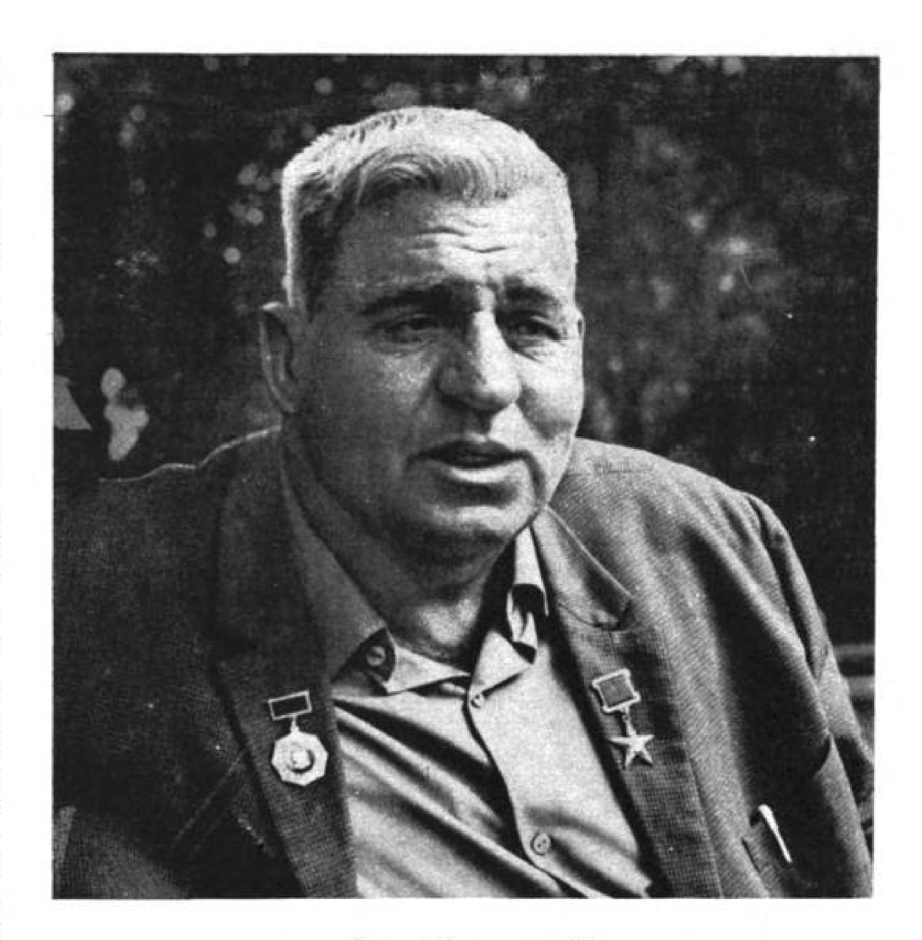
В ту пору была у председателей этакая частушечка-шутка:

Если хочешь быть живым,
Сей квадратно-гнездовым.

Все это позади — прошли через это. Разум, практическая сметка, большая любовь к земле, ответственность за будущее всегда побеждят. Это непреложно. Это факт нашей жизни. Когда глубоко пашешь, рысью не побежишь.

Как-то в разговоре Юрий Алексеевич Бочарников прочитал мне: «...Как можно осторожнее и терпеливее испытывать и распознавать настоящих организаторов, людей с трезвым умом и с практической сметкой, людей, соединяющих преданность социализму с умением без шума (и вопреки сумятохе и шуму) налаживать крепкую и дружную совместную работу большого количества людей в рамках советской организации. **Только** таких людей, после десятикратного испытания, надо, двигая их от простейших задач к труднейшим, выдвигать на ответственные посты руководителей народного труда, руководителей управления». В этих строчках целая программа. Это писал Ленин. Помнится, тогда Юрий Алексеевич добавил:

— Вот к таким людям, с трезвым умом и практической сметкой, относится Андрей Васильевич Чухно.

Андрей Васильевич Чухно.

— Знаете,— говорил мне Чухно.— В институтах и техникумах обучают всяким наукам — как пахать, сеять, убирать, растить скот, как использовать машины. Но вот как работать с людьми, как с ними обращаться — этому мало учат наши институты и техникумы. Этому учит жизнь. И я твердо уверен: от этой кропотливой, повседневной работы с людьми зависят и большие успехи и неудачи в хозяйстве. А потом я твердо убежден, что строить коммунизм — это значит не только повышать производительность труда, укреплять материальную и техническую базу, но и постоянно работать над тем, чтобы люди стали сознательнее, лучше, добрее. За эту работу тоже надо спрашивать так же, как за выполнение государственного плана...

Залы колхозного музея наполняются говорливым шумом. Пришли пионеры. К ним, не торопясь, своей тяжелой крестьянской походкой выходит Андрей Васильевич Чухно. История говорит с будущим.

Двуликий мистер Клей

Мистер Клей не хочет уезжать из колхоза. Мистеру нравится колхоз. Он голосует за него двумя руками.

— О'кэй! — то и дело восклицает он и хлопает над головой в ладоши.— Вы добрые хозяева! Вы гостеприимны! Мистеру Клею нравятся ваши виноградники, сады, ваши стада, поля, кони... О ваше вино — это нектар, а ваш стол о'кэй!

Мистер не знает русского языка, да и нет в английском такого слова: хлебосольный. Иначе бы он не раз произнес его.

Мистер Клей не хочет уезжать из колхоза «Коммунистический маяк». Он пожимает руки провожающих, пытается кого-то поцеловать, снова (в который уже раз!) кричит «о'кэй» и снова и снова жмет руки.

— Я восхищен! Я голосую за колхоз!..— И, наконец, произносит почти по-русски: — То-ва-рич!

Давно уже вся группа молодых американских фермеров из штата Индиана, которых сопровождает мистер Клей, как представитель крупнейшей туристической фирмы, заняла место в автобусе. Давно уже тихонечко поварчивает заведенный мотор, а мистер все мечется и мечется от одного к другому колхознику, все кричит свое бодрое «о'кэй» и восторгается, восторгается...

Мистер Клей не дурак выпить, но он, так показалось колхозникам, славный парень, потому что честно говорит о том, что голосует двумя руками за колхоз. Не скрывает симпатии к нашим людям, ценит их труд, уважает их землю, преклоняется перед их разумом и правдой. И еще потому, что выучил такое трудное слово — «товарищ». Вероятно, о нем так и будут вспоминать в колхозе — как о добром, слегка подгулявшем, хорошем американце.

Но мои друзья из колхоза «Коммунистический маяк» не знают того, что произошло в автобусе после того, как мистер Клей покинул их гостеприимное хозяйство. А произошло вот что. Автобус бежал степью. Она лежала широкая, раздольная, в золотых разливах полей, в жарком полыме цветущих подсолнухов, в редких теперь уже (уборка заканчивалась) купах пыли над медленно идущими комбайнами. Мистер Клей занял место гида на вращающемся кресле подле водителя и взял в руки микрофон.

— Хелло,— сказал мистер одно из немногих английских слов, которые понятны и без перевода.— Хелло,— сказал он, предварительно дунув в микрофон. И заговорил, весело поблескивая глазами и встряхивая пышной гривой волос.

— Люда,— попросил я нашу переводчицу,— переводите мне, пожалуйста, все, что говорит мистер Клей.

Он начал с того, что сообщил своим соотечественникам: выпилде, мол, слишком много вина и сейчас пьян.

— Во мне говорит русское вино. Вино и еще раз вино. Когда я попросил у председателя колхоза книгу для гостей, то не мог туда ничего написать. Но я пересилил себя и все-таки написал что-то о нашей дружбе. А потом сразу забыл что. И еще нарисовал там два больших бокала. На одном написал «СССР», на другом — «США». О чем я говорил вам...

И так без конца десять, двадцать минут, полчаса. Мистер Клей доб-

росовестно занимал своих подопечных, изрядно надоев всем своими шуточками. Но американец все говорил и говорил. В автобусе давно уже воцарилась тишина, и только мистер Клей бубнил свое, да монотонно, на одних оборотах, работал двигатель автобуса.

Я даже пожалел этого уже немолодого американца, которому приходится вот так изо дня в день занимать туристов, мотаться с ними по белому свету ради того, чтобы заработать себе насущный хлеб. Турист платит фирме, а фирма — Клею за то, что он представляет и забавляет туристов.

Но он уже говорил что-то строгое, назидательное, часто помахивая перед своим лицом сжатой в кулак ладонью. И глаза его не смеялись, а были строгими и колючими, и нет больше подгулявшего рубахи-парня. Мистер Клей отрабатывает сейчас хлеб своей фирмы. Он старается внушить подопечным ему туристам, что все увиденное ими в колхозе — «это только красивая ширма, это не есть насущные дела русских». Нет, нет, конечно, мистер Клей высказал лишь свое мнение, пусть молодые фермеры сами решают... И он затих, мурлыча под нос какую-то песенку, где часто-часто повторялось слово «уайн»[1].

Я слушал пьяного американца, и так мне хотелось напомнить ему про запись, которую он вместе с группой туристов оставил в колхозном музее. «Штат Индиана. 18. VII. 1970 г. Делегация доброй воли из Соединенных Штатов Америки посетила колхозное хозяйство, и на нас произвели большое впечатление величина колхоза и объем производства. С большим интересом мы узнали об истории русского кооперативного хозяйства. Группа молодых людей благодарит за дружбу, гостеприимство, оказанное тружениками колхоза. Основная цель — выражение доброй воли и взаимопонимания между людьми двух великих наций». А между тем Клей снова заговорил. Теперь его слова адресовались не столько к соотечественникам, сколько к нам, немногим русским, сидящим в автобусе. Он говорил о том, что группа очень устала в России, что Москва не понравилась им, что, улетая сюда, они долго просидели на Внуковском аэродроме, что вообще в Москве нет ничего интересного для молодого американца. Кто-то из группы несмело возразил Клею, и тогда он стал что-то невнятно бормотать о великолепном московском метро. И как-то совсем незаметно снова вернулся к нынешней поездке. Только сейчас говорил он о колхозе совсем другим тоном и совсем другими словами. Получалось так, что они, деловые люди, просто-напросто потеряли дорогое время. Что русские пытались обмануть их, показывая не то, что хотелось...

А мне вспомнилось, как в стадах американская девушка попросила пастуха дать ей лошадь и, ловко вскочив в седло, скакала вдоль стада под добрый смех и хлопки товарищей. Все смеялись: и гости и хозяева. Только мистер Клей не смеялся.

Вспомнилось, как юноша вежливо спросил на стане садовой бригады: «Можно нам здесь походить?» — и, получив ответ: «Ходите и смотрите все, что вас интересует»,— удивленно поднял брови, а его товарищи разбрелись кто куда. Мистер Клей тогда сурово сдвинул брови, ему не понравилось, что русские разрешают смотреть его подопечным все, что тем захочется.

И еще вспомнились мне глаза молодой американки, что сидела рядом со мной во Дворце культуры на просмотре фильма о колхозе. Глаза восторженные, полные какой-то неукротимой жажды осознать все увиденное, понять что-то необходимое ей. И припомнилась оброненная там же шуточка Клея: «А теперь вас будут агитировать за коммунизм». Он ел колхозный хлеб, и никто никогда не попрекнул бы его этим хлебом, таков уж он, наш человек. И деловой янки Клей решил тогда отработать тот хлеб. Теперь он отрабатывал другой хлеб — хлеб своей фирмы. Он не виноват в этом, он делает бизнес. И он хает все, что так неосторожно возносил...

— Позвольте микрофон, мистер Клей.— Худенькая женщина, Мэри Джули — та, что писала отзыв в колхозном музее, берет у мистера Клея из рук микрофон.

— Я хочу сказать о том, что мистер Клей не имеет никакого права говорить от нашего имени. Мы безмерно, искренне благодарны за этот день, за это гостеприимство, за все, что мы увидели. А увидели много необыкновенного. Прекрасного. Ваши поля, ваши фермы, сады, виноградники. Ваших хороших и добрых людей. Ваш большой хлеб. И это правда. Мы никогда не забудем этого дня. Вот мнение нашей группы, мнение молодых фермеров штата Индиана. И выключите, пожалуйста, микрофон, он не нужен мистеру Клею.

Дружные аплодисменты, истинно американский, да простят меня за это слово, реагаж. Мистер Клей идет на заднее сиденье спать. Ему в спину совсем по-детски показывают кукиши и языки его соотечественники. А за окнами автобуса степь и степь, и впереди и позади на дороге машины и машины с налитым, сильным зерном.

От сердца к сердцу

Какой уже день нещадно жарит солнце. Нечем дышать. Комбайны медленно идут по загонкам в седой непроглядной мгле. У обочины тракта отдыхают комбайнеры (на комбайнах работают по двое, в подменку). Заблудившиеся курортники на совсем выдохшемся «Москвиче» спрашивают дорогу.

— Скажите, как проехать в Нальчик?

Колхозники обстоятельно, наперебой, предлагают самые короткие варианты пути. Пожилой мужчина смотрит в степь. Там, на одной из загонок, особенно пыльно. За облаком не разобрать комбайна.

— Скажите, что там происходит?

— Комбайн хлеб убирает.

— А люди там есть?

На пыльных лицах улыбки. Озорно поблескивают глаза.

— А то как же? Конечно, есть.

— А чем же там дышат?

— Пыль полезная, хлебная. Никакая болезнь не пристанет,— шутят комбайнеры.

...На полевом току горы золотой пшеницы. Стрекочут сортировки и веялки, падает в кузова машин живая река хлеба. Девочка лет восьми ходит среди буртов, держа за руку совсем крохотную сестренку. Носы у обеих облупились, платья выгорели на солнце.

— А вот это пышеничка, пы-ше-нич-ка,— говорит нараспев старшая.

— Хлебусек?—откликается младшая.

— Хлебушек...

Юрия Алексеевича окружили женщины.

— Как дела, Юрий Алексеевич?

— У вас хорошо. Всю пшеничку принимают сильной. По тридцать два — по тридцать шесть центнеров с гектара даете. А с парового клина — по пятьдесят.

— Ого!

— А сколько нынче колхозникам выдадите?

— Полной мерой.

— А как в других бригадах?

— Хорошо. Первая нынче кончает уборку. По всему колхозу на круг будет больше тридцати центнеров с гектара.

— Юрий Алексеевич, а путевочку в Анапу, в колхозный дом отдыха, сейчас можно?

— Можно. Приносите заявление.

Подошла пышнотелая, бедовая с виду говоруха. Каждому — уточкой ладошку.

— Здрасьте, начальство. Подбираемся мы с делом. Скоро «качнем» вас, Юрий Алексеевич.

«Качать» на празднике урожая — добрая традиция здешних колхозников. Качнут председателя, бригадира ли, кого-нибудь из руководителей, подбросят на руках, поднесут к столу, угостят искристым вином, и тут же ты сам уважение должен оказать — своим вином угостить колхозников.

— Долго за такой урожай качать будем,— смеются вокруг.— Ведром не откупитесь, Юрий Алексеевич.

...Первая бригада закончила уборку. Вечером едем на стан. Еще издали слышится песня громкая, радостная, голосистая. Высоко поют женщины, низко вторят им мужские голоса:

Хороша земля, наш край дорогой,
Люблю тебя всей русской душой...

Снова колесим мы с председателем по степным дорогам от поля к полю, от бригады к бригаде. В машине председателя установлен радиотелефон. Это новое, что недавно пришло в организацию управления хозяйством. Радиотелефоны есть во всех бригадах, на машинах руководителей колхоза, в мастерских, на фермах. Где бы ни находился председатель — он в курсе всех сиюминутных событий.

— Весь колхоз слышишь,— улыбается Юрий Алексеевич, включая рацию.— Маяк тракторный, маяк тракторный... Как слышишь? Прием.

— Слышу вас хорошо.

И дальше, не сбавляя скорости «Волги», председатель дает распоряжения.

— Я буду на мехтоке.— Это уже диспетчеру...— В четвертой, на паровом клине стоит комбайн. Нужен трехручьевый шкив.— Это уже главному инженеру...

Кстати о снабжении колхозов запасными частями, техникой, механизмами. Вопросу этому было уделено много внимания на июльском Пленуме ЦК КПСС.

На заседании правления колхоза мне довелось услышать горькие слова в адрес Алтайского тракторного завода. Ставропольский край получил много мощных тракторов «Т-4», но почти все они стоят на приколе. У всех одна болезнь — некачественное исполнение двигателей. Нет запчастей. Колхозам до сих пор приходится посылать своих «толкачей» на Алтай. Просят, прибегают к любым мерам, только бы достать запчасти и механизмы. Ведь время не терпит. День год кормит.

...Как-то Юрий Алексеевич Бочарников показал мне фотографию. На ней была изображена пустынная степь, несколько домов, строящееся большое здание и редкие прутики саженцев.

— Узнаете?

— Нет.

— А ведь это та часть поселка, которую мы сейчас проезжали. И была она такой всего четыре года назад.

Я почему-то смутился и сказал:

— Смотрите, как быстро растут деревья. Теперь домов за садами не увидишь.

— Люди быстро растут. Растут душою. И украшают землю дела людей.

А через два дня Юрий Алексеевич Бочарников послал рапорт о выполнении плана сдачи хлеба государству. О завершении уборки большого урожая этого года.

С колхозных полей пошли сверхплановые тонны золотого зерна Ставрополья. Этот хлеб — колхозный подарок XXIV съезду партии.

---

[1] Уайн — (англ.) вино.

ИНТЕ

Владислав ШОШИН,
кандидат филологических наук

2

Одной из важнейших задач советской литературы 20-х годов явилось отражение интернационального единения, крепнущего международного братства. «Проклятая история самодержавия,— писал В. И. Ленин,— оставила нам в наследство громадную отчужденность рабочих классов разных народностей, угнетаемых этим самодержавием. Такая отчужденность есть величайшее зло...» Историческое зло успешно преодолевалось в ходе социальной борьбы, сплачивавшей трудящихся всего мира под легендарным лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Октябрьская революция выдвинула целый ряд писателей, в чьем творчестве громко зазвучала зарубежная тема, получившая «социальный разрез». Это была важная задача, и в выполнении ее раскрывалось благородное качество русского народа — его интернационализм. Первое поколение строителей социализма в полуразрушенной стране уже мечтало о том времени, когда в братском рукопожатии сойдутся с ними немецкий металлист, французский докер, китайский рикша, индийский кули.

Основной пафос произведений 20-х годов на зарубежную тему можно определить как разоблачительный. Характерен в этом отношении рассказ «Срочный фрахт» Б. Лавренева. Капитан Джиббинс, чтобы не потерять работу, вынужден пойти на преступление, убийство маленького портовика. Характерны книги очерков В. Ричиотти «Без маски» и «Страна на воде». Автор наблюдал жизнь внимательно и непредвзято. Он видел, например, умение голландцев хозяйствовать: корова дает молока значительно больше, чем наша холмогорка. Но автор шел вглубь, показывал подлинное лицо жизни, разоблачал мнимую безмятежность упорядоченного быта, идилличность труда на голландских цветочных плантациях. За внешним благополучием он видел мелкие страсти, тупую корысть, притоны Гамбурга, трагические судьбы безработных, контрасты капиталистического мира — эксплуатация и нищета трудящихся, колониальный гнет и процветание миллионеров, равнодушных к искусству и любящих лишь звон золота.

Стремление резко и контрастно передать борьбу двух миров, двух мировоззрений, с одной стороны, и недостаточное знание жизненного материала или недостаточно революционное понимание его — с другой, обусловили появление ряда произведений, авторы которых избрали путь «условного» отображения действительности. Такой

Окончание. Начало см. в № 33.

РНАЦИОНАЛИСТЫ—МЫ!

путь был закономерен в жанре социальной утопии, расцветавшем в 20-е годы («Крушение республики Итль» Б. Лавренева, «Эскадрилья Всемирной Коммуны» С. Буданцева и др.). Однако «условность» изображения, не давая реалистического воспроизведения действительности, не только снижала его достоверность, его познавательное значение, но и не позволяла глубоко вскрыть движущие силы истории, проникнуть в глубь национальных характеров.

Тесное переплетение двух планов — конкретно-исторического и условно-фантастического — являлось распространенным в 20-е годы приемом. Таково построение и романа И. Эренбурга «Трест Д. Е. История гибели Европы». В этом романе, как и во многих произведениях 20-х годов, посвященных изображению инонациональной действительности, основным сюжетом являлась непримиримость двух миров. Собственно, это и служило завязкой романа. Однако автор недооценивал возможности рабочего класса Западной Европы. Роман создавался в начале 1923 года, а уже осенью в Гамбурге развернулись баррикадные бои, однако «Трест Д. Е.» не дышит предчувствием их.

Недооценка революционных и вообще творческих сил народов Европы выливалась в сложных международных условиях 20-х годов в определенную тенденцию в изображении зарубежной действительности. И. Эренбург силен в своей иронии, в разоблачении представителей старого мира. Но критики и историки литературы отмечали скептицизм автора не только по отношению к старому миру, но и к новой действительности. Не случайно главный герой романа «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников» олицетворяет лишь силу отрицания и разрушения. Показателен как антитеза пример П. Антокольского. В его стихах 20-х годов звучала вера в революционные силы европейских стран.

Роман о Хуренито существен для нас и в другом отношении. Действие переносится из страны в страну, перед нами проходят представители разных народов, но мы не ощущаем национального колорита, не видим характерных примет народной жизни. Представители русского, немецкого, американского, французского народов изображаются не во плоти и крови, автор сатирически подчеркивает в каждом из них черту, которая будто бы наиболее характерна для данного народа, а на самом деле специфична лишь для его буржуазии. В самом деле, образ Алексея Тишина мог казаться лишь пародией на национальный характер народа, совершившего Октябрьскую революцию. Сам Хуренито — мексиканец, образ в мировой литературе традиционно космополитический, как напоминал, рецензируя роман Эренбурга, Лев Лунц.

Появление «условного мира» закономерно с точки зрения художественных средств и оправдано особенностями самих задач повествования. Но и «оправданная» условность остается условностью, не способной объемно, а главное, реалистично передать действительность. Условное эсперанто не могло заменить многообразия действительного языкового колорита. Невнимание к национальному облику героев также не способствовало раскрытию их образов.

Обличение буржуазной действительности занимает значительное место в крупных сюжетных произведениях. Широкую картину предвоенной Германии дает К. Федин в романе «Города и годы», разоблачая духовную пустоту мещанства, антигуманизм немецкой военщины.

Заслугой Федина в «Городах и годах» является также то, что он впервые в советской литературе наряду с Германией националистов и империалистов показал Германию революционеров. Курт Ван — первый значительный образ немецкого коммуниста не только в русской, но и в мировой литературе.

В романе развернуты широкие картины не только Германии, но и России. На протяжении одного произведения писателю хочется отразить жизнь разных народов, воссоздать национальные типы. «Города и годы» — одно из первых произведений советской литературы, демонстрирующих теснейшую связь национального и интернационального. Германия для Федина не экзотически чужая страна, ее судьба теснейшим образом связана с судьбами других народов, в том числе русского. Вступив в литературу как писатель, прекрасно знающий русскую действительность, Федин в значительной мере именно поэтому смог овладеть и действительностью инонациональной.

Советские писатели показывали не только прозрение прогрессивно настроенных людей за рубежом, но и широкий разлив революционного движения в различных его аспектах.

В сентябре 1923 года обострилось положение в Германии. По стране прокатились волны массовых забастовок. Революционные гамбургские рабочие начали восстание, демонстрируя солидарность с рабочими правительствами Саксонии и Тюрингии. Под руководством Эрнста Тельмана пролетариат Гамбурга сражался против шеститысячной армии полицейских и морской бригады.

В книге «Гамбург на баррикадах» Ларисе Рейснер удалось передать стремительную динамику боя. Самое ценное у Рейснер то, что она запечатлела образы героев классовой борьбы. Наблюдая судьбы отдельных рабочих, автор подчеркивает в наиболее характерных из них прочность классового сознания.

От разоблачения капиталистической действительности к изображению становления нового человека — такова была логика жизни и литературы.

Социально-политическая четкость и определенность в проблематике, а также стремление к практической действенности произведений, естественно, вели к публицистичности. Сергей Третьяков, например, свою пьесу «Рычи, Китай!» называл статьей на сцене. Автор не только показывал страдания народа от колонизаторов, но и давал анализ революционных сил.

Для простого человека за рубежом очень многое значил сам факт существования государства трудящихся, исторический пример и урок, преподанный народом России. Для многих путь к новой жизни — неважно, осмысленный или практический — начинался именно с размышлений о Советском Союзе, с простых сопоставлений. И разочарование в порядке и целях буржуазного мира вело мыслящих людей к социалистической идеологии. «Я остался навсегда в Советском Союзе,— подытоживает свой путь английский военный моряк Джекоб Доббель в «Стратегической ошибке» Б. Лавренева.— Я узнал толком, за что борются русские рабочие, и понял, что в начале войны я мало соображал и судил о политике, как глухой о соловьином пении. Компартия дала мне новую жизнь и новые мозги».

Уже в 20-е годы советские писатели создали выдающиеся произведения, в которых идеи интернационализма и дружбы народов были выражены с большой художественной убедительностью. Хрестоматийной стала сцена беседы и братания сибирских партизан с пленным американцем в повести Вс. Иванова «Бронепоезд 14—69».

В трактовке зарубежной темы в литературе последующего времени получили дальнейшее развитие плодотворные традиции, уже оправдавшие себя, традиции реалистического отображения действительности, вскрывающего прежде всего противоречия и пороки капиталистической системы и, с другой стороны, выявляющего формирование нового человека, который понимает необходимость социальных перемен.

Показательной в этом отношении является повесть Н. Тихонова «Война», в которой автор дает широкую картину европейской действительности, вскрывая подоплеку империалистической войны, разоблачая классовый сговор капиталистов разных стран. Развитие революционного движения в Европе автор не показывает всесторонне, но это и не являлось основной задачей небольшой повести. Однако в ней заметное место занимает образ Иоганна Кубиша, молодого немца, который стал «спартаковцем», дрался на баррикадах и мечтал о красной революции.

Создание образов положительных героев, становящихся на путь революционной борьбы, имело важные объективные причины. Страна вступила в новый период развития, в период построения социалистического общества, значительно возрос ее международный авторитет. Четкое осознание гражданской ответственности советского писателя за идейно-тематическую значимость его произведений, ответственности, понимаемой в международных масштабах, в высшей степени характерно. «Ни одного рассказа за рубеж, если он не оснащен антивоенно»,— писал П. Павленко в 1932 году.

Тема двух миров, их открытой борьбы или внутренней идейной полемики — эта общая тема советской литературы нашла воплощение в широком разнообразии жизненных ситуаций и конфликтов романа К. Федина «Похищение Европы». Европа бурлит негодованием трудящихся масс. Даже в заштатном силезском Герлице устраиваются демонстрации. Ищет свой путь в жизни выброшенный на улицу кочегар Рудольф Кваст. Шофер капиталиста ван-Россума Виллем, солидаризируясь с забастовкой шоферов, отказывается работать на хозяина. Матрос Брайвер также выступает против «хозяев» европейской жизни. Естественно тяготение людей труда к стране социализма, где трудящиеся взяли власть в свои руки.

Кульминационной точкой дружественного порыва европейского пролетариата к Советской стране можно считать главу «Добро пожаловать», в которой молодой голландский моряк говорит советским людям: «Я вижу, что меня здесь отлично поняли, потому что я говорю от имени трудового народа, такого же, как вы, от рабочих, которые живут в другой стране, там, за морем, но своей мыслью, своей мечтой всегда с вами. Я передаю их привет советской стране, советскому государству, советскому настоящему и будущему. Я счастлив, что ступил ногою на вашу землю».

Психологически своеобразное и знаменательное раскрытие тема двух миров получает в образе Клавдии Андреевны. Эта женщина в молодости своей, порываясь к иной жизни, убежала за границу и теперь задыхается от тоски и одиночества. Федин с большой силой раскрывает трагедию человека, лишившегося родины, причем, как это ясно из контекста романа, глубина трагедии усугубляется тем, что потеряна не просто страна, где человек родился и вырос, потеряна страна иного социального устройства, где находят воплощение лучшие человеческие идеалы.

Задачей советской литературы 30-х годов оставалось изображение не только процесса вызревания революционного сознания, но и практического проявления его в событиях тех лет. Характерной в этом отношении явилась книга стихов Н. Тихонова «Тень друга», посвященная странам Европы, как их увидел писатель во время своей поездки на Международный конгресс защиты культуры в Париже в 1935 году, и самим своим названием подчеркивавшая его стремление передать образы друзей Советской страны в Европе и некоторую сдержанность надежд на то, что они окажутся достаточно боеспособными. Ведь книга создавалась после того, как в январе 1933 года к власти в Германии пришли фашисты, был арестован Эрнст Тельман и запрещена коммунистическая партия. На берегу Кильского канала советский поэт встречается с фашистским молодчиком: «Повязка чернеет изломом креста, и краска загара до злобы густа». Но он видит также рабочий класс Парижа, который выходит на площадь Бастилии, чтобы отметить день 14 июля, он видит, что живы традиции героических шюцбундовцев, и как бы от имени немецкого народа поднимается в рот-фронтовском приветствии рука антифашиста навстречу красному флагу советского корабля.

Определяющим в формировании мировоззрения зарубежных

друзей был пример социальных преобразований в Советской стране.

В литературе можно найти много свидетельств того, какое значительное воздействие оказывали впечатления от социалистической действительности даже на «подготовленных» людей. В начале 30-х годов группа магдебургских рабочих приехала на строительство Березниковского химического комбината. Немецкие рабочие вместе со всеми боролись со стихией во время ливня и наводнения. Учили пришедших на стройку из деревень и не имевших никакого опыта. Один из немецких товарищей рассказывает: «Люди на стройке работали как одержимые, три смены днем и ночью. Впервые мы видели, как вдохновляет рабочего сознание, что он трудится не на капиталиста, а на самого себя, на свой народ». А вот свидетельство героя войны в Испании Энрике Листера: «Мое трехлетнее пребывание в Советском Союзе и мое общение с советскими людьми, в особенности в период моей работы на строительстве метро, позволили мне увидеть их такими, какими они были: скромными и искренними, благородными, исполненными чувства товарищества и крепкой дружбы».

Попытки буржуазии различных стран отгородить народы от Советского Союза и путем непризнания его и путем антисоветской пропаганды терпели крах. Множились примеры проявления интернациональной солидарности, например, участия немецких коммунистов в строительстве социализма в СССР. Еще в 20-е годы чехословацкими рабочими был создан в Киргизии производственный кооператив «Интергельпо» — подобные явления получали качественное подкрепление количественным ростом.

Попрание демократических свобод в Германии и приход к власти Гитлера привлекли внимание литераторов к этому трагическому участку мира. В годы, когда на западе и на востоке возникали очаги войны, в творчестве писателей-интернационалистов все громче звучала тревожная нота. Разоблачение захватнических антинародных целей поджигателей войны, необходимость объединения прогрессивных сил всех миролюбивых стран для отпора фашизму, важность форсирования оборонной мощи Советской страны, значение развития национально-освободительного движения, укрепления международной солидарности трудящихся — вот темы многих произведений тех лет (например, романа П. Павленко «На Востоке»).

Первый удар был нанесен в Испании. Фашизм испытывал там средства и методы войны. Народы мира — готовность к отпору агрессору.

Международный конгресс в защиту культуры, состоявшийся летом 1937 года в Барселоне, продемонстрировал сплоченность антифашистских сил. Выступления Вс. Вишневского, А. Толстого, М. Кольцова, И. Эренбурга на Барселонском конгрессе были лишь частным выражением интернациональной солидарности советских писателей с испанским народом. Как известно, некоторые принимали непосредственное участие в борьбе республиканцев вплоть до участия в руководстве боевыми операциями (Мате Залка).

Активизация фашизма, вооруженный отпор ему в Испании, усиление революционного и национально-освободительного движения — все эти события второй половины 30-х годов содействовали усилению интернациональной темы в нашей литературе. Советская страна воспринималась уже не только как светоч социального прогресса, но как единственный маяк перед сумраком фашистской ночи. Предвоенные записки А. Фадеева «По Чехословакии 1938 года», очерки П. Павленко о радостном воссоединении Украины и Белоруссии — лишь некоторые из многочисленных свидетельств.

В военные и первые послевоенные годы тема интернационализма и дружбы народов приобрела особую важность. То было время освобождения стран Западной Европы и Востока от империалистических захватчиков, время строительства новой жизни.

Перед советской литературой встала задача глубокого осмысления судеб родины в связи с большой историей нашего столетия. Качественно новым и особенно характерным именно для этого времени был массовый выход наших писателей на мировые просторы. В 40—50-е годы многие литераторы, находясь в частях Советской Армии, своими глазами увидели жизнь наших соседей.

Литература продолжила разработку важной темы столкновения советского и буржуазного мировоззрения, темы духовного прозрения человека, воспитанного в капиталистических условиях, на его пути к пониманию Советской страны.

Переустройство жизни на социалистических началах в странах народной демократии обусловливало необходимость решения серьезных воспитательных задач. Личный пример играл в этом не последнюю роль. Освободительный поход советских войск в Восточную Европу и страны Востока привел к тому, что массы людей, прежде не знавших Советский Союз, получили возможность увидеть тех, кто на своих штыках нес свободу. Их встречают восторженно. «Это — совсем другие люди,— говорит отцу румын Георге Бокулей о своих новых друзьях — советских бойцах.— Я тебе не могу объяснить, отец, но ты сам поймешь скоро, сам увидишь своими глазами» («Солдаты» М. Алексеева). И действительно, глаза миллионов людей увидели небывалое: людей новой психологии, нового мировоззрения.

Исторически важной была задача перевоспитания народных масс в самой Германии. Немецкие коммунисты, дождавшиеся победы, немедленно включились в борьбу за строительство социализма. Среди них были и видные деятели рабочего движения и менее заметные, но героические труженики. Задача заключалась, однако, в том, чтобы решением новых проблем увлечь широкие народные массы. Реализация этой задачи в первые годы легла на плечи советских людей.

Воздействие на умы и сердца вчерашних противников шло самыми разнообразными путями. Здесь и личный пример, и проведение мероприятий, направленных на благо народа, и предоставление возможности самостоятельно решать те или иные вопросы, использование опыта и прежнего авторитета немецких антифашистов, спасенных из концлагерей. П. Павленко, Э. Казакевич, В. Померанцев показывали, как правду идей коммунистов начинают понимать широкие круги немецкого народа. Понимать — и включаться в общественную жизнь.

Советский писатель всегда имеет перед глазами человека как основной объект изображения, человека социально-определенного, в конкретной реальной обстановке. В произведениях П. Павленко, Б. Горбатова, А. Фадеева, Н. Тихонова и многих других авторов перед читателем предстает мир напряженной социальной жизни. Но все это вовсе не исключает, а, напротив, предполагает внимание к национальным особенностям—во имя полнокровной и потому художественно полноценной передачи действительности, во имя глубокого раскрытия самих социальных конфликтов.

Империалистической идеологии советские писатели противопоставляют утверждение национального своеобразия, которое и способствует культурному взаимообогащению народов. Вот почему их герои — люди патриотического миропонимания, борцы за суверенитет и свободу народов.

Становление крупных характеров, воплощающих в себе идеалы национального самосознания и социальной справедливости, происходит в водовороте общественных движений. Именно в борьбе выковываются герои наших дней.

А. Л. ФАЙНШТЕЙН

Умер Абрам Львович Файнштейн. Много лет он работал в «Огоньке» заведующим редакцией. Он был искренним и теплым нашим другом. От него зависели порядок в редакционных делах, слаженность редакционного механизма.

Абрам Львович любил журналистскую работу, помогал всем, чем мог, каждому сотруднику редакции, был отзывчив, добр, и редакционный коллектив платил ему дружбой, всеобщей любовью.

Он прожил большую трудовую жизнь, участвовал в Отечественной войне, после фронта все свои силы отдал организационной, кропотливой и нелегкой, издательско-редакционной работе.

Уйдя по возрасту и состоянию здоровья на пенсию, он продолжал жить жизнью коллектива. Расстаться с дорогими его сердцу многолетними друзьями и товарищами он не мог.

Такие хорошие люди не уходят в забвение. Тяжелая болезнь сносила нашего старого друга и товарища, но память о нем останется в сердцах всех, кто его знал.

КОЛЛЕКТИВ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

В ОКЕАНЕ...

В адрес редакции с борта парохода «Саратов» получена следующая радиограмма:

«Экипаж грузового судна «Саратов», выполняющего рейс в водах близ Чукотки, встретился со специальными корреспондентами журнала «Огонек» Николаем Козловским и Борисом Смирновым. Журналисты рассказали о работе редакции, о творческих планах корреспондентов и фотокорреспондентов. Моряки высказали свои пожелания и замечания. Капитан парохода «Саратов» Логинов. Первый помощник капитана Ромб».

По привычке.

— У нас в первом классе очень сложная программа...

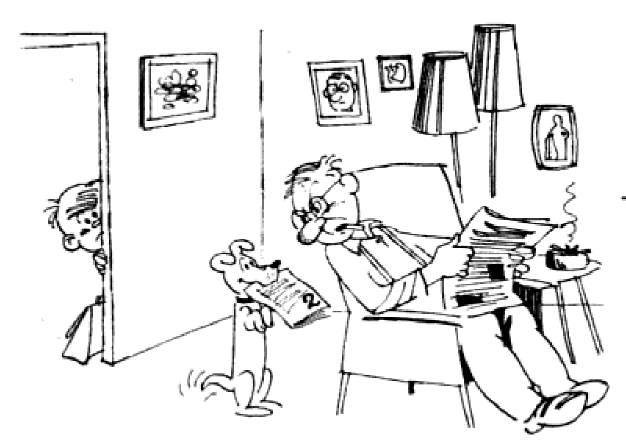

— В это время у моего Вовочки должен быть второй завтрак и сон...

Рисунки Ю. Черепанова.

— Ужель та самая Татьяна?

— Опять двойка!

Рисунки Б. Боссарта.

ВСТРЕЧА С БАХОМ В ЛЕЙПЦИГСКОМ ЗООПАРКЕ

Надежда **КОЖЕВНИКОВА**

«Наряду с породой львов, которые неоднократно отправлялись даже в Африку, ныне пользуются особым спросом во всем мире прежде всего сибирские тигры из прославленного Лейпцигского питомника». Цитата из рекламной брошюры Лейпцигского зоопарка.

По Сахаре бежит лев, другой лев заметил его и улепетывает в противоположную сторону. «Эй, дурак, куда ты,— кричит первый лев своему трусливому соплеменнику,— я ведь тоже из Лейпцигского питомника?» Устное народное творчество. Нет, серьезно, в Лейпцигском зоопарке львы породистей, чем у себя на родине, в Африке. А какие там обезьяны! А тигры! О жирафах в той же рекламной брошюре сообщается, что они размещены во «временном» помещении. Так и написано — «временном», будто намекая не только на сезонные перемены в климате, но и на переменчивость характера самих этих животных, чьи нелепо задранные головы выражают одновременно надменность и жалкость, а ноги неимоверной длины, казалось, сочетают в себе предмет большой гордости и крайнего неудобства для их обладателей. Недалеко от этого «временного» помещения находится «огороженное место для толстокожих», а совсем рядом с ним — «устройство для носорогов». «Устройство» тоже, безусловно, огороженное, так как, наблюдая за этими животными даже через широкие квадраты решетки, испытываешь неприятное чувство.

Носороги тупо и отрешенно мнут тумбообразными ногами пепельную, иссохшую землю, потом вдруг замирают, и огромные их тела, заскорузлые, в складках обвислой пепельно-серой кожи, напоминают мертвые земли пустынь с глубокими воспаленными в жажде трещинами. На квадратных мордах смертоносно, будто кинжалы, зажатые в кулаке, клинком вверх торчат два рога. Откровенно по-разбойничьи, не украшение, а оружие, неказисто, да зато прочно, намертво. Взгляд маленьких подслеповатых глазок озлобленно свиреп, будто из всего разнообразия чувств и настроений им известна одна лишь постоянная злоба, будто все то черное, неблагодарное, постыдное, что обычно хоронят на самом дне души и памяти, будто все это, вывернутое наружу, нашло свое воплощение в чертах одного существа: уродливых губах, низком свирепом лбе, хищно вывернутых ноздрях.

Носороги мнут пыльную землю тумбообразными ногами, словно в каком-то забытьи, отрешившись от всего происходящего, не замечая друг друга. Если природа наделила их способностью отчаиваться, возможно, именно это состояние переживается сейчас ими. Только острые ушки на их головах живут как бы самостоятельной, отдельной от всего носорожьего организма жизнью. Они настороженно прислушиваются, улавливая всякое движение и шумы, как маленькие локаторы. Тупая незаинтересованность фигур носорогов резко контрастирует с трепетными, нервными движениями их ушей. Ушки тревожны и любопытны, за ними гораздо интересней наблюдать, чем за сонной неподвижностью остальных частей носорожьего тела, они словно два симпатичных любознательных зверька.

Внезапно ушки настораживаются, приходят в волнение, и, как бы подчиняясь их воле, громоздкая туша носорога медленно и нехотя направляется туда, откуда послышались звуки, уловленные живыми локаторами.

А там, по другую сторону ре-

шетки и почти прижавшись к ней, в кресле на колесах с ручным управлением сидит паренек. Он держит на коленях транзистор с торчащей, как игла шприца, антенной, включив его на полную громкость, но явно не слушая рвущуюся оттуда музыку. Зато ее слушают носороги. Они приткнулись квадратными мордами к решетке, их поросячьи, с жалкими веревочками хвостов зады невежливо повернуты к посетителям, разглядывающим их с другой стороны устройства. Носороги стоят неподвижно, только изредка по их телу в обвислых складках кожи, похожему на растресканную землю выжженных, мертвых пустынь, пробегает дрожь.

Музыка лезет по спирали вверх, захлебывается в приступах смеха, откаблучивает такое, что под силу только самым ловким танцорам, а потом, как бы в утешение, в награду за выносливость, растекается нежной грустью, плавным баюканьем, под которое вспоминается даже давно позабытое.

Есть ли что вспоминать носорогам?

Толстоногие и неказистые, они столпились в одном из углов своего зарешеченного устройства, вглядываясь подслеповатыми, маленькими глазками в паренька, сидящего совсем близко в кресле на колесах. Лицо его строгое, нахмуренное, будто музыка в транзисторе совершенно не слышна ему, будто звуки ее отшелушиваются, даже не коснувшись его барабанных перепонок. Он смотрит на носорогов, а носороги слушают музыку. Музыка порхает в танце, доступном только самым ловким, самым гибким, самым молодым. Музыка, слушая которую начинаешь чувствовать в себе молодость и радость.

Но вдруг она прервалась.

Паренек поспешно склонился над транзистором, нажимая разные кнопки и клавиши, чтобы вытянуть из месива голосов и обрывочных мелодий ту, прежнюю.

Мелодия нашлась, но уже другая, плещущаяся, с темной грустью, с медленными, проникновенными вздохами, прекрасная мелодия, но уже другая. Той, прежней, найти не удалось. Но и новая мелодия хороша.

— Не подходите близко к решетке,— сердито пробурчал человек в форменном халате служащего зоопарка.— Не подходите, не подходите,— повторил он еще раз, хотя не видно было никого из желающих более близкого общения с носорогами. Никого, кроме паренька в кресле на колесах, сидевшего почти вплотную к железной решетке.

Но человек в форменном халате служащего зоопарка не обратил внимания на это нарушение. Проходя мимо паренька, он только приветственно кивнул ему, и паренек в ответ тоже наклонил голову. Они поздоровались так, как здороваются люди, изо дня в день встречающие друг друга, без лишних слов, без вежливых улыбок, буднично и привычно.

Паренек нажал одну из клавиш своего транзистора, и после минутной паузы вновь зазвучала музыка. Эта пауза была необходима, как вздох, как терпеливость вежливого собеседника, дающего партнеру спокойно договорить фразу, прежде чем начать говорить самому. Эта пауза была бесшумно прикрываемой за собой дверью и первым осторожным шагом в другую комнату. Пауза давала понять, какой ценностью и важностью обладает самая маленькая «затактная тридцатьвтора» этой музыки. Ибо музыку эту написал Иоганн Себастьян Бах, служивший кантором Лейпцигской церкви святого Фомы, где похоронены теперь его останки, в усыпальнице, вделанной в галерею, ведущую на хоры церкви. Это такая музыка, чье достоинство никто не осмелится оскорбить. Музыка настолько более глубокая и высокая, чем ты сам, что она, как пресс, выжимает из тебя всю мелочность чувств и жалкость мыслей. Даже делясь с тобой своими сомнениями, раздваиваясь, растраиваясь, обрушивая на тебя все могущество полифонической равноправной борьбы тем, голосов, доводов, даже делая тебя соучастником, советчиком, моля о помощи, все равно она (эта музыка) обладает такой собственной силой убежденности и правоты, что тебе с ней не справиться, лучше подчиниться и постараться вместить в себя хотя бы часть ее гениального величия.

Музыка Баха, завещанная поколениям будущего, музыка такая огромная, что все человечество может найти в ней себя; музыка, делающая тебя глубже и выше себя самого.

Носороги стояли неподвижно, как базальтовые изваяния. Музыка была столь прекрасна, что их неподвижность казалась сосредоточенностью, осмысленной и естественной. А кто знает, может, так оно и было.

Но вот музыка кончилась. И чувство странной, неловкой застенчивости, какое обычно возникает после спектакля или фильма, взволновавшего нас, когда яркий свет внезапно пробуждает посреди сновидения, и мы, смущенные, не глядя на лица соседей, стараемся поскорей пробраться к выходу, чтобы не растерять то ценное, что возникло в нас,— вот такое же чувство побудило нас отойти от устройства носорогов, когда смолкли последние звуки музыки Баха.

И, вероятно, то же самое почувствовал паренек, вдруг выключивший свой транзистор.

А потом раздался скрип гравия. Скорость, с которой паренек проехал мимо нас в своем кресле с ручным управлением, казалась больше и опасней от вида неуклюжих высоких колес. Но лицо его, которое мы не решались разглядывать, будто внезапно вошло в фокус, будто отделилось от мелькания колес и спиц, будто кто рванул тормоз, и лицо паренька возникло перед нашими глазами, дав разглядеть и запомнить подробность каждой своей черты: капельки пота у узкого переносья, сведенные над ним белесые брови, сосредоточенно сжатый рот и углы губ, чуть вздернутые улыбкой. Лицо замерло перед нашими глазами, но продолжало жить в движении, в упоенности этим движением, скоростью, при которой воздух рвется перед тобой тугой финишной ленточкой. И еще чем-то жило это лицо, чем-то очень важным, что нам не суждено было узнать.

Мы всматривались в лицо паренька, а он сам уже давно скрылся в конце тенистой аллеи парка.

г. Лейпциг

Круглый стол «Огонька»

В редакции «Огонька» встретились психолог профессор В. Н. Колбановский, венеролог профессор А. А. Студницын, сексопатолог профессор П. Б. Посвянский, психоневролог профессор М. С. Певзнер, доктор медицинских наук Л. В. Орловский, кандидат медицинских наук С. Л. Полчанова и автор книги «Алкоголь и дети» врач Е. М. Лубоцкая-Россельс. Речь шла о вреде пьянства, о том, что надо уже сегодня противопоставить его растлевающему и разрушающему действию.

Мы с детства затвердили истину, что алкоголизм — «наследие проклятого прошлого». В самом деле, пьянство противоречит природе нашего общества. Но оно все-таки не исчезло само собой, а продолжает калечить человеческие души, причиняет неисчислимые беды. Статистика утверждает: около 60 процентов убийств, свыше 60 процентов изнасилований, треть всех краж государственного имущества, свыше 60 процентов умышленных тяжких телесных повреждений, грабежей и разбоев, около 90 процентов хулиганских проступков, преступлений и прогулов совершаются людьми в состоянии опьянения. Каждый третий больной в наших психиатрических лечебницах оказался на койке из-за злоупотребления выпивкой.

Иные говорят: «Чего еще миндальничать, запретить водку, и все тут! У капиталистов ничего с этим делом не получилось? Так то же у них!»

Самое легкое, наверно, издать еще один или еще несколько запретов и успокоиться. Куда труднее убедить всех и каждого в том, что водочное половодье нетерпимо для общества, для экономики государства, для будущего народа.

Под наркозом «благополучных» цифр...

Сделать такой шаг, по мнению профессора В. Н. КОЛБАНОВСКОГО, до сих пор мешали существенные изъяны статистики.

— Она не могла,—говорит он,— дать нам исчерпывающих сведений о том колоссальном ущербе, который несут от пьянства промышленность, транспорт, сельское хозяйство, все прочие стороны нашей жизни. Грешило против объективной действительности даже такое авторитетное издание, как Большая Советская Энциклопедия. Посмотрите статью об алкоголизме: во Франции, узнаем мы, среднегодовое потребление спиртных напитков превышало 20 литров абсолютного алкоголя на душу населения; а в СССР — всего 1,04 литра (1928—1932 гг.). Вон ведь какое благополучие! Только автор «не учел» показателей самогоноварения, браговарения, да и делил цифры на все население страны, будто это сливочное масло или молоко.

Если же оценить поломки станков и машин, которые происходят по прямой вине пьяных рабочих, аварии на транспорте по вине захмелевших водителей, бедствия, которые «по пьяной лавочке» случаются в колхозах и совхозах, учесть убытки, причиняемые лесными пожарами, если присоединить к этому травматизм, болезни и все те средства, которые приходится затрачивать на борьбу с ними органам здравоохранения и социального обеспечения, то итоговая сумма наверняка и с лихвой перекроет весь доход от производства и продажи спирто-водочных изделий.

Большой материальный урон сопровождается еще и крайне болезненным моральным ущербом. Я имею в виду развал семей, плохое воспитание детей пьяными отцами и матерями, растущую во всем мире преступность, наконец, появление на свет все большего процента физически и нервно-психически дефектных детей. Это то, что не всегда поддается количественному учету, но что имеет совершенно определенную качественную характеристику. Я поинтересовался данными одного, на выбор взятого, диспансера. В 1963 году на учете в нем состояли три алкоголика-подростка, в 1966 году — уже 86, в 1969-м — более 150. Рядом, шаг в шаг с алкоголизацией идет ранняя половая распущенность. Доказательство тому — внушительная цифра беременных в возрасте до 17 лет. За последние годы число их, по подсчетам некоторых исследователей, возросло.

— Венерические болезни,— продолжает эту же мысль профессор А. А. СТУДНИЦЫН,— тоже одна из «побочных» проблем пьянства. Увы, все достижения медицины в лечении и профилактике этих недугов — применение новых эффективных антибиотиков, глубокое проникновение в патогенез и клинику — не в состоянии уравновесить социальные аспекты явления. Подсчитано, что 60—70 процентов заражений происходит в состоянии опьянения. Дело даже не только в злостном, запойном пьянстве, случайные связи возникают нередко и после единственной, так сказать, незапланированной попойки. Вот один из примеров, который мне пришлось наблюдать. Молодой талантливый инженер крупного машиностроительного завода приехал в командировку в Москву. Здесь его встретили друзья-однокашники. Решили, как это водится издавна, отпраздновать встречу и пошли в ресторан. Изрядно выпили, родилась идея сдвинуть столы. Пили за милых дам, которые тоже крепко охмелели. Торжество продолжили в номере гостиницы. На следующий день наш инженер очень раскаивался в своем поступке, потому что он вообще-то не пьет и любит свою семью. Затем все как-то сгладилось, стало забываться. Но через три недели появилось подозрительное высыпание на

ПОВЕЛЕВАЕТ САМА ЖИЗНЬ

теле. Врач подтвердил смутную догадку. Лечиться пришлось уже обоим супругам. Возник острый конфликт, который, возможно, поведет к распаду хорошей семьи.

Клинические наблюдения показывают, что у лиц, которые злоупотребляют спиртными напитками, недуги протекают гораздо более тяжело, злокачественно, у них медленнее наступает выздоровление. На общую беду, нынешний пьяница почитывает популярные журналы, брошюры, узнает коечто о достижениях медицины и нередко пытается лечиться самодеятельно, чтобы избежать нежелательной огласки. А результат один: исчезают поверхностные, видимые симптомы, но сама-то болезнь прогрессирует, и опасность ее распространения возрастает.

Порочные сестры

Профессор П. Б. ПОСВЯНСКИЙ с точки зрения своей специальности — сексопатологии — приводит дополнительные соображения о том неучитываемом, косвенном уроне, который терпит общество от злоупотребления спиртными напитками.

— Врачебный долг велит мне повторить, что сексуальная распущенность и выпивки — сестры. Молодежь на вечеринках часто не обходится, к сожалению, без достаточных возлияний. А потом случаются малоприятные эксцессы сексуального характера, трагические коллизии. Состояние, которое возникает в «подпитии», общеизвестно: человеку «море по колено», он во власти эйфории — искусственно вызванного возбуждения, при котором верх берут не разум, а легкомыслие и низменные побуждения. Потом, придя в ясное сознание, девушка глубоко переживает свое грехопадение. Не думайте, что в выигрыше остается ее юный партнер. Алкоголь оказывает прямое воздействие на сексуальную функцию. Если вода камень точит, то вино — мужскую силу. Различные формы импотенции, «заработанной» за хмельным столом, оборачиваются впоследствии личными трагедиями и, как ржавчина, разъедают семьи изнутри.

Пьянство чревато еще одним ядовитым семенем — бредовыми идеями ревности. Перед моими глазами молодой парень—шофер по специальности. Едва опомнившись после «убойного градуса», он начинал добиваться у своей ни в чем не повинной жены признания в неверности. Однажды, после очередного такого приступа, он посадил молодую женщину в свое такси якобы для того, чтобы довезти ее до работы, но свернул за город, в лесок, вооружился заводной ручкой и скомандовал: «На колени!» С тяжелейшей травмой черепа несчастную доставили в больницу, а ее одурманенного алкогольной ревностью мужа — за решетку. Даже когда дело не доходит до преступления, обильные выпивки грубо извращают «сексуальный облик» человека. Вчера еще ласковый и нежный, он становится назавтра грубым, циничным, в нем на первый план выступает скотское начало.

Горько говорить об этом, но в запойное пьянство вместе с мужчинами нередко втягиваются женщины. Кое-где для их лечения пришлось даже открыть отделения в психиатрических больницах. А ведь излечивать женщин гораздо труднее: организм их более остро реагирует на алкогольную интоксикацию.

А проблема «спиртных ударов» и деторождение? Это же страшно, когда знаешь, что где-то в эту минуту зарождается жизнь, заранее обреченная на болезни и беду! И только потому, что он или она были алкоголиками. Так косвенный урон переходит в прямой. Можно ли тут медлить, ссылаться на бухгалтерию?

— Профессор Посвянский подвел беседу к тому месту, где начинаются мои психоневрологические интересы,— сказала профессор М. С. ПЕВЗНЕР.— Всевозможные аномалии развития плода сейчас волнуют весь мир. Американцы подсчитали, что к концу 1970 года в США будет около пяти миллионов умственно неполноценных детей. Легко представить, какое это несчастье для семей и для общества. В чем же причина? Далеко не последнее место среди них занимают выпивки родителей, особенно в период внутриутробного развития плода.

В средних школах нашей страны введены новые, более насыщенные программы. Уже выявилась категория учащихся, которым не под силу дополнительная нагрузка. Обследования внесли ясность: наибольший процент неуспевающих приходится на так называемые неблагополучные семьи, а среди причин неблагополучия на первом месте — пьянство.

Мне довелось работать в детском санатории. Там особенно быстро обращали на себя внимание питомцы, страдавшие расстройством сна, недержанием мочи, плаксивостью, неуверенностью. И снова разгадка оказалась на поверхности: в большинстве своем это были дети алкоголиков.

— Я специально изучала причины нежелания женщин иметь детей,— включается в беседу кандидат медицинских наук С. Л. ПОЛЧАНОВА.— Это может показаться непостижимым: молодые, здоровые, состоящие в браке женщины сами отказывают себе в несравненной радости материнства. Подчеркну, что пятьдесят процентов опрошенных имели законченное высшее образование и мало кто из них ссылался на материальные трудности. Значительная часть женщин заявила: не хочу иметь ребенка от пьющего мужа!

Среди причин снижения рождаемости следует назвать ту самую половую распущенность, о которой здесь уже говорили, и связанное с нею значительное число нереализуемых беременностей. Из девушек, которые рано, вне брака забеременели и потому решились на первый аборт, не менее пятнадцати процентов навсегда останутся бесплодными. И это вопреки всем нашим терапевтическим возможностям.

Ученые много занимаются изысканием новых противозачаточных средств, которые позволили бы реально уменьшить количество абортов и снизить процент бесплодия. Но вот беда: в семьях алкоголиков эти средства часто не применяются, спившийся муж мыслит уже примитивно, утратил контроль над собой, опустошен, а в интимных отношениях беспомощен. Где ему думать о здоровье жены! Различные осложнения после абортов и родов тоже часто связаны с тем, что опустившийся муж-пьяница ведет себя варварски, как дикарь.

Время действовать!

— После того, как вышла в свет моя книжка «Алкоголь и дети»,— говорит врач Е. М. ЛУБОЦКАЯ-РОССЕЛЬС,— я получаю много писем. Часть авторов без обиняков отмечает: «Если бы вы побывали у нас и увидели, как часто и помногу пьют молодые люди, вы бы нашли больше осуждающих слов!» «Когда-то,— говорится в другом письме,— существовало в стране Общество борьбы с алкоголизмом, вокруг него группировались активные силы, люди вели борьбу с пьянством. Почему Общество закрыто и не восстанавливается?»

Все мои корреспонденты призывают к активной борьбе с злоупотреблением хмельным зельем. То, что мы делали до сих пор, не способно, по их мнению, коренным образом изменить положение. Действительно, надо более активно наступать на зло, причем без ханжества и без крикливости, не давая пищи всяким кривотолкам. Сами факты страшнее любых басен!

— В стране издано немало хороших постановлений, направленных на борьбу с пьянством,— говорит доктор медицинских наук Л. В. ОРЛОВСКИЙ.— Запрещено, например, появляться в пьяном виде на улице, распивать алкогольные напитки в магазинах, подъездах, допускать к работе людей в нетрезвом виде, ограничено время и место торговли спиртным, полагается наказывать взрослых, вовлекающих молодежь в пьянство, и т. д. А на деле? Достаточно оглянуться вокруг — как часто безнаказанно нарушаются подобные постановления! А мы как-то притерпелись к этому. Равнодушие иных граничит с душевной подлостью. Не так уж редко можно увидеть, как здоровенный детина, не стыдясь, отворачивается от пропойцы, пристающего к женщинам, как прикрываются газетами пассажиры трамвая от сквернословящего захмелевшего подростка. Надо восстать всем миром против алкогольных традиций. Целиком поддерживаю предложение о воссоздании Общества борьбы с алкоголизмом. Неплохо бы возобновить и издание специального журнала.

Пора также восторжествовать неукоснительному принципу: никакие прошлые заслуги или подразумеваемые таланты не могут позволить человеку, «подмоченному» спиртным, руководить другими людьми.

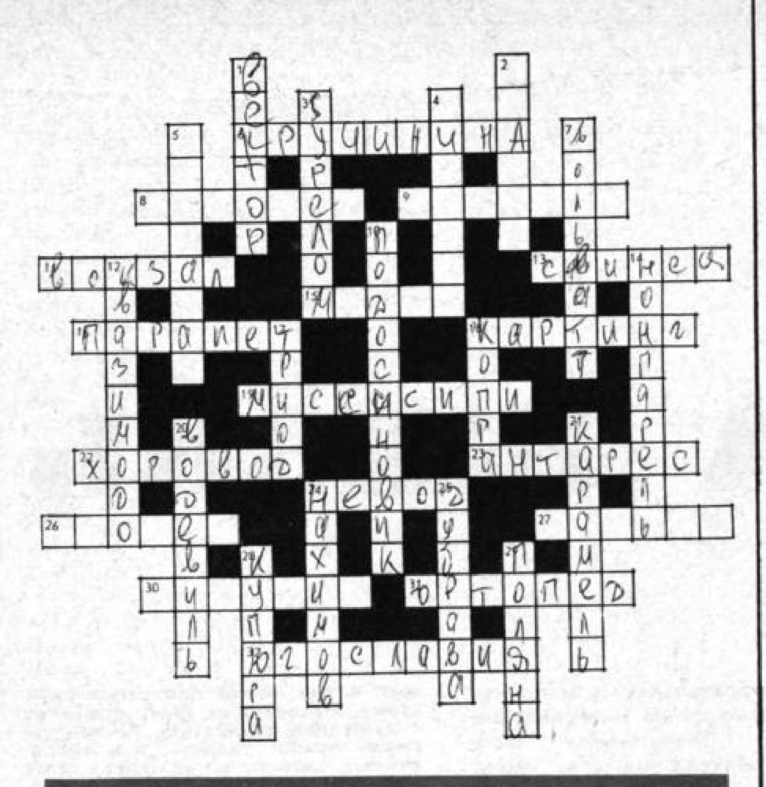
Я хотел бы, чтобы на всех без исключения советских заводах и фабриках, во всех колхозах, совхозах, учреждениях придерживались бы такого принципа: злостному пьяннице не место в трудовом коллективе! Еще и потому, что пьяницы, как правило,— это лодыри, разгильдяи, тунеядцы, разрушители хозяйства, нарушители правил социалистического общежития, законов о трудовой дисциплине. Им и соответствующий «почет».

Назрели и некоторые частные меры. В трудовых колониях, где от алкоголизма лечат принудительно (а направлять туда следует каждого, кто повторно попал в вытрезвитель), не должно быть отказа из-за недостатка мест. Надо немедленно снимать с работы и судить лиц, нарушающих правила торговли винами, и решительно усилить борьбу с самогоноварением.

— Очень важно,— снова вступает в разговор профессор В. Н. Колбановский,— чтобы в каждом городе, в каждом селе партийные и советские организации больше задумывались над вопросом: что делать людям, особенно молодым, вечером, после работы? Достаточно ли создано возможностей занять свободное время культурно, с пользой? При Советах депутатов трудящихся — от Верховных Советов республик до районных — я предложил бы создать постоянные депутатские комиссии по борьбе с пьянством. С помощью компетентных специалистов — психологов, социологов, врачей, педагогов и других — они могли бы предложить множество заслонов этому пороку.

Хочу еще добавить, что «алкогольные традиции», о которых тут упоминалось, не имеют ничего общего с традициями национальными. Печально известный афоризм «Веселие Руси есть пити» не что иное, как поклеп на русский народ. Нет, это не национальная традиция. Это распущенность, ждущая самого решительного, всенародного пресечения.

Вел беседу
А. ЧЕРНЯХОВСКИЙ.

КРОССВОРД

По горизонтали: 6. Персонаж комедии А. Н. Островского «Без вины виноватые». 8. Птица отряда воробьиных. 9. Угольный карандаш. 11. Станционное здание. 13. Металл. 15. Трагедия Еврипида. 16. Ограда, перила вдоль моста, набережной. 18. Гонки на автомобилях малых размеров. 19. Река в США. 22. Игра с пением и пляской. 23. Звезда в созвездии Скорпиона. 24. Сеть для ловли рыбы. 26. Один из Малых Зондских островов. 27. Рассказ М. Горького. 30. Советский конструктор авиационных двигателей. 31. Врач. 32. Государство в Европе.

По вертикали: 1. Отрезок прямой, имеющий определенное направление. 2. Металлорежущий инструмент. 3. Картина И. И. Шишкина. 4. Курорт в Крыму. 5. Овощ. 7. Единица мощности электрического тока. 10. Гриб. 12. Действующее лицо балета Ц. Пуни «Эсмеральда». 14. Типографский шрифт. 17. Электронная лампа. 18. Ядро кокосового ореха. 20. Комедийный жанр. 21. Сорт конфет. 24. Русский флотоводец. 25. Лиственный лес. 28. Сокращение в тексте. 29. Небольшой луг.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 34

По горизонтали: 7. Шевцова. 8. Трактор. 9. Мингечаур. 10. Чернослив. 13. Иоканга. 15. Экзамен. 16. Люцерна. 17. Пурга. 19. Клиника. 20. Эмблема. 24. Тюбик. 25. Морошка. 27. Бретань. 28. «Русалка». 31. Пословица. 32. Кассиопея. 33. «Фиделио». 34. Кальций.

По вертикали: 1. Зелинский. 2. Сонет. 3. Карабин. 4. Штурвал. 5. Залог. 6. Полифония. 11. Гагра. 12. Кабельтов. 14. «Ведомости». 17. Пакет. 18. Аймак. 21. Двоеточие. 22. Абзац. 23. Умножение. 26. Архипов. 27. «Барсуки». 29. Коала. 30. Число.

На первой странице обложки: Герой Народной армии ДРВ старший лейтенант Май Ван Кьюнг служит в Н-ском авиационном полку, защищающем небо Ханоя.— Красива и богата земля Вьетнама. Щедро платит она людям за любовь и труд.

На последней странице обложки: Даже в самые суровые годы войны дети ходили в школы и детсады, учились, собирались на пионерские сборы.— Вечером...

Фото А. Сербина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Л. И. ШУМАНА

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 11/VIII-70 г. А 00442. Подп. к печ. 25/VIII-70 г. Формат бумаги 70 × 108$^{1}/_{8}$. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1787. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 2234.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

ТРИДЦАТЬ СТРОК ТЕКСТА И ТРИ ФОТОГРАФИИ — ТАКОВА НОВАЯ РУБРИКА «ОГОНЬКА»

ВИЖУ ДЫМ...

Л. ШЕРСТЕННИКОВ

Фото автора.

...С посадочной площадки ежедневно поднимается самолет. Если сушь, от которой раньше срока начинает желтеть трава и осыпаться листья,— самолет в воздухе почти все светлое время суток. В столовой летчики наскоро глотают котлеты, пьют компот — и к самолету. И вот уже под крыльями мелькает знакомое поле с обвисшим полосатым «колдуном» — нет ветра,— проплывает заросший ельником островок в бурном потоке реки, а дальше лес, лес, лес... Полтора часа отстукивает мотор километры только в один конец. Один пилот держит курс, другой отмечает по карте пройденные квадраты и внимательно следит за всей доступной глазу площадью. Это летнаб. Летчик-наблюдатель.

— Дым в квадрате...— дальше координаты.

Самолет меняет курс. С воздуха оцениваются размеры пожара, направление ветра, близость воды, наконец, возможность высадки десанта...

Сигнал сирены — первый, второй, третий...

— Пошел!..

Георгий Петухов, Алексей Пержуков, Виктор Синилов исчезают в проеме двери, и вот уже далеко за самолетом раскрываются бутоны парашютов. Против огня выходит пятерка людей, вооруженных топорами, лопатками, тут же срезанными хлыстами. Если нужно, в дело идет взрывчатка... И огонь отступает. Как подсчитать то добро, которое несут людям эти пятеро отважных, и чем измерить ущерб, опоздай десант хоть на час?..

Тувинская АССР, поселок Салдам.

Цена номера 30 коп. Индекс 70663.